

В. Г. МАКАШВИЛИ

*Уголовная
ответственность
за неосторожность*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1957

ВВЕДЕНИЕ

Поддержание и укрепление установленного в Советском государстве политического и общественно-экономического уклада, всесторонняя защита прав и интересов его граждан возможны только при строгом соблюдении социалистической законности. Точное исполнение советских законов всеми учреждениями, равно как отдельными должностными лицами, а также гражданами СССР, приобретает особенно важное значение в свете решений XX съезда КПСС.

Принятая съездом резолюция гласит: «Съезд полностью одобряет осуществленные ЦК КПСС меры по укреплению советской законности, по строгому соблюдению прав граждан, гарантированных Советской Конституцией, и обязывает все партийные и советские органы бдительно стоять на страже законности, решительно и сурово пресекать всякие проявления беззакония, произвола, нарушения социалистического правопорядка».

Проводником принципа законности служит и советское уголовное право. Содержащиеся в уголовных законах нормы, с одной стороны, обращены к гражданам с точно определенными запретами и велениями, а с другой стороны, обязывают государственные органы вести борьбу с общественно-опасными деяниями в строгом соответствии с указанными запретами и велениями. Для советского уголовного права незыблемым является требование, что лицо может подлежать ответственности за совершение лишь такого деяния, которое содержит признаки преступления, описанного в уголовном законе, то есть соответствует составу преступления.

Политическое и юридическое значение состава преступления в советском уголовном праве вряд ли можно переоценить. Предусматривая составы преступления,

закон намечает круг деяний, которые посягают на социалистические общественные отношения и влекут за собой применение мер государственного принуждения в виде уголовного наказания. Точным описанием в законе признаков состава преступления достигается отграничение уголовно-наказуемых деяний от действий, которые не затрагиваются сферой уголовного права. При помощи составов преступления отличаются друг от друга различные по тяжести преступные деяния, с которыми в зависимости от степени их общественной опасности закон связывает ту или иную меру наказания.

Состав преступления как средство для отграничения преступных деяний от не преступных и как средство для установления различной степени общественной опасности запрещенных уголовным законом деяний имеет решающее значение для осуществления борьбы с общественно-опасными посягательствами на основе единой социалистической законности. Вне существования твердо зафиксированных в законе составов преступлений немыслимо единообразное проведение карательной политики Советского государства.

Состав преступления в то же время представляет собой надежную гарантию ограждения советских граждан от возможного произвола и злоупотреблений со стороны отдельных представителей судебно-следственных органов.

Основным признаком любого состава преступления является точно определенное самим законом конкретное внешнее поведение лица, которое выразилось или в общественно-опасном действии или в преступном бездействии, причинившем вредное последствие или создавшем опасность его наступления.

Таким образом, социалистическое уголовное право считает обоснованным применение наказания лишь в том случае, если поведение лица угрожает существованию и целостности охраняемых советским правопорядком объектов. Но не все то, что общественно-опасно, является в то же время противоправным в уголовно-правовом смысле. Только определенная степень общественной опасности придает деянию преступный характер.

Требование для ответственности наличия обоих моментов — объективной общественной опасности и противоправности деяния, являясь проявлением принципа социа-

листического демократизма в области уголовного права, гарантирует определенность советского правосудия.

Однако, признание деяния объективно противоречащим системе социалистических общественных отношений и противоправным недостаточно для установления уголовной ответственности. Для этого еще необходимо, чтобы оно было совершено виновно и могло быть поставлено в упрек действующему лицу. Вина, которая выражается в психическом отношении лица к противоправно причиненному последствию, дает возможность связать совершенный поступок с внутренним миром лица и рассматривать деяние как проявление всей его личности.

Положение, что без вины не может быть ответственности, ясно вытекает из постановлений советского уголовного законодательства, допускающего назначение наказания лишь при условии, если лицо совершило общественно-опасное и противоправное деяние умышленно или по неосторожности. Советская судебная практика неуклонно выполняет это предписание закона¹. В нем находят свое проявление принципы социалистического гуманизма и справедливости, без которых немыслимо отправление правосудия.

Общественная опасность и противоправность деяния, с одной стороны, и вина — с другой, выражая различные принципы уголовной ответственности, в то же время находятся друг с другом в неразрывной связи и образуют органическое целое, которое дано в общем понятии преступления.

Хотя преступление как явление представляет собой одно неразрывное целое, все же при его изучении необходимо отделить друг от друга внешнюю и внутреннюю его стороны как различные понятия с самостоятельным со-

¹ Виновного отношения к последствию суды требуют и при преступлениях, квалифицируемых по тяжелому последствию. Это положение ясно выражено в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 30 декабря 1943 г. по делу П.: «Для того, чтобы виновный в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения отвечал по ч. 2 ст. 142 УК, необходимо, во-первых, чтобы между наступлением смертельного исхода и действиями виновного существовала причинная связь и, во-вторых, чтобы в отношении этого результата — смертельного исхода виновный проявил неосторожную вину...» («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, М., 1948, стр. 133).

держанием, отражающие различные принципы ответственности.

Разделение внешней и внутренней сторон преступного деяния всегда признавалось в советской науке уголовного права. Однако некоторые советские криминалисты все же недопустили различия объективной и субъективной сторон преступления и попытались дать такое определение понятия «вины» («виновности»), которое включает и объективные элементы преступления¹.

Причину возникновения такого взгляда, по нашему мнению, следует искать в том, что указанные авторы вкладывают в уголовно-правовое понятие вины тот смысл, который иногда придается ему в уголовном процессе. В уголовном процессе термины «вина», «виновность» нередко используются для краткого, суммарного обозначения всех моментов, принимаемых во внимание при вынесении приговора. В этом смысле говорится о виновности в п. 9 ст. 23 УПК РСФСР, который поясняет: «Приговор» означает решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого». Точно так же в судебной практике, в частности, в постановлениях Пленума и определениях коллегий Верховного Суда СССР встречаются выражения «виновность материалами дела установлена», «лицо признается виновным в совершении преступления» и т. п. Такое понимание вины по существу совпадает с понятием уголовной ответственности. Само собой разумеется, оно не может найти места в области учения о преступлении. Здесь вина является составной частью понятия преступления, его субъективной стороной.

Усматривая сущность вины в психическом отношении лица к совершенному им общественно-опасному деянию и вызванному им последствию, советская наука уголовного права делает из этого соответствующие выводы.

Прежде всего из такого понимания вины следует, что вина является признаком преступного деяния. Поэтому из понятия вины исключаются все те моменты, которые не выявились в совершенном деянии, а лежат вне деяния

¹ См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 57—58, 65—66, 103—104 и др.; Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 6 и др.

как такового. Всякая попытка оторвать понятие вины от преступного деяния может привести к расплывчатому и неопределенному понятию, лишенному четких границ и ясного содержания. Достаточно вспомнить выдвинутые буржуазными криминалистами империалистического периода понятия «материальной вины» или «вины характера» или «антисоциального настроения», которые по существу вели к отказу от преступления как основания уголовной ответственности и вообще к отрицанию начала законности в области уголовного правосудия. Обстоятельства, характеризующие личность преступника, но не выявившиеся в совершенном деянии, конечно, могут приниматься во внимание при назначении наказания, но их не следует относить к понятию вины.

Далее, из понимания вины как психического отношения к деянию вытекает, что содержание понятия вины определяется внешними процессами, на осуществление которых направлена воля лица. Бессодержательного психического процесса вообще не существует. Согласно ленинской теории отражения, сознание человека является своеобразной формой отражения объективной действительности, существующей независимо от сознания. Поэтому любой психический акт определяется не только отношением к самому мыслящему субъекту, но и отношением к явлениям объективной действительности как к объектам, которые в нем отражаются. Точно так же понятие вины как психического отношения не исчерпывается тем, что это есть состояние, характеризующее личность преступника в момент совершения деяния. Существенным для этого состояния является то, что представления и эмоции, которые относятся к содержанию понятия вины, всегда направлены на предметы внешнего мира и получают свою конкретизацию от этого внешнего мира. Вина есть отношение к внешним свойствам поступка и к общественно-опасному последствию, на причинение которого направлено деяние.

Зависимость содержания вины от внешних процессов с исключительной ясностью установлена К. Марксом в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса». «Следовательно, — пишет К. Маркс, — собирание валежника и кража леса — это существенно различные вещи. Различны объекты, не менее различны и действия, направленные на эти объекты, следовательно, различны должны быть и намерения, ибо какое же объективное мериле можем мы

приложить к намерению, помимо содержания действия и его формы?»¹.

Таким образом, содержание вины и ее степень в значительной мере определяются характером действия и тяжестью вызванного им результата, к которому имеется психическое отношение лица. В этом выражается органическое единство объективной и субъективной сторон преступления.

При этом не следует упускать из виду, что для уголовного права имеет значение психическое отношение только к такому деянию, которое признано общественно-опасным и наказуемым. Нельзя говорить о вине в смысле уголовного права, если деяние, на которое направлена воля лица, хотя вообще и запрещено уголовным законом, но в данном случае не является общественно-опасным и противоправным, например, при необходимой обороне, крайней необходимости и т. п. В этих случаях вопрос о вине вовсе не ставится. Лицо освобождается от наказания ввиду отсутствия общественной опасности и противоправности деяния.

С психическим отношением лица к совершенному общественно-опасному и предусмотренному уголовным законом деянию связывается порицание и осуждение лица.

Такое осуждение может иметь место лишь в том случае, если лицо сознает или может сознавать не только фактические свойства совершаемого им поступка, но и его общественную значимость. Напротив, осуждение недопустимо в отношении лиц, которые не обладают такой возможностью. Эти лица могут совершить объективно общественно-опасные и противоправные действия, более того, они могут сознавать фактическую сторону совершенного деяния, и в отношении их могут быть даже применены «меры социальной защиты», которые регулируются правом и назначаются судом (например, принудительное лечение, назначаемое судом в отношении душевнобольного, совершившего общественно-опасное деяние, предусмотренное уголовным законом). И тем не менее не может быть речи о порицании и осуждении таких лиц, следовательно, об их вине и ответственности.

При установлении вины подлежит оценке не то [REDACTED] зо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, издание В. И. Госполитиздат, М., 1955, стр. 122.

левая и интеллектуальная, но и эмоциональная сторона поступка. В этом отношении важное значение имеет выяснение мотивов совершенного деяния. Если, например, преступление было вызвано корыстью, мстью, завистью, ревностью и другими низменными побуждениями, то вина должна быть признана тяжелой и лицо подлежит повышенному наказанию. Если же преступление совершено не из низменных побуждений, а под влиянием мотивов, не вызывающих сурового осуждения, то вина считается более легкой и размер наказания соответственно снижается.

В особо исключительных случаях лицо, совершившее объективно общественно-опасное и противоправное деяние, может быть вовсе освобождено от уголовной ответственности, если мотив поведения не вызывает осуждения, и благодаря этому действие лица носит извинительный характер. Этот момент получил ясное отражение в уголовных кодексах некоторых стран народной демократии. Так, согласно ч. 2 ст. 5 УК Народной Республики Болгарии: «Не наказывается деяние, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, если лицо действовало в состоянии испуга или волнения».

В подтверждение того положения, что мотив деяния в некоторых особо исключительных случаях может быть вовсе освобождать от уголовной ответственности, проф. Б. С. Маньковский¹ удачно приводит постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних». Касаясь хищений, совершаемых несовершеннолетними в возрасте от 12 до 16 лет, Пленум указывает: «Не учитывается, что нередко случаи воровства в этом возрасте продиктованы не корыстными побуждениями, а выступают скорее в форме своеобразного детского озорства, например, в случае краж фруктов из садов или овощей с огородов».

Пленум Верховного Суда СССР предлагает судам учитывать при рассмотрении указанных случаев мотив совершения деяния и не применять наказания, если оно было совершено по мотивам, не вызывающим осуждения.

¹ См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 114—115.

Порицание и осуждение с точки зрения социалистического правопорядка означают в то же время и порицание с точки зрения коммунистической морали. Это вытекает из однородности задач, стоящих перед социалистическим правом и коммунистической нравственностью. «В основе коммунистической нравственности, — учит В. И. Ленин, — лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»¹. Эти же цели призвано осуществлять и социалистическое право. Поэтому нормы нравственности и нормы права не могут противопоставляться друг другу ни по своей целенаправленности, ни по своей природе.

Последовательным выводом из совпадения целей и природы нравственных и правовых норм является то, что невыполнение правовых норм мы рассматриваем не только как нарушение правовых обязанностей, но и как нарушение морального долга. Таким образом, вина в правовом смысле является в то же время виной в смысле коммунистической нравственности. И именно потому, что правовая и этическая оценки в социалистическом обществе совпадают, наказание в социалистическом уголовном праве получает нравственное оправдание.

Внесение в понятие вины момента морально-политического осуждения имеет громадное принципиальное значение. С установлением этого момента порывается связь с чисто психологическим пониманием вины, которое затушевывает классово-политическое содержание этого понятия и придает ему абстрактно-юридический характер. Оценочный момент раскрывает социальную сущность понятия вины, устанавливает связь деяния с внутренним миром лица, указывает на его отношение к советскому правопорядку и правилам социалистического общежития. Тем самым ясно намечается качественное различие, существующее между понятиями вины в социалистическом уголовном праве и в буржуазном уголовном праве.

В соответствии с изложенным вина в советском уголовном праве есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно-опасному деянию в форме умысла или неосторожности, заслуживающее осуждения с точки зрения социалистиче-

ского правопорядка и коммунистической нравственности.

Из приведенного определения вины, однако, было бы неправильным делать вывод, что отрицательной оценке подлежит лишь психическое отношение лица к совершенному поступку. Само собой разумеется, что преступное деяние в целом осуждается советским правопорядком и коммунистической нравственностью. Но наука социалистического уголовного права должна выяснить, с какой стороны преступления связывается это осуждение. И признание деяния общественно-опасным и противоправным содержит в себе момент оценки, которая выражает объективное противоречие поступка социалистическим общественным отношениям. Однако такое признание еще не достаточно для обоснования упрека. Осуждение и порицание могут иметь место лишь тогда, когда между психикой лица и совершенным им деянием существует определенная связь. Поэтому момент осуждения приурочивается к психическому отношению, и это должно быть отражено при определении понятия вины.

Таким образом, понятие вины характеризуется двумя основными признаками. Первый признак — это психическое отношение лица к совершенному им поступку и вызванному им общественно-опасному последствию. Второй признак — это оценочный момент вины, неразрывно связанный с определенным психическим отношением и указывающий на его осуждаемый характер. Момент морального осуждения имеет для понятия вины существенное значение, так как оправдывает уголовную ответственность не только с точки зрения государственной необходимости и целесообразности, но и с точки зрения нравственных представлений, господствующих в социалистическом обществе.

Но теперь закономерно возникает вопрос: какой характер должно носить психическое отношение лица к общественно-опасному и предусмотренному уголовным законом деянию, чтобы признать наличие вины, и в зависимости от содержания этого отношения, какие существуют формы вины?

Волевой и интеллектуальный моменты являются главными психологическими признаками, которые характеризуют связь между психикой лица и общественно-опасным деянием. В зависимости от того, в каком виде выступают

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 270.

указанные моменты и в каком отношении они находятся, советское уголовное право устанавливает наличие умысла или неосторожности как качественно различных типов психического отношения к совершенному преступному деянию.

Психическое отношение лица к совершенному им действию и причиненному этим действием общественно-опасному последствию со всей определенностью выступает при умышленных преступных деяниях. Умышленно действующее лицо заранее представляет себе, что его поступок может вызвать вредное последствие, обычно сознает и то, что действует вопреки долгу. Умышленное действие, будучи целеустремленным, предполагает, что лицо или прямо направляет свою волю на достижение общественно-опасного последствия, поскольку оно избирает такой путь для удовлетворения своих желаний (прямой умысел), или во всяком случае примиряется с наступлением такого последствия ради того, чтобы достигнуть осуществления своих целей (косвенный умысел). Как в первом, так и во втором случае лицо вполне сознает, что его решение поступить известным образом может вызвать наступление определенного общественно-опасного последствия, однако такое представление не удерживает его от совершения поступка. Поэтому при исследовании умысла приходится анализировать психическое состояние лица, обращенное вперед, к будущему.

Значительно сложнее обнаружить психическое отношение лица к общественно-опасному последствию при неосторожности, в особенности при преступной небрежности. Лицо, действующее с неосторожностью, не направляет своей воли на достижение преступного последствия и не допускает его осуществления. При преступной самонадеянности лицо рассчитывает, что общественно-опасное последствие в данном конкретном случае не наступит. При преступной небрежности лицо вовсе не предвидит возможности наступления вредного последствия, и именно это непредвидение становится обстоятельством, обусловившим его наступление. Будь в сознании лица недостающее представление или вместо искаженного представления — правильное, адекватное действительности представление, лицо избежало бы причинения общественно-опасного последствия и не предстало бы перед уголовным судом. Именно это обстоятельство и побудило некоторых кри-

миналистов назвать преступную небрежность неосознанной неосторожностью. Отсюда — специфические особенности лица, действующего с преступной небрежностью, не сознавая того, что оно вступает в конфликт с уголовным законом, не сознавая даже того, что оно поступает вопреки долгу; лицо, действующее с преступной небрежностью, обычно испытывает чувство раскаяния, когда до его сознания начинает доходить, что его поведение явилось причиной наступления вредного последствия. Возможны, конечно, различные степени в указанном переживании и в оценке субъектом совершившегося. Различия эти будут зависеть от идейно-политического воспитания субъекта, от его моральных качеств и т. п. Важно подчеркнуть лишь одно: реакция на случившееся, оценка его субъектом происходит позже и обычно сопровождается некоторым сожалением о случившемся событии, которое могло бы вовсе не произойти, если бы в сознании субъекта в момент действия существовали необходимые представления. В соответствии с этим при исследовании преступной небрежности приходится идти путем, обратным исследованию умысла: от изменений, происшедших во внешнем мире, от общественно-опасного последствия — к психическому состоянию действующего лица в момент совершения поступка.

Понятно поэтому, что установление момента вины при неосторожности, в особенности при преступной небрежности, связано с большими затруднениями. Ведь если у лица, действующего с неосторожностью, нет ни воли, направленной на осуществление общественно-опасного последствия, ни даже представления о связи своего поступка с наступлением конкретного последствия, естественно, возникает вопрос: в чем же выражается психическое отношение лица к преступному последствию? И существует ли вообще это психическое отношение?

Буржуазные криминалисты в течение долгого времени занимались преимущественно исследованием более тяжелой формы вины — умысла, и при построении общего понятия вины исходили только из этой формы ее проявления, вовсе игнорируя неосторожность. Вследствие этого родовое понятие вины по существу сливалось с одним ее видом — умыслом, а неосторожность оставалась в виде какого-то придатка, с которым часто не знали что делать. От этого страдало как общее понятие вины, которое не отражало и не учитывало специфических особенностей неос-

торожности, так и самое понятие неосторожности, которое определялось при помощи одностороннего и порочного понятия вины.

Интерес к проблеме неосторожной вины, в частности, к проблеме преступной небрежности особенно возрос с начала XX столетия, когда буржуазные ученые начинают сознавать, что проблема так называемой «неосознанной неосторожности» не есть лишь частная, узкая проблема, а от ее решения зависит отграничение всей области виновного поведения от невиновного причинения преступного результата и, следовательно, решение более общей проблемы уголовной ответственности.

Так, русский криминалист Э. Я. Немировский писал, что «речь идет уже не об одной неосторожности, а об устоях всего современного уголовного права; вопрос о наказуемости неосознаваемой неосторожности становится пробным камнем для испытания всей господствующей доктрины, строящей уголовную ответственность на вине»¹.

Однако, несмотря на довольно обширную литературу, посвященную проблеме преступной небрежности, буржуазные криминалисты, исходящие из ложных методологических предпосылок, не сумели обнаружить в преступной небрежности наличие психического отношения к наступившему общественно-опасному последствию и вследствие этого оказались бессильными обосновать в ней момент вины.

Буржуазная наука уголовного права не сумела удовлетворительно разрешить также вопрос о тех критериях, которыми следует руководствоваться при установлении ответственности за неосторожность и которые имеют одинаково важное значение как для ответственности за преступную самонадеянность, так и для ответственности за преступную небрежность.

* * *

Социалистическое уголовное право придает большое значение правильной постановке борьбы с неосторожными посягательствами на социалистические общественные от-

¹ Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 367.

ношения. То обстоятельство, что неосторожность является менее тяжелой формой вины по сравнению с умыслом, не должно умалять значения борьбы с неосторожными преступлениями, которые могут создать угрозу дезорганизации на отдельных участках коммунистического строительства и нанести серьезный ущерб важным государственным, общественным и личным интересам.

Социалистическое государство всячески поощряет творческую инициативу и активность советских граждан. Но в то же время оно требует, чтобы лица, осуществляющие ту или иную деятельность, поступали обдуманно, а не опрометчиво, принимали решения, тщательно взвешивая сложившуюся обстановку и отклоняя возможность нанесения вреда интересам, с которыми соприкасается их деятельность. Подавляющее большинство советских граждан добросовестно выполняет эти требования социалистического правопорядка. Только отдельные лица, не освободившиеся до конца от пережитков частнособственнической психологии, продолжают проявлять беспечность и равнодушие при исполнении своего общественного и служебного долга или в повседневной личной жизни. К этим недисциплинированным лицам, если они своим непредусмотрительным поведением причинили вред объектам, охраняемым правом в указанных законом случаях, применяются меры уголовного наказания.

Деятели советского государства не раз отмечали, что общественную опасность представляют не только лица, сознательно посягающие на объекты, охраняемые социалистическим правопорядком, но и лица, причинившие им ущерб своим нерадением и беспечностью.

Великий основоположник Советского государства В. И. Ленин считал недопустимым снисходительное отношение к лицам, которые не проявляют достаточной заботливости и предусмотрительности к порученному делу. Именно этих лиц имел в виду В. И. Ленин, когда указывал, что «...впредь будем карать... и святе н ь к и х, н о б е з р у к и х б о л в а н о в...»¹. Такое непримиримое отношение к преступлениям, совершаемым по неосторожности, обязывает советскую науку уголовного права всесторонне осветить вопрос о неосторожной вине и тем самым ока-

¹ Ленинский сборник, VIII, М.—Л., стр. 56.

зать содействие органам социалистического правосудия в их борьбе с этими преступлениями.

Советская наука уголовного права давно стала уделять внимание разработке форм вины, и в частности неосторожной вины. За последнее время интерес к этой проблеме еще более возрос. Появились монографии и отдельные статьи, которые принадлежат перу не только советских криминалистов, но и цивилистов и в которых затрагиваются различные вопросы, связанные с ответственностью за неосторожность. Однако сложность данной проблемы порождает разногласия по целому ряду вопросов. Поэтому понадобится еще немало усилий со стороны советских юристов для того, чтобы разрешить все спорные вопросы и создать законченное учение о неосторожной вине.

Разногласия касаются центральных и наиболее сложных вопросов: в частности, вопроса о самой природе неосторожной вины и ее отграничении, с одной стороны, от умысла, а с другой — от невиновного причинения вреда («случая»); вопроса о том, существует ли при неосторожности психическое отношение к общественно-опасному деянию и на какие его стороны оно распространяется. Не меньшее затруднение встречает вопрос о тех критериях, которыми следует руководствоваться при установлении ответственности за неосторожность и т. п.

При исследовании указанных вопросов советская наука уголовного права должна исходить из положений диалектического материализма и руководствоваться единственно правильным диалектическим методом, что даст возможность обосновать ответственность за неосторожность как с точки зрения государственной целесообразности, так и с точки зрения коммунистической морали.

Правильному решению вопросов неосторожной вины способствуют ясные постановления советского уголовного законодательства о формах вины. Анализ указанных постановлений, а также законодательства стран народной демократии о вине и ее видах делают возможным выяснение вопроса о том, как следует регулировать ответственность за неосторожность в будущем.

Наконец, большое значение имеет и анализ богатых материалов советской судебной практики, которые содержат принципиально важные решения и обобщение которых может пролить свет на многие существенные вопросы, касающиеся неосторожной вины.

Настоящая работа не ставит своей задачей полного и всестороннего освещения проблемы неосторожности в уголовном праве, а рассматривает лишь некоторые вопросы, которые, по нашему мнению, имеют важное значение и которые являются наиболее спорными в советской юридической литературе.

Глава первая

ПРЕСТУПНАЯ САМОНАДЕЯННОСТЬ

§ 1. Понятие преступной самонадеянности

Для определения характера и тяжести вины решающее значение имеет наличие или отсутствие у лица сознания возможности наступления общественно-опасных последствий. Умышленная вина исключена при всех обстоятельствах, когда такое предвидение отсутствует. Преступная небрежность, напротив, предполагает, что лицо не предвидит возможности наступления общественно-опасного последствия, хотя должно было и могло это сделать.

Значение, которое придается при установлении отдельных видов вины сознанию возможности наступления вреда, нельзя переоценить. Тот, кто представляет, что его действие может вызвать общественно-опасное последствие, заслуживает, несомненно, большего упрека, чем тот, кто причиняет тот же вред, не предвидя этого.

Между этими двумя противоположными по отношению к предвидению последствия случаями — умыслом и преступной небрежностью — существует промежуточная область случаев, которая характеризуется своеобразным отношением лица к причиненному общественно-опасному последствию. Это область так называемой преступной самонадеянности.

При указанном виде вины существует двойное отношение к наступившему общественно-опасному последствию. Основываясь на общем — теоретическом или практическом — знании того, что подобного рода поведение способно вызвать такого рода последствие, лицо представляет возможность наступления последствия и в то же время сейчас же отклоняет это предположение в отношении данного кон-

кретного случая. Лицо осознает, что его поведение вообще носит опасный характер, но рассчитывает на противодействующие силы, которые, по его мнению, должны предотвратить наступление общественно-опасных последствий.

В зависимости от того, какой из этих двух моментов выдвигается на первый план, отдельные авторы дают различные конструкции рассматриваемого вида вины. Одни считают, что при преступной самонадеянности лицо предвидит возможность наступления данного общественно-опасного последствия и, совершая действие, проявляет готовность рискнуть нанести ущерб объектам, охраняемым социалистическим правопорядком. Такой взгляд в советской юридической литературе развивает проф. Б. С. Утевский, по мнению которого для преступной самонадеянности характерна легкомысленная решимость лица совершить нужное ему деяние, «несмотря на предвидение возможных или вероятных (в данном случае — не неизбежных) общественно-опасных последствий»¹.

Приведенная точка зрения недооценивает другого момента, имеющего существенное значение для преступной самонадеянности, а именно того, что в основании решимости действовать в определенном направлении лежит уверенность лица в ненаступлении вредного последствия. Нельзя не видеть некоторого противоречия между утверждением, что лицо предвидит возможность наступления конкретного общественно-опасного последствия, и положением, что лицо в то же время рассчитывает избежать его. Последнее устраняет первое. В действительности в конечном счете лицо не только не желает наступления указанного последствия, но исключает возможность его наступления в данном случае.

Психический процесс, предшествующий действию, совершаемому с преступной самонадеянностью, характеризуется борьбой мотивов. Представление об опасных свойствах поступка выступает в качестве мотива, препятствующего совершению действия. И если лицо все-таки решается поступить определенным образом, то, как правильно замечает Г. Тарновский, «это находит свое основание в том, что указанный противомотив недостаточен силён для того, чтобы одержать верх над решающим в данном случае

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, М., 1950. стр. 268.

мотивом, то есть над отрицанием результата, заключающегося в нанесении вреда»¹. Лицо именно недооценивает опасности, так как рассчитывает избежать наступление вреда благодаря своим личным качествам или каким-либо другим обстоятельствам.

Возьмем школьный пример преступной самонадеянности.

Опытный, уверенный в своем искусстве стрелок держит пари, что попадет на дальнем расстоянии в мишень, поставленную на голову ребенка. Однако на этот раз он дает промах, и пуля попадает в ребенка.

Очевидно, что, с одной стороны, субъект имеет ясное представление об опасном характере подобного рода действий, потому он и заключает пари, но, с другой стороны, он в данном случае исключает возможность наступления нежелательных последствий. Основываясь на своем искусстве и на опыте попадания в цель при аналогичных условиях, лицо рассчитывает, что попадет не в ребенка, а в мишень, и эта уверенность в ненаступлении общественно-опасного последствия и обуславливает его решимость действовать.

В приведенном примере лицо ставит себе целью добиться ненаступления общественно-опасного последствия для того, чтобы выиграть пари. Правда, обычно при преступной самонадеянности ненаступление последствия не имеет такого значения, вопрос об этом в сознании лица возникает как побочный момент, сопряженный с деятельностью, направленной на достижение других самостоятельных целей. Но независимо от того, ставит ли лицо ненаступление последствия в качестве непосредственной цели или представление об этом имеет побочное значение, психическое состояние, которым характеризуется преступная самонадеянность, в основном остается одним и тем же. При этом виде вины, как это четко сформулировал еще Н. С. Таганцев, «действующий, если можно так выразиться, сознает возможность учинения преступного деяния *in abstracto*, но не сознает возможности наступления его *in concreto*»².

¹ Н. Тагновски, Die systematische Bedeutung der adäquaten Kausalitäts-theorie für den Aufbau des Verbrechensbegriffs, Berlin-Leipzig, 1927, S. 230.

² Н. С. Таганцев, Русское уголовное право. Лекции, том I, С.-Петербург, 1902, стр. 608.

Но если при преступной самонадеянности существует в конечном счете лишь осознание абстрактной опасности такого рода деятельности, представление, что вообще подобное действие может вызвать общественно-опасное последствие, то возникает вопрос: почему же лицо становится ответственным за конкретное последствие, возможность наступления которого в данном случае им отклоняется? Здесь мы подходим к центральному моменту, от которого зависит установление ответственности за преступную самонадеянность.

Мысленно отклоняя возможность наступления общественно-опасного последствия в данной обстановке, лицо рассчитывает на определенные факторы, которые, по его мнению, должны предотвратить это последствие. Но этот расчет при преступной самонадеянности является легкомысленным, необоснованным расчетом. Лицо неизвинительно заблуждается относительно развития причинной связи, оно опрометчиво переоценивает значение противодействующих обстоятельств, которые оказались неспособными отклонить наступившее последствие¹. Лицо должно было и могло предвидеть действительное развитие причинной связи, предвидеть недостаточность сил, способных предотвратить последствие. Иначе говоря, лицо должно было и могло представить наступление общественно-опасного последствия и при данных конкретных условиях. Именно к этому моменту приурочивается морально-политическое осуждение психического состояния лица, действующего с преступной самонадеянностью.

Общественная опасность лица при этом виде вины выражается в отсутствии бережного и предупредительного отношения к интересам, охраняемым социалистическим правопорядком. Лицо не проявляет надлежащей вдумчивости и серьезности в оценке сложившейся обстановки и опрометчиво принимает решения, чреватые тяжелыми последствиями. Таким образом, вина лица, действующего с преступной самонадеянностью, приближается к вине лица, действующего с преступной небрежностью. И при рассматриваемом виде вины лицо можно упрекнуть в легкомыслии, невнимательности, недостаточной предусмотритель-

¹ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, 1952, стр. 69—70.

ности и заботливости¹. В конце концов, как правильно замечает В. Я. Лившиц, «основанием для уголовно-правового упрека как при небрежности, так и при преступном легкомыслии является недостаточная осмотрительность субъекта в оценке им фактической ситуации»². Правда, неосмотрительность при обоих видах неосторожной вины касается различных моментов: при преступной самонадеянности имеет место неосмотрительная оценка противодействующих сил, способных, по мнению лица, изменить развитие причинной связи; при преступной небрежности — вызванное оплошностью лица полное отсутствие всякого представления о какой-либо связи между его поведением и наступившими общественно-опасными последствиями. Однако, несмотря на указанное различие, в обоих случаях именно неосмотрительность придает деянию упречный характер. Этим и вызывается объединение преступной самонадеянности и преступной небрежности в одну общую форму вины.

Вопрос о виновном отношении лица к наступившему конкретному последствию при преступной самонадеянности не вызывает сомнения. Если такое отношение, как мы увидим, характеризует небрежность, когда у лица отсутствует всякое представление о том, что его действие может причинить вред, то тем более оно существует при самонадеянности, которая предполагает представление лица об абстрактной возможности наступления последствия и сопровождается сознанием противоправного характера деяния. В случаях преступной самонадеянности легче протянуть связующую нить между психикой лица и конкретным последствием. Лицо, опрометчиво полагавшее избежать последствия, очевидно, должно было и могло предвидеть, что ему может это не удастся сделать.

Но спрашивается, когда расчет лица предотвратить последствие носит легкомысленный, то есть упречный ха-

¹ В связи с этим нам кажется неточным утверждение проф. Б. С. Утевского, который считает, что морально-политическая характеристика обоих видов вины совершенно различна: «Резко анти-общественное отношение к чужим интересам характеризует виновного при преступной самонадеянности, а оплошность — виновного в преступной небрежности» (цит. соч., стр. 271).

² В. Я. Лившиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право» 1947 г. № 7, стр. 36.

рактер и, напротив, когда он вполне обоснован и, следовательно, исключает вину лица?

Для этого следует выяснить, нарушило ли лицо или нет возложенную на него обязанность быть предусмотрительным и заботливым в отношении объектов, с которыми соприкасается его деятельность. Таким образом, в основании ответственности за преступную самонадеянность лежит несоблюдение определенных норм предосторожности, как это имеет место и при ответственности за преступную небрежность.

Указанные нормы дифференцируются в зависимости от условий места и времени деятельности, от служебного, общественного положения лица, от тех задач, которые возлагаются на него в связи с отправлением политических, хозяйственных и других функций и т. п.¹

Преступная самонадеянность имеет место, если лицо рассчитывает на такие обстоятельства, которые с точки зрения существующих норм предосторожности считаются недостаточными для предотвращения общественно-опасного последствия в данных условиях. Напротив, если лицо проявляет требуемую предусмотрительность и, следовательно, в соответствии с нормами предосторожности обоснованно рассчитывает избежать общественно-опасного последствия, то оно не может нести уголовной ответственности за последствие в случае его наступления, так как последнее причинено непротивоправно и невиновно. Хотя лицо и предвидит отвлеченную возможность причинения вреда, но благодаря принятым мерам предосторожности или обоснованному расчету на те или иные факторы не должно было предвидеть, что в данных конкретных условиях общественно-опасное последствие наступит. При таких обстоятельствах имеет место «случай», за который лицо не несет уголовной ответственности.

Приведем пример из судебной практики. Начальник капитального строительства шелкоматальной фабрики М. распорядился разобрать стену в помещении, где производилась упаковка шелковых тканей. Работа была поручена бригадире Н. Последний вместо того, чтобы разобрать стену согласно указаниям М., предложил рабочим сделать под стеной подкоп и повалить ее. При обвале

¹ См. § 2 главы третьей настоящей работы.

стены один рабочий был убит, а другой — получил телесное повреждение.

Суд первой инстанции, рассматривающий это дело, признал М. ответственным за наступившее последствие, мотивируя это тем, что подсудимый недостаточно хорошо инструктировал рабочих. Между тем показаниями потерпевшего рабочего Ф. и свидетеля Н. установлено, что М. каждый день инструктировал рабочих относительно наиболее безопасных методов производства строительных работ. Исходя из этого Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 28 июня 1939 г. приговор в отношении М. отменила и дело о нем производством прекратила¹.

Решение судебной коллегии по делу М. не вызывает сомнений. М. принимал надлежащие меры предосторожности, систематически инструктировал рабочих относительно соблюдения правил техники безопасности; поэтому, имея полное основание рассчитывать на дисциплинированное поведение рабочих, он не мог предполагать, что они прибегнут к незаконным методам разборки стены. Действия М. не носят общественно-опасного и виновного характера, он не должен был предвидеть, что при таких обстоятельствах наступят тяжелые последствия.

Иначе следует оценить действия бригадира Н., который предложил рабочим прибегнуть к запрещенному способу разборки стены: сделать под стеной подкоп и повалить ее. Расчет бригадира Н., что рабочие сумеют вовремя отбежать от падающей стены, является легкомысленным и необоснованным расчетом, противоречащим нормам безопасности. Н. сознавал, что поступает вопреки возложенным на него обязанностям. Он должен был и мог предвидеть действительное развитие причинной связи и наступление в этих условиях тяжелых последствий; поэтому в действиях Н. содержатся признаки преступной самонадеянности.

Но если при преступной самонадеянности лицо нарушает обязанность быть предусмотрительным и заботливым, которая вытекает из норм предосторожности, то возникает вопрос: сознает ли лицо, что оно поступает вопреки долгу?

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР (1938 год и первое полугодие 1939 года), Юридат, 1940, стр. 106.

Прежде всего лицо при преступной самонадеянности предвидит общественно-опасный характер тех последствий, которые рассчитывает избежать. Как правильно замечает проф. Б. С. Утевский, «Нежелание наступления противоправных последствий и надежда на их предотвращение необходимо предполагают сознание противоправности последствий»¹. Более того, при преступной самонадеянности лицо сознает и то, что само поведение, причинившее вред, противоречит требованиям норм предосторожности. Например, шофер, который развивает незаконную скорость, рассчитывая на хорошие тормоза машины, на свой многолетний опыт и способность быстро реагировать на сложившуюся ситуацию, конечно, сознает, что нарушает правила безопасности движения.

Самоуверенность — черта, характерная для рассматриваемого вида вины, — в том и заключается, что лицо рассчитывает предотвратить наступление последствия, хотя и осознает противоречие своего поведения требованиям норм предосторожности. Иногда по указанному признаку закон предусматривает повышенную ответственность за деяние, совершенное с преступной самонадеянностью. Так, ст. 145 УК РСФСР предусматривает большее наказание за неосторожное телесное повреждение, если оно причинено вследствие сознательного несоблюдения правил предосторожности. Аналогичную позицию в отношении неосторожного убийства занимают уголовные кодексы некоторых других союзных республик. Статья 144 УК Украинской ССР предусматривает повышенную ответственность, «если неосторожное убийство явилось результатом сознательного несоблюдения правил предосторожности». Такое же постановление содержится в уголовных кодексах Грузинской ССР (ст. 148) и Узбекской ССР (ст. 191). По признанию теоретиков советского уголовного права, приведенные постановления предусматривают «наиболее типичный и на-

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 272.

Аналогичную точку зрения высказывают А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, изд. ВЮА, М., 1948, стр. 339; А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1951, стр. 239; В. Ф. Криченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, М., 1952, стр. 27; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 120.

иболее распространенный вид неосторожного убийства в результате преступной самонадеянности»¹.

Но если при преступной самонадеянности лицо осознает, что нарушает определенные нормы предосторожности, предназначенные для предотвращения вреда, то оно, конечно, обладает субъективной возможностью предвидеть действительный ход событий и наступление нежелательных последствий. Лицо не только должно, но и может предвидеть, что ошибочно рассчитывает на определенные обстоятельства, которые бессильны предотвратить последствие. Поэтому при этом виде неосторожной вины не существует разрыва между долженствованием предвидения развития данной причинной связи и субъективной возможностью сделать это. В этом отношении преступная самонадеянность отличается от преступной небрежности, при которой в исключительных случаях, как мы увидим далее, такой разрыв может иметь место.

§ 2. Отграничение преступной самонадеянности от косвенного (эвентуального) умысла

Границу, отделяющую понятие преступной самонадеянности от смежных понятий, не всегда удается провести с достаточной четкостью. Отграничение преступной самонадеянности от другого вида неосторожной вины — преступной небрежности — не вызывает особых затруднений. В то время, как при преступной самонадеянности лицо предвидит отвлеченную возможность наступления общественно-опасного последствия и осознает противоправный характер своего поведения, при преступной небрежности отсутствует всякое предвидение последствия, и лицо обычно не осознает, что поступает вопреки долгу. Довольно ясно, как мы видели, намечается граница, отделяющая преступную самонадеянность и от «случая».

Труднее провести грань между преступной самонадеянностью и косвенным (эвентуальным) умыслом. Между

¹ А. А. Пионтковский, В. Д. Меньшагин, Курс советского уголовного права. Особенная часть, т. 1, Госюриздат, М., 1955, стр. 558.

Наличие преступной самонадеянности в приведенных составах признают и другие авторы. См., например, М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья, Юриздат, 1948, стр. 197—198.

тем данный вопрос имеет огромное значение не только для теории уголовного права, но и для судебной практики. Решение этого вопроса предполагает правильное понимание сущности обоих видов вины, и с ним связана четкая квалификация отдельных, конкретных преступных деяний.

Существует целый ряд составов преступлений, которые могут быть выполнены только умышленно. В таких случаях деяние утрачивает преступный характер, если будет установлено, что оно совершено по неосторожности. Поэтому, если суд отвергнет существование эвентуального умысла и признает, что имела место преступная самонадеянность, это должно привести к освобождению лица от уголовной ответственности. Но и в тех случаях, когда состав преступления не требует обязательно определенной формы вины, выяснение вопроса о том, совершено ли деяние умышленно или по неосторожности, имеет значение для установления размера наказания. Закон иногда сам предусматривает различную ответственность за одно и то же действие в зависимости от того, совершено ли оно умышленно или по неосторожности. Достаточно указать, какое значительное различие существует между наказанием за умышленное убийство (ст. ст. 136—138 УК РСФСР) и за неосторожное убийство (ст. 139 УК РСФСР) по советскому уголовному законодательству.

При решении вопроса о разграничении преступной самонадеянности и эвентуального умысла намечаются в основном два направления. Одни криминалисты исходят из того, что преступная самонадеянность и эвентуальный умысел не только пограничные, но и близкие по своей природе понятия. В своем последовательном развитии эта точка зрения ведет к возникновению взгляда, требующего слияния понятий преступной самонадеянности и косвенного умысла и образования третьей самостоятельной формы вины.

По другому пути идут те авторы, которые видят существенное, качественное различие между понятиями преступной самонадеянности и эвентуального умысла. При такой постановке вопроса эвентуальный умысел и преступная самонадеянность, хотя и признаются смежными понятиями, но противопоставляются друг другу как виды различных форм вины: умышленной и неосторожной. Последняя точка зрения соответствует конструкции, которой придерживается в данном вопросе действующее

советское уголовное законодательство; как увидим, ее отражают и материалы судебной практики.

Большинство буржуазных криминалистов примыкает к первому направлению. Они сильно сближают понятие эвентуального умысла и преступной самонадеянности и не видят качественного различия, существующего между этими понятиями. Граница, разделяющая эти понятия, им представляется текучей и неопределенной и потому трудно уловимой. Буржуазные криминалисты не дают ясных критериев, с помощью которых можно было бы разграничить области умышленной и неосторожной вины, и предпочитают подвижные, каучуковые формулы, позволяющие суду свободно маневрировать в каждом отдельном случае при отнесении деяния к группе умышленных или неосторожных преступлений.

Особой популярностью пользуется формула, предложенная Р. Франком, которую охотно принимают многие буржуазные криминалисты, занимающие противоположные теоретические позиции при решении проблемы вины. Например, Р. Гиппель — представитель так называемой «волевой теории» — считает приемлемым критерий, рекомендуемый Р. Франком для разграничения эвентуального умысла и преступной самонадеянности; такой же точки зрения придерживается и сторонник так называемой «теории представления» — Ф. Лист.

Критерий, предложенный Франком¹, основан на предположении, что психическое состояние лица, независимо от того, действует ли оно с эвентуальным умыслом или с преступной самонадеянностью, в основном характеризуется одинаковым отношением к нежелаемому последствию: лицо предвидит возможность его наступления. И если можно говорить о различии, то лишь о предвидении различной степени вероятности наступления последствия. Но этот количественный признак не может быть положен в основу разграничения отдельных видов вины. Поэтому

¹ Изложение и критику теории Франка см., например, A. Mirck, Die Formen der Strafschuld und ihre gesetzliche Regelung, Tübingen, 1907, S. 30—34. В. Б. Станкевич, К учению о формах виновности, Журнал Министерства юстиции 1915 г. № 5, стр. 57—61; в советской юридической литературе Б. С. Утевского, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 270—271.

Франк считает, что невозможно добыть правильные выводы, исходя из имеющегося психического состояния лица.

По мнению Франка, при решении вопроса о том, следует ли данный, конкретный случай отнести к эвентуальному умыслу или к осознанной неосторожности, суд должен определить, как поступил бы обвиняемый, если бы считал, что в результате его деятельности преступное последствие наступит неизбежно. Если при такой гипотетической постановке вопроса суд придет к убеждению, что предполагаемое представление удержало бы обвиняемого от совершения преступного деяния, имеется неосторожность, в противном случае — умысел.

На первый взгляд может показаться, что Франк предлагает ясный и в практическом отношении удобный критерий. Этим, по-видимому, следует объяснить, что указанный критерий, имеющий многих сторонников среди буржуазных криминалистов, проник и в советскую юридическую литературу. Так, авторы учебного пособия, составленного кафедрой уголовного права Всесоюзной Правовой Академии, писали: «Закон при оценке опасности преступного легкомыслия исходит из того, что деятель, если бы он допускал неизбежность наступления преступного результата, не совершил бы действий, вызвавших этот результат»¹.

При ближайшем рассмотрении формулы Р. Франка ее научная несостоятельность и практическая непригодность не вызывают сомнений. Вместо того, чтобы выяснить действительное психическое состояние виновного лица в момент совершения преступления, Франк отсылает в область гадательного и ставит решение вопроса в зависимость от предположения, как поступил бы обвиняемый, если бы в его сознании возникли другие представления. Как отмечает пражский проф. А. Миржичка, по формуле Франка «для судьи должно быть решающим не то, что в самом деле предвидел субъект, когда он действовал, следовательно, не то, что он действовал, несмотря на то, что имел представление определенной интенсивности о наступлении результата (предвидение в о з м о ж н о с т и результата), но решающим для установления тяжести вины должно быть то, как действовал бы субъект, если бы он имел о результате представление большей интензив-

¹ Учебное пособие по советскому уголовному праву, Всесоюзная Правовая Академия, М., 1938, стр. 140.

ности — предвидение достоверности результата, то есть если бы его предвидение было качественно иным»¹.

Но на основании каких признаков можно предугадать, что произойдет в психике обвиняемого и на что он решится при появлении других представлений? Как отмечалось в литературе, если суд поставит такую задачу, то он неизбежно должен будет отойти от конкретного преступного деяния и обратиться к выяснению общих свойств характера виновного, и в конечном счете решение вопроса о субъективной стороне деяния будет зависеть от того, какое впечатление произведет обвиняемый на судью — хорошее или плохое².

Формула Франка в своем последовательном развитии ведет к образованию пробела в принципе виновной ответственности. И через этот пробел не замедлит проникнуть «идея опасного состояния личности», готовая в уголовном праве империалистического периода заменить вину в качестве основания уголовной ответственности.

Основной «секрет» успеха формулы Франка заключается в том, что она открывает простор свободному усмотрению суда, которому предоставляется возможность в зависимости от социально-политической обстановки и каких-либо других, чуждых правосудию моментов отнестись данное деяние к области умышленной или неосторожной вины.

В советской юридической литературе вопрос о соотношении эвентуального умысла и преступной самонадеянности наиболее полно затронул проф. Б. С. Утевский. При решении этого вопроса Б. С. Утевский исходит из того, что «преступная самонадеянность... близка по своей природе к эвентуальному умыслу» (разрядка наша.— В. М.)³. По мнению проф. Б. С. Утевского, лицо и при преступной самонадеянности, и при эвентуальном умысле по существу одинаково относится к интересам, охраняемым социалистическим правопорядком. Психологическая основа у этих видов вины, по его мнению, одна

¹ A. Miricka, Die Formen der Strafschuld und ihre gesetzliche Regelung, Tübingen, 1907, S. 32.

² См. A. Miricka, цитированное сочинение, стр. 34, В. Б. Станкевич, К учению о формах виновности, Журнал Министерства юстиции 1915 г. № 5, стр. 59—60.

³ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 264.

и та же. «В обоих случаях виновный обнаруживает решимость удовлетворить свои эгоистические желания ценою причинения совершенно ненужного ему ущерба государству или другим лицам»¹.

Такое сближение обоих видов вины объясняется тем, что проф. Б. С. Утевский основную черту преступной самонадеянности усматривает в решимости лица совершить нужное ему деяние, несмотря на предвидение возможных общественно-опасных последствий. В результате этого проф. Б. С. Утевский наделяет преступную самонадеянность признаками, которые присущи только эвентуальному умыслу, и принимает за общность то, чем они отличаются друг от друга. Именно для эвентуального умысла характерно, что лицо желает достигнуть своих личных целей хотя бы ценой причинения общественно-опасных последствий, в то время как при преступной самонадеянности лицо решается на определенный поступок потому, что легкомысленно рассчитывает избежать таких последствий.

В основании этих видов вины лежат различные свойства личности. Общественная опасность лица, действующего с эвентуальным умыслом, коренится в антисоциальном эгоизме, а общественная опасность преступной самонадеянности сводится к недопустимому легкомыслию и опрометчивости. Из этого следует исходить при разграничении эвентуального умысла и преступной самонадеянности, и это служит основанием для их отнесения к различным формам вины.

Наделяя эвентуальный умысел и преступную самонадеянность по существу одинаковыми чертами, проф. Б. С. Утевский не видит качественного различия между указанными понятиями. По его мнению, различие существует лишь в степени интенсивности антиобщественного отношения к чужим интересам. «Действующий с эвентуальным умыслом решается на совершение деяния, заведомо сознавая возможность или неизбежность наступления нежелаемых результатов. Действующий с преступной самонадеянностью сознает лишь возможность наступления нежелаемых результатов и даже надеется на их предотвращение...»².

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 269.

² Там же, стр. 270; также стр. 251, 252, 255.

Таким образом, главный признак различия, по мнению проф. Б. С. Утевского, заключается в том, что при эвентуальном умысле лицо предвидит возможность или неизбежность наступления результата, в то время как при преступной самонадеянности оно предвидит лишь его возможность. Но положение, что предвидение неизбежности наступления общественно-опасных последствий может иметь место при эвентуальном умысле, является спорным¹. Многие авторы считают, что такие случаи при всех обстоятельствах должны быть отнесены к области прямого умысла².

Рассмотрим пример, который приводит проф. Б. С. Утевский.

Поджигатель дома сознает, что в одной из комнат находится инвалид, не способный передвигаться, и в доме нет никого, кто мог бы ему оказать помощь, что, следовательно, инвалид неизбежно погибнет во время пожара³. Проф. Б. С. Утевский обсуждает изолированно предвидение неизбежности гибели инвалида и считает, что в отношении этого результата у виновного существует эвентуальный умысел, так как он не желает смерти инвалида.

Однако, такое расчленение совокупного результата, части которого неразрывно связаны друг с другом, не может быть признано правильным. Воля лица направлена на весь результат в целом и не может обсуждаться раздельно в отношении его отдельных составных частей. Желая поджечь дом, лицо вместе с тем желает всех представляемых последствий, неизбежно связанных с поджогом: уничтожения вещей, гибели лиц, не способных спастись, и т. п. Все эти последствия в своей совокупности участвуют в определении волевого решения и, неразрывно связанные друг с другом, не могут быть вычитаемы.

Точка зрения, предлагающая изолированно рассматривать отношение виновного к моментам, неразрывно свя-

¹ Защищаемую проф. Б. С. Утевским точку зрения разделяют: В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская, Советское уголовное право, Госюриздат, М., 1950, стр. 110.

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1951, стр. 219—220; Советское уголовное право, Общая часть, ВИЮН, Госюриздат, М., 1952, стр. 229; Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1955, стр. 125—126.

³ См. Б. С. Утевский, цитированное сочинение, стр. 255.

занным с осуществлением его основной цели, должна привести к необоснованному и чрезмерному расширению области эвентуального умысла за счет прямого умысла.

Предусмотренное в уголовном законе последствие редко является для виновного самоцелью, обычно оно выступает как необходимое средство для достижения целей, лежащих вне преступного деяния. Поэтому, если выяснять отношение лица к указанному последствию изолированно, то оно может и не сопровождаться чувством удовлетворения и даже вызывать неприятное чувство, то есть быть нежелаемым. Тот, кто решает убить другое лицо, чтобы освободиться от уплаты алиментов, конечно, предпочел бы, чтобы последнее умерло естественной смертью или погибло бы как-либо иначе, но не от его руки. И в этом смысле нельзя сказать, что сама по себе смерть лица для виновного желаемая, но поскольку с ней связано достижение определенной цели, поскольку указанное последствие выступает в качестве необходимого средства реализации поставленной цели, постольку оно должно рассматриваться как желаемое и охватываемое прямым умыслом субъекта.

Наконец, как справедливо отмечает проф. А. Н. Трайнин, уже самый термин «эвентуальный» умысел предполагает предвидение лишь возможности наступления общественно-опасных последствий, и потому все случаи предвидения неизбежности их наступления следует относить к прямому умыслу¹.

В свете приведенных соображений теряет значение предлагаемый проф. Б. С. Утевским главный признак различия между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью. Эвентуальный умысел предполагает предвидение лишь возможности наступления данного последствия, а этот момент, по мнению проф. Б. С. Утевского, присущ и преступной самонадеянности. Правда, проф. Б. С. Утевский выдвигает еще дополнительный признак различия. Отмечая, что при преступной самонадеянности лицо «сознает лишь возможность наступления нежелаемых результатов», он добавляет, «и даже надеется на их предотвращение...»². Но этот момент, который выступает у проф. Б. С. Утевского в качестве

¹ См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1951, стр. 219.

² Б. С. Утевский, цитированное сочинение, стр. 270.

дополнительного момента, разграничивающего косвенный умысел и самонадеянность, а на самом деле является основным разграничительным признаком, не получил в труде проф. Б. С. Утевского достаточного освещения.

Конструкция, не видящая качественного различия между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью и считающая их по природе близкими друг к другу понятиями, не может дать ясных признаков, по которым следует разграничивать эти виды вины. Она бессильна объяснить, почему существует разница в размере ответственности между деянием, совершенным умышленно, и деянием, совершенным по неосторожности. Такая постановка вопроса закономерно приводит к точке зрения, требующей слияния понятий эвентуального умысла и преступной самонадеянности и образования третьей самостоятельной формы вины — заведомости, которая должна занять среднее место между умыслом и неосторожностью.

За такое решение проблемы высказался проф. М. А. Чельцов.

Критикуя принятое в действующем советском уголовном законодательстве деление видов вины, проф. М. А. Чельцов указывает, что грань, отделяющая эвентуальный умысел от преступной самонадеянности, неуловима. Оба эти вида вины характеризуются одним и тем же психическим составом: «отсутствием желанья преступных последствий (отличие от умысла!), но заведомостью для деятеля возможности наступления этих результатов»¹. Далее, все бесконечные оттенки психического состояния лица, как-то: допущение наступления преступного результата, надежда на «счастье», на «авось», необоснованный расчет на внешние обстоятельства, на собственные силы по мнению проф. М. А. Чельцова, не имеют значения для определения характера и степени вины лица; важно лишь то, что во всех этих бесконечных вариациях неизменно содержится представление возможности наступления преступного последствия².

Проф. М. А. Чельцов предлагает объединить эвентуальный умысел и самонадеянность в самостоятельную форму вины — заведомость. Такое деление вины, по мнению проф. М. А. Чельцова, не только устраняет практиче-

¹ М. А. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность» 1947 г. № 4, стр. 8.

² См. там же, стр. 8—9.

ские трудности, связанные с разграничением эвентуального умысла и самонадеянности, но и устанавливает более справедливое деление форм вины по ее характеру и степени тяжести.

Прежде всего кажутся необидительными соображения о том, что существуют практические трудности, связанные с различием эвентуального умысла и преступной самонадеянности. Судебное исследование располагает достаточными средствами для того, чтобы путем тщательной оценки всех обстоятельств, при которых совершилось данное деяние, установить характер психического отношения лица к наступившим последствиям, то есть выяснить, допускает ли оно их наступление или рассчитывает их предотвратить. Но если даже согласиться с тем, что при рассмотрении отдельных жизненных случаев могут возникнуть затруднения в относимости того или иного конкретного случая к эвентуальному умыслу или к преступной самонадеянности, то это вовсе не дает оснований отрицать качественное различие, существующее между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью.

Социалистическое правосознание не может не видеть глубокого различия в характере и степени вины того лихача-шофера, который в нетрезвом состоянии из ухарства, чтобы развлечь сидящих в машине девушек, едет по тротуару и давит прохожего, и того шофера, который выезжает на работу с неисправными тормозами, рассчитывая на свой многолетний опыт и умение в таких условиях водить автомашину, но который в пути попадает в сложную обстановку и из-за неисправности тормозов не может предотвратить гибели пешехода.

В первом случае шофер обнаруживает безразличное и даже пренебрежительное отношение к человеческой жизни. Представление о высокой степени вероятности наступления тяжелых последствий не удерживает его от данного поведения. Строго говоря, он ради забавы соглашается на их наступление. Во втором случае шофер, хотя сознательно и нарушает трудовую дисциплину, но в то же время, легкомысленно рассчитывая на свой опыт и ловкость, убежден, что никаких нежелательных последствий не наступит. Именно эта ошибочная уверенность в своих силах, переоценка своих качеств, является причиной наступившего последствия. Конечно, и в последнем случае лицо

не проявляет достаточно бережного отношения к интересам других граждан. Но в основе этого лежит недисциплинированность, легкомыслие и самоуверенность, которые приводят к недооценке опасности, сопряженной с деятельностью в таких условиях. Вот почему преступная самонадеянность по своей природе отлична от эвентуального умысла и не может быть с ним слита, а должна быть отнесена к области неосторожной вины.

Утверждение проф. М. А. Чельцова, что принятое действующим советским уголовным законодательством деление видов вины схоластично и нежизненно и что, в частности, в случаях эвентуального умысла обвиняемый всегда может сослаться на «якобы предвиденные им обстоятельства, которые позволяли ему надеяться на отвращение результата»¹, не находит опоры в материалах судебной практики. Можно привести немало принципиально важных постановлений и определений Верховного Суда СССР, где признается, что деяние совершено с эвентуальным умыслом.

Предложение проф. М. А. Чельцова не получило поддержки со стороны некоторых советских криминалистов, которые считают, что нет оснований отказываться от видов вины, предусмотренных действующим советским уголовным законодательством².

Оставляя в стороне попытки найти новые пути для решения проблемы форм вины, при разграничении эвентуального умысла и преступной самонадеянности, по нашему мнению, следует исходить из постановлений советского уголовного закона, определяющего эти понятия. Конечно, было бы неправильно думать, что законодательная формула содержит все существенные признаки, характеризующие понятия эвентуального умысла и преступной самонадеянности и может точно провести границу, разделяющую области этих понятий. Однако постановления закона намечают путь, по которому должна идти социалистическая наука уголовного права при установлении критериев, разграничивающих отдельные виды вины.

Психическое состояние лица, действующего с эвентуальным умыслом, по закону характеризуется тем, что

¹ М. А. Чельцов, цитированная статья, стр. 8—9.

² См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 118—120;

Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, М., 1950, стр. 171—172.

лицо не желает причинения общественно-опасного последствия, но предвидит и допускает возможность его наступления.

Отсутствие желания означает, что указанное последствие не является для лица ни конечной, ни промежуточной целью, ни необходимым средством для достижения поставленной цели, оно лежит за пределами его целенаправленной деятельности и в этом смысле является для него побочным последствием. Но составляя план действия, избирая средства, необходимые для реализации поставленной цели (может и не преступной), лицо при эвентуальном умысле предвидит возможность наступления этого побочного общественно-опасного последствия. Более того, как говорит закон, лицо допускает его наступление. Это выражается в том, что представление о возможности наступления общественно-опасного последствия не становится мотивом, препятствующим совершению поступка. Лицо не отказывается от осуществления поставленной цели и не рассчитывает на какие-либо обстоятельства, могущие предотвратить данное последствие. Ради достижения своей цели лицо примиряется с возможностью наступления общественно-опасных последствий.

Так, например, А. решается отвинтить для хозяйственных целей гайки, которыми скрепляют рельсы железной дороги, хотя ясно сознает, что это может вызвать крушение поезда. А. действует для достижения своих хозяйственных целей, несмотря на то, что предвидит возможность наступления тяжелого вреда, то есть действует с эвентуальным умыслом по отношению к этому вреду.

У лица, действующего с эвентуальным умыслом, имеется обычно безразличное отношение к общественно-опасному последствию¹. Наступление такого последствия само по себе не вызывает чувства удовлетворения. Но это не зна-

¹ О безразличном отношении лица к общественно-опасному последствию при эвентуальном умысле говорится в постановлениях и определениях Верховного Суда СССР. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР по делу Р. от 27 сентября 1946 г. отмечено, что, открывая беспорядочную стрельбу из пистолета в комнате, полной людей, Р., «не имея прямого умысла кого-либо убить, ...тем не менее, действовал с эвентуальным или косвенным умыслом. Он осознавал всю общественную опасность своего поведения и все же безразлично относился к последствиям своих действий, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих». (М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, «Во-

чит, что это последствие никак не относится к воле лица. Окончательное решение субъекта складывается с учетом возможности наступления общественно-опасного последствия, и последнее охватывается планом его действий. Как правильно замечает один из представителей уголовно-правовой мысли Германской Демократической Республики И. Лекшас, воля совершить преступление «наличествует всегда, когда кто-либо не желает отказаться от действия, хотя бы благодаря этому должно было осуществиться преступление, которое он не считал необходимым...»¹.

Иное психическое состояние имеется в случаях преступной самонадеянности. При этом виде вины лицо, осуществляя свои цели, не допускает наступления общественно-опасных последствий, так как, говоря словами закона, легкомысленно надеется предотвратить такие последствия (п. «б» ст. 10 УК РСФСР).

При борьбе мотивов, предшествующей решению действовать, представлению об опасности, связанной с такого рода деятельностью, противостоит представление о том, что в данном конкретном случае наступление общественно-опасного последствия будет предотвращено, избегнуто. В случаях преступной самонадеянности именно это представление о ненаступлении результата получает преобладающее значение и становится одним из мотивов, укреп-

просы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР», М., 1947, стр. 40). Так же охарактеризовано отношение лица к результату при эвентуальном умысле и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 25 января 1948 г. по делу И. Направляя дело на доследование, Судебная коллегия указала: «Если по обстоятельствам дела окажется, что обвиняемый или другие лица, не привлеченные по данному делу, сознавали возможность распространения пожара в лесу, в результате своих действий (оставление горящего костра или непринятие мер к ликвидации пожара, возникшего от загоревшегося леса) и безразлично относились к этому, то они должны нести ответственность за умышленное истребление государственного имущества, совершенное с эвентуальным умыслом, по ст. 79 УК РСФСР» (А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, Госюриздат, М., 1954, стр. 66).

¹ J. Lekschas, 'Die Schuld als subjektive Seite der verbrecherischen Handlung, Berlin, 1955, S. 42.

Попытка раскрыть волевой момент при эвентуальном умысле в советской юридической литературе была предпринята В. Я. Лившицем в статье «К вопросу о понятии эвентуального умысла», «Советское государство и право» 1947 г. № 7, стр. 39—41.

ляющих решимость лица действовать для осуществления поставленных целей.

Таким образом, при эвентуальном умысле лицо решает действовать в известном направлении, несмотря на то, что представляет возможность причинения побочного вреда; напротив, при преступной самонадеянности лицо решает действовать, так как уверено, что указанный вред будет предотвращен. Такая уверенность лица в ненаступлении преступного последствия может иметь место только при том условии, если лицо основывало свой расчет на определенных обстоятельствах, относящихся или к личным свойствам, или к внешним факторам¹. В случае же отсутствия в представлении лица конкретных обстоятельств, по его мнению, предотвратит общественно-опасное последствие, преступная самонадеянность не может быть установлена, хотя бы обвиняемый и ссылался на то, что он надеялся избежать этого последствия.

Большей частью лицо рассчитывает на собственные силы или способности (опыт, знание, ловкость или другие физические или психические свойства).

Расчет может основываться и на деятельности других лиц. Например, улицу перебегает ребенок, за ним гонится мать, чтобы схватить его; будучи уверенным в успешности действий матери, вагоновожатый не принимает требуемых мер предосторожности и не замедляет хода трамвая, однако предположение вагоновожатого не оправдывается: мать не сумела догнать ребенка, и он попадает под трамвай.

Наконец, при преступной самонадеянности субъект может рассчитывать на действие сил природы². Например,

¹ Это положение в русской дореволюционной литературе защищал С. В. Познышев, Основные начала науки уголовного права, М., 1912, стр. 295. В советской юридической литературе сторонником указанного взгляда является А. А. Пионтковский, Советское уголовное право, т. 1, М.—Л., 1929, стр. 243. Та же точка зрения им проводится во всех изданиях Учебника уголовного права ВИЮН.

² В связи с изложенным, некоторые авторы не без основания замечают, что термин «самонадеянность» не точно отражает содержание этого понятия, поскольку лицо может рассчитывать не только на личные свойства и собственные усилия, но и на действия других лиц и на внешние факторы (см. Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского государственного университета, Киев, 1955, стр. 299—300; в русской дореволюционной литературе аналогичные соображения были высказаны П. П. Пусторослевым, Русское уголовное право, Общая часть, вып. I, Юрьев, 1912, стр. 334).

лесничий, уходя из лесу, не тушит разведенного костра, так как убежден, что начавшийся дождь не даст разгореться огню. Расчет оказывается ошибочным: в лесу вспыхивает пожар.

Таким образом, отсутствие у субъекта расчета на определенное обстоятельство или группу обстоятельств исключает преступную самонадеянность и дает основание для признания эвентуального умысла.

Нельзя считать, что лицо действует по неосторожности, когда оно надеется на «счастье» или на «авось», на случайное стечение обстоятельств, полагая, что все обойдется благополучно. В этих случаях легкомыслие и беспечность достигают такой степени, которая дает основание думать, что лицо допускает наступление общественно-опасного последствия. Только определенный расчет предотвратить последствие, а не голые мечтания и надежды, свидетельствует об ином психическом состоянии лица и обосновывает другую уголовно-правовую оценку деяния.

Правильное решение рассматриваемого вопроса закреплено в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте».

Предусматривая в п. 2 ответственность водителей автомашин, не являющихся работниками автотранспорта, Пленум предлагает отличать нарушения правил движения, которые носят сознательно злостный характер (так называемое «лихачество», хулиганские побуждения, вождение в нетрезвом виде и т. д.), от тех нарушений правил движения, которые допущены без указанных отягчающих обстоятельств, вследствие неосторожности.

Если нарушение, относящееся к первой категории случаев, повлекло смерть или увечье потерпевшего, то Пленум предлагает квалифицировать деяние соответственно как умышленное убийство (ст. 136 УК РСФСР) или умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 142 УК РСФСР). Если же нарушение, повлекшее смерть, относится ко второй категории случаев — как убийство по неосторожности (ст. 139 УК РСФСР) и т. д.¹

¹ См. «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1951 гг.» Госюриздат, М., 1952, стр. 20—21.

Чем руководствовался Пленум, когда сознательно злостное нарушение правил движения, повлекшее тяжелые последствия, предписал рассматривать как умышленно совершенное деяние? Прямой умысел на причинение вреда в таких случаях почти исключается, следовательно, Пленум имел в виду, что при указанных обстоятельствах виновные действуют с эвентуальным умыслом. Для так называемого «лихачества», нарушения правил движения из хулиганских побуждений и в нетрезвом виде, характерно именно то, что водитель автомашины бесшабашно действует «на авось», дерзко игнорируя элементарные правила предосторожности, без всякого основания надеясь на благополучный исход своей опасной езды. При таких обстоятельствах, конечно, нельзя утверждать, что лицо исключает возможность возникновения несчастных случаев. Ради озорства и забавы оно примиряется с нанесением вреда, так как не рассчитывает на определенное обстоятельство, способное, по его мнению, предотвратить вредное последствие.

Но, как правильно замечает проф. А. А. Пионтковский, «было бы ошибочным, противоречащим положениям Общей части советского уголовного права, применять ст. 136 УК или ст. 142 УК при отсутствии умысла в действиях лица механически при всякой аварии на автотранспорте, если наступила смерть потерпевшего или тяжкое телесное повреждение»¹. Это учитывает приведенное руководящее постановление Пленума, которое предлагает в пп. «б» и «в» иначе квалифицировать случаи нарушения правил движения, причинившие общественно-опасные последствия, если лицо действовало по неосторожности, то есть легкомысленно рассчитывало их предотвратить.

Но если отсутствие расчета на определенный фактор исключает возможность признать существование преступной самонадеянности, то это не значит, что всякий расчет на любое обстоятельство обосновывает этот вид вины. Лицо должно быть уверено, что последствие будет предотвращено. Поэтому к эвентуальному умыслу следует отнести те случаи, когда субъект хотя и надеется на определенные обстоятельства, но в то же время сознает, что значение этих обстоятельств в данной ситуации почти

¹ А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, Госюриздат, М., 1954, стр. 67.

равно нулю, что эти обстоятельства обладают слишком маленькими шансами для того, чтобы противодействовать наступлению последствия. Предположим, что на людной, центральной улице, где проходят трамвайная и троллейбусная линии, два шофера с многолетним стажем устраивают «гонки» новых автомашин, развивая бешеную скорость, свыше 120 километров в час. Эти шоферы не могут не сознавать, что при таких условиях определенные факторы — опыт и новые, исправные тормоза — бессильны предотвратить несчастный случай. Их поведение характеризует безразличное отношение к человеческой жизни и здоровью. Они готовы ценой причинения тяжелых последствий доставить себе удовольствие позабавиться бешеной ездой. При таких условиях ссылка шоферов на свой опыт и на новые, исправные тормоза не может быть принята во внимание и следует признать, что они причинили вред не по неосторожности, а умышленно.

Таким образом, следует прийти к следующему выводу: для того чтобы признать наличие преступной самонадеянности, необходимо установить, с одной стороны, субъективную уверенность лица, что определенные факторы предотвратят наступление данного общественно-опасного последствия, а с другой — необоснованность такого расчета, который свидетельствует об отсутствии у лица требуемой предусмотрительности и заботливости.

Глава вторая

ПРЕСТУПНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

§ 1. Буржуазные теории уголовного права о природе преступной небрежности и их критика

Преступная небрежность непосредственно граничит со «случаем». Установление ее границ в то же время означает отграничение виновной области от невиновной. Поэтому решить вопрос о сущности преступной небрежности можно только в свете более общей проблемы уголовного вменения.

Многие буржуазные криминалисты, и в частности немецкие криминалисты, которые преимущественно исследовали неосторожную вину, осознали невозможность изолированного рассмотрения данного вопроса. Однако для исследования неосторожной вины этого недостаточно. Для того чтобы решить проблему уголовного вменения и связанную с ней проблему преступной небрежности, необходимо исходить из правильных философских предпосылок и пользоваться верным методом исследования. Буржуазные криминалисты не делают ни того, ни другого. Их концепции основаны на положениях идеалистической философии или вульгарного материализма, и при выяснении сущности преступной небрежности они прибегают к излюбленному ими метафизическому методу.

Одна часть буржуазных криминалистов при решении проблемы неосторожности идет по пути, указанному Гегелем. Исходя из положения, что наказуемая неправда должна быть сознательным и волимым противопоставлением единичной воли общей воле, они доказывали, что всякое виновно вызванное последствие должно быть воли-

мым. Из этой предпосылки как будто вытекало, что уголовной ответственности могут подлежать лишь умышленно действующие, ибо только при умысле вменяемое событие является безусловно волимым. Это положение, которое было провозглашено самим Гегелем, не было воспринято его сторонниками — криминалистами, которые отнюдь не были заинтересованы в отмене наказуемости неосторожных деликтов в действующем буржуазном уголовном праве. Поэтому в отношении неосторожности они приводили искусственные и схоластические доказательства того, что и при неосторожности результат является в каком-то смысле волимым, что здесь имеет место не прямое, бессознательное воление результатов.

Точка зрения, видящая в неосторожном поступке волимым, хотя и бессознательно волимым причинение результата, получила наиболее полное развитие в учении буржуазного криминалиста К. Биндинга. Для обоснования своей внутренне противоречивой концепции Биндинг исходит из искаженного и антинаучного понятия волевого акта. Воля, по мнению Биндинга, является не чем иным, как той силой, которая делает человека причиной или виновником, и потому она не зависит от представлений субъекта. «Причина действует на мир так, как она есть, но не так, как она представляется в голове мыслящего субъекта»¹. Поскольку само волевое действие, то есть телодвижение субъекта вызвано волей лица и, таким образом, является волимым, постольку, по мнению К. Биндинга, и неосторожные последствия, вызванные данным волевым действием, являются волимыми, так как воля может вызвать только нечто волимое.

Нетрудно видеть, что К. Биндинг не сумел обосновать выдвинутое им положение о наличии воли в отношении неосторожно причиненного результата даже при помощи созданного им искусственного понятия воли. Ведь «волимыми» в том понимании, которого придерживается Биндинг, должны быть признаны не только неосторожные последствия поступка человека, но и его случайные, то есть непредвидимые последствия. Ведь и эти последние являются результатом волевого действия человека и в этом смысле ничем не отличаются от неосторожно вызванных результатов.

¹ К. B i n d i n g, Die Normen und ihre Ubertretung, Bd. II, Leipzig, 1877, S. III.

Внутреннее противоречие, делающее порочным всю концепцию Биндинга, заключается в том, что, желая доказать наличие вины воли при преступной небрежности, он на самом деле устанавливает лишь то, что воля стоит в причинной связи с наступившим последствием. Воля у Биндинга рассматривается лишь чисто физиологически как объективный фактор, обусловивший наступление определенных последствий во внешнем мире. Взятая в таком разрезе воля ничего не дает для установления понятия вины. Для последнего важно само содержание воли, внутреннее отношение субъекта к общественно-опасному результату, независимо от факта его наступления. «Проблема воли, поставленная не только функционально и в конце концов формально, а по существу, — говорит советский психолог С. Л. Рубинштейн, — это прежде всего вопрос о с о д е р ж а н и и и воли...»¹. Содержание волевого акта при волевом действии — это те представления и эмоции, которые сопутствуют внешнему проявлению воли. Именно этот последний момент, то есть содержание представлений, сопутствующих проявлению воли, и относится к области понятия вины. Выхолащивая содержание из понятия волевого действия, Биндинг тем самым смешивает друг с другом понятия причинности и вины.

Такое смешение, независимо от субъективных намерений самого автора, с необходимостью должно привести к отнесению и случайных действий к области неосторожных поступков, следовательно, к отказу от принципа виновной ответственности.

Несостоятельными оказались и попытки сведения неосторожной вины к вине сознательной, то есть к умыслу. Такая попытка была сделана еще буржуазными криминалистами конца XVIII и начала XIX века А. Фейербахом и Х. Штюбелем.

А. Фейербах, исходя из своей теории психологического принуждения, логически должен был прийти к выводу, что наказанию подлежит лишь тот, кто, воспринимая угрозу наказанием, сознательно не подчинил своей воли этой угрозе. Отсюда — утверждение: неосторожность есть сознательное нарушение обязанности быть внимательным.

Х. Штюбель так же, как и Фейербах, зачеркивает не-

¹ С. Л. Р у б и н ш т е й н, Основы общей психологии, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1946, стр. 511.

осторожность как форму вины, целиком сводя ее к умыслу. Разница между ними заключается лишь в том, что в то время, как Фейербах видел в неосторожности умышленный деликт упущения — сознательное нарушение обязанности быть внимательным и осмотрительным, Штюбель относит неосторожность к умышленным деликтам содеяния, при которых имеется умышленное поставление в опасность правового блага¹.

Ошибочность указанных теорий неоднократно отмечалась в юридической литературе. Достаточно указать, что обычно при преступной небрежности лицо вовсе не сознает ни того, что нарушает обязанность быть внимательным или осмотрительным, ни того, что создает опасность наступления вреда. Понятно поэтому, что этот взгляд не оставил большого следа в буржуазной юридической литературе, хотя отдельные представители буржуазной уголовно-правовой науки и пытались по-новому обосновать выдвинутые Фейербахом и Штюбелем положения о наличии момента сознания в неосторожной вине.

Дальнейшее развитие и самостоятельное обоснование теория Штюбеля получила в трудах дореволюционного русского криминалиста Н. Д. Сергеевского. По мнению Н. Д. Сергеевского, наряду с теми составами, в которых законодатель предусматривает умышленное причинение вреда, имеются составы, которые предусматривают умышленное создание опасности. К этой группе относятся и составы неосторожных деликтов, при которых наказываются «не последствия, вызванные без умысла, но действия, их причинившие...» и совершенные умышленно².

Вообще деликты, наказываемые за создание опасности, по мнению Н. Д. Сергеевского, двояким образом конструируются в положительных законодательствах. Некоторые из них прямо указаны в законе как деликты создания опасности. Однако, ввиду невозможности перечислить в кодексе составы всех опасных действий, законодатель предусматривает деяния, которые хотя и не указаны в законе как деликты создания опасности, но доказали свою опасность

¹ Подробное изложение этих теорий, как и их критику см. у Н. С. Таганцева, Русское уголовное право, Лекции, т. I, С.-Петербург, 1902, стр. 611—612.

² Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право, Пособие к лекциям, Общая часть, Петроград, 1915, стр. 271.

тем, что повлекли без умысла со стороны виновного лица запрещенный в законе вред. И в этих последних случаях закон наказывает не за наступление вреда (причиненного неумышленно), а за умышленное совершение действия, создавшего опасность вреда. Наступление же вреда необходимо лишь в качестве доказательства того, что действие было опасно¹.

Н. Д. Сергеевский упускает из виду, что действительное осуществление вреда вовсе не обязательно для установления опасного характера действия. Суждение об опасности, то есть о возможности наступления вреда, есть суждение *ex ante*, а не *ex post*. Оно приурочивается к тому моменту, когда наличествуют определенные условия, которые закономерно могут привести к наступлению вреда. Иначе говоря, действие будет опасным и, следовательно, по Сергеевскому, должно влечь наказание, если оно способно вызвать результат, а реальное наступление вреда отнюдь не является ни решающим, ни необходимым доказательством такого характера действия. Логическое развитие теории Сергеевского должно привести к расширению уголовной ответственности за неосторожность, к наказуемости безрезультатного неосторожного деликта. Такое перемещение центра тяжести с ответственности за результат на ответственность за само действие, создающее опасность, отражает процесс ломки формально-демократических буржуазных принципов уголовной ответственности, что характерно для уголовного права эпохи империалистического периода.

Теория Н. Д. Сергеевского бессильна также обосновать ответственность в случаях неосмотрительного упущения, повлекшего наступление вредного последствия. Например, стрелочник забывает вовремя перевести стрелку, и поезд терпит крушение. О каком умышленном поставлении блага в опасность может идти речь в этом случае? Здесь лицу ставится в упрек именно отсутствие определенной сознательной деятельности.

Но и в тех случаях, когда результат вызван сознательным волевым поступком человека, для преступной небрежности характерно то, что лицо не представляет опасных свойств своего поступка. Представление об опасности

¹ См. Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право, стр. 270—271.

может иметь место при преступной самонадеянности, но во всяком случае не при преступной небрежности¹.

Своеобразную попытку доказать момент сознания в неосторожной вине предпринял буржуазный криминалист Э. Мецгер.

Поскольку неосторожный деликт является «неодобряемым выражением личности деятеля», постольку, по мнению Э. Мецгера, он должен включать в себя момент сознательно противоречащий долгу воли². Но, в противоположность умыслу, этот сознательный момент, по мнению Э. Мецгера, отодвигается назад к тому отрезку времени, когда лицо пренебрегает обязанностью быть осмотрительным. Если, например, машинист, вследствие незнания определенного предписания, неосторожно вызывает несчастный случай на железной дороге, его вина заключается в том, что в каком-то пункте времени он сознавал необходимость исполнения определенной обязанности (ознакомиться с имеющимися предписаниями), но не выполнил ее. «Неосторожное действие, — говорит Э. Мецгер, — начинается всегда в периоде этого сознательного акта или сознательного пренебрежения, хотя оно и кончается позже»³.

Как видно из этого изложения, вся теория Э. Мецгера основана на искусственном представлении о длящемся характере неосторожного действия, которое где-то, в далеком истоке является сознательным актом, а затем, в момент действия принимает совершенно иной характер. Но каким образом эти различные и в объективном, и субъективном отношениях акты деятельности могут все же сохранить характер единого и при том сознательного акта? Ведь лицо, действующее с преступной небрежностью, отвечает не за то, что оно когда-то сознательно не выполнило обязанности изучения тех или иных правил предосторожности, а за то, что, не имея соответствующих знаний, действует в данном конкретном случае, когда причиняет преступный результат. Между тем именно в этот момент у него нет никакого представления об опасности

¹ Подробную критику теории Н. Д. Сергеевского см. у Н. С. Таганцева а, Русское уголовное право, Лекции, т. I, С.-Петербург, 1902, стр. 612—614.

² E. Megeger, Strafrecht, Ein Lehrbush, München und Leipzig, 1931, S. 355.

³ Там же, стр. 356.

своего действия. Более того, лицо может вовсе не знать о самом существовании правила предосторожности, хотя и обязано его знать. Попытки Э. Мецгера установить связь между психикой машиниста, который, будто бы когда-то сознавал лежащую на нем обязанность ознакомиться с предписанием о правилах езды, и причиненным впоследствии результатом является презумпцией длящейся вины, которая несовместима даже с принципами буржуазной законности.

Наконец, перенесение момента вины к неопределенному отрезку прошлого означает отход от данного конкретного деяния, причинившего вредное последствие. Судье предлагается «углубиться» в прошлую жизнь обвиняемого и в ней обнаружить моменты, обосновывающие ответственность. Но на основании каких данных буржуазный судья будет решать этот вопрос? Совершенно очевидно, что здесь решающее значение будет иметь то субъективное впечатление, которое произведет на судью личность и характер обвиняемого¹.

Затруднения, испытываемые буржуазными юристами при обосновании ответственности за неосознанную неосторожность как за вину воли, порождают известный скептицизм по отношению к этому вопросу в буржуазной науке уголовного права. Продолжая оставаться на почве психологического понимания вины и в то же время отрицая при преступной небрежности существование какого-либо внутреннего отношения к результату, некоторые буржуазные криминалисты предлагают вовсе исключить этот вид неосторожности из сферы виновной ответственности.

Положение о том, что преступная небрежность не содержит момента вины, давно уже высказывалось буржуазными криминалистами. Впервые этот вопрос был поставлен в начале прошлого столетия в немецкой уголовно-правовой литературе Альмендингером. Во второй половине XIX столетия со всей определенностью отвергал момент вины в преступной небрежности русский дореволюционный криминалист Н. А. Неклюдов. «По своему характеру, — писал он, — неосторожные деяния совпадают с случай-

¹ Впоследствии Э. Мецгер отказался от этой теории и принял к еще более реакционному взгляду, защищаемому так называемой нормативной теорией вины. См. его Deutsches Strafrecht. Ein Grundriss, Berlin, 1941, S. 112—113.

ными деяниями, так что на практике весьма трудно разграничить их друг от друга; здесь все зависит от произвола суда. В преступлениях неосторожных намеренности быть не может, стало быть, с какой бы точки зрения мы не рассматривали этот предмет, неосторожность будет не более как случай и в вину поставлена быть не может»¹. В более позднее время на этот путь становится целый ряд криминалистов: в русской дореволюционной литературе Э. Я. Немировский² и частично Г. С. Фельдштейн³, в немецкой — А. Баумгартен и Э. Кольрауш, в швейцарской литературе — О. Герман и Гульдман.

Вина, по мнению указанных криминалистов, может быть связана лишь с волей, противоречащей долгу. Но бессодержательной воли не может быть. Следовательно, о виновной воле речь может идти лишь тогда, когда «в комплексе представлений действующего лица имеются такие, осуществление которых запрещено»⁴. Поэтому необходи-

¹ Н. А. Неклюдов, Общая часть уголовного права, СПб., 1875, стр. 57.

² См. Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 364—371.

³ Г. С. Фельдштейн делит область неосторожных деликтов на две группы: к первым он относит случаи, когда лицо не предвидит, но может предвидеть правонарушение, а во вторым — случаи, когда лицо не предвидит, не может предвидеть, но должно предвидеть преступное последствие. В первых случаях, по его мнению, субъективная связь с правонарушением имеется, во второй группе случаев нельзя видеть «и минимальной доли субъективного отношения к наступившему правонарушению» (Учение о формах виновности в уголовном праве, М., 1902, стр. 85). Тем не менее по отношению именно к этой второй группе случаев Фельдштейн считает невозможным отказываться от наказания. «В тех случаях непредвидения правонарушительного результата, когда действующее лицо не способно вообще предвидеть этот последний, не может быть речи об освобождении действующего от наказания ввиду того, что существует настоятельная потребность поднять данное лицо до того состояния, которое делает его безопасным для общества» (цитированное сочинение, стр. 123). В случаях же первой категории, т. е. в тех, где он обнаруживает виновность лица, Фельдштейн требует или полную наказуемость или наказуемость минимальную. Такой парадоксальный вывод характерен для представителей социологического направления, исходящих не из идеи вины и наказания, а из идеи «опасного состояния личности» и «мер социальной защиты». Порочность такой постановки вопроса настолько очевидна, что не требует дальнейших опровержений.

⁴ E. Kohlräusch, Die Schuld «Die Reform des Reichsstrafgesetzbuchs», В. I, Berlin, 1910, S. 194; Der Aufbau der Verbrechenslehre, Tübingen, 1913, S. 118; Guldman, Zur Lehre von der

мым признаком вины указанные авторы считают положительное психическое отношение к результату. Но тщетно было бы искать такое отношение при преступной небрежности, которая характеризуется именно отсутствием в психике субъекта представления о возможности наступления последствия, запрещенного законом. В случаях так называемой преступной небрежности, по мнению указанных криминалистов, речь может идти не о пороке воли, направленной против правопорядка, а в крайнем случае лишь о рассеянности, забывчивости, невежестве, глупости, торопливости и тому подобных свойствах характера, которые не имеют ничего общего с виной в общепринятом смысле слова¹.

Поэтому наказание за преступную небрежность, по мнению указанных буржуазных криминалистов, не может быть оправдано ни с точки зрения теории возмездия, ни с точки зрения общепреventивной идеи наказания. Так, А. Баумгартен, который стоял на точке зрения наказания-возмездия, доказывал, что «понятия неосознанной неосторожности и вины исключают друг друга»². Точно также Гульдман считает недопустимым «постулировать этически оправданное возмездие в отношении неосторожных деликтов»³. А. Кольрауш, который видел задачу уголовного закона в том, чтобы путем велений и запретов, при помощи угрозы наказанием «обострить социальную совесть», считает невозможным осуществление этих задач наказания при неосознанной неосторожности, когда лицо совсем не сознает противоречия своей воли норме и, следовательно, не может руководствоваться велениями и запретами уголовного закона⁴.

Такое обоснование отсутствия вины при неосознанной неосторожности покоится на ошибочной методологической предпосылке, исходящей из того, что отсутствие в сознании субъекта требуемых правопорядком и возможных представлений есть ничто, есть пустота в мире психическом.

Strafrechtlich bedeutsamen Kausalität, Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht», 1945, H. I, S. 118—120; O. German, Über den Grund der Strafbarkeit des Versuchs, Aarann, 1914, S. 119—200.

¹ См. Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 366; Э. Кольрауш, цитированное сочинение, стр. 194; Баумгартен, цитированное сочинение, стр. 119.

² А. Баумгартен, цитированное сочинение, стр. 121.

³ Гульдман, цитированная статья, стр. 119.

⁴ См. E. Kohlräusch, Die Schuld, S. 184—185.

В дальнейшем, исходя из метода материалистической диалектики, мы попытаемся доказать, что отрицательная психическая установка, имеющаяся у лица, действующего с преступной небрежностью, вовсе не является нулем в мире действительности, что само отсутствие должествующих быть и возможных представлений обусловлено определенным психическим состоянием, и потому применение наказания в отношении таких лиц вполне оправдано и с этической точки зрения, и с точки зрения задач общего и частного предупреждения.

Авторы, отрицающие момент вины при преступной небрежности, в подтверждение своей точки зрения приводят то, что здесь наказание целиком зависит от тяжести фактически наступивших последствий. Так, Э. Кольрауш отмечает, что если в результате нарушения правил езды шофер лишился человека жизни, то он отвечает за неосторожное убийство; если он ранит его — отвечает за неосторожное телесное повреждение; если раздавит курицу — возникает лишь обязанность возместить вред, а если он не вызвал никакого вреда, может иметь место лишь административное взыскание. Такая зависимость уголовной ответственности от наступившего результата, по мнению Кольрауша, является пережитком объективного вменения, то есть невиновной ответственностью за голое причинение вреда¹.

Эти соображения бьют дальше цели, так как указанное явление, характерное для ответственности за преступную небрежность, мы наблюдаем и при ответственности за деяния, совершенные с эвентуальным умыслом. И здесь наказание, несмотря на одинаковую вину, может быть различным, а при отсутствии вредного последствия может вовсе отпасть.

Правда, вопрос о возможности покушения с эвентуальным умыслом является спорным в литературе, но большинство советских криминалистов по тем или иным основаниям отвергают возможность ответственности в данных случаях². Более того, даже в преступлениях, совершен-

¹ См. E. Kohlrausch, Die Schuld, S. 209.

² Одна часть советских криминалистов считает возможным конструировать покушение с эвентуальным умыслом, однако практически считают невозможным устанавливать ответственность за него, так как доказывать наличие такого умысла при неоконченном преступлении представляет большие трудности (см. М. М. Исаев и

ных с прямым умыслом, наличие или отсутствие общественно-опасного последствия оказывает влияние на выбор конкретной меры наказания: ненаступление последствия, то есть наличие стадии приготовления или покушения всегда учитывается судом и обычно влечет за собой смягчение наказания, а в некоторых случаях — и полное освобождение от уголовной ответственности. Учет тяжести преступного последствия при назначении наказания объясняется тем, что вина не является единственным моментом, обосновывающим уголовную ответственность, а наряду с ней — другим не менее важным для ответственности моментом является объективная общественная опасность деяния.

Наконец, следует указать на удивительную непоследовательность в рассуждениях буржуазных криминалистов. Ведь было бы естественно, если бы при полном отрицании момента вины в преступной небрежности упоминавшиеся авторы пришли к выводу о необходимости отказа от ее наказуемости. Однако ни один из них не решился потребовать полной ненаказуемости преступной небрежности.

Э. Кольрауш и Гульдман считают, что для законодательного осуществления их идей время еще не наступило и что «может быть довольно опасно перед судом или на экзаменах высказывать подобные еретические взгляды»¹.

А. Баумгартен, который на протяжении многих страниц упорно доказывал отсутствие вины при преступной небрежности, вдруг неожиданно начинает так же пространно развивать мысль о том, что ответственность за преступную

А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, ВЮА и ВИЮН, М., 1947, стр. 38—39; Учебник уголовного права. Часть общая, Госюриздат, 1952, стр. 280).

Другая часть советских криминалистов отвергает не только наказуемость, но и самую возможность конструировать покушение с эвентуальным умыслом (см. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1951, стр. 319—320; Н. Д. Дурманов, Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1955, стр. 122—126; Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 119—120.

¹ Гульдман, цитированная статья, стр. 120—121; см. также Э. Кольрауш, цитированное сочинение, стр. 209.

небрежность может быть вполне оправдана с точки зрения воспитательных задач наказания¹.

О. Герман предлагает перенести наказуемость неосторожных деяний в область административного права.

Наконец, Э. Я. Немировский рекомендует применять в отношении лиц, совершивших неосторожный поступок, меры социальной защиты.

Во всяком случае, никто не рискнул поставить вопрос о полном освобождении преступной небрежности от всякого наказания².

Таким образом, под покровом этих «либеральных» и «радикальных» предложений по существу скрывается характерная для уголовного права эпохи империализма тенденция расширить компетенцию суда в деле борьбы с классово-опасными деяниями или полностью изъять вопрос об ответственности за преступную небрежность из ведения судов и передать его органам администрации, деятельность которых свободна от рамок закона и основана на принципе «целесообразности», то есть по существу на голом произволе.

Если рассмотренные до сих пор буржуазные теории при решении проблемы преступной небрежности исходили из психологического понимания вины и пытались открыть в неосторожности волевой момент, что в конце концов привело некоторых авторов к отрицанию момента вины в преступной небрежности, то совершенно из других предпо-

¹ См. А. Баумгартен, цитированное сочинение, стр. 121—124. На внутреннюю противоречивость теории Баумгартена обратили внимание и некоторые буржуазные криминалисты. Так, Макс Майер, отмечая, что Баумгартен не строит понятия неосторожности, а разрушает его, добавляет: «а затем он из этих обломков старается спасти мысль, что наказание за неосторожность является воспитательным мероприятием...» М. Е. Мауер, *Der Allgemeine Teil des Deutschen Strafrechts*, Heidelberg, 1923, S. 245, N 36).

² Наиболее последовательным из указанных криминалистов является проф. Э. Я. Немировский. Он считает допустимым применение мер социальной защиты только в отношении тех случаев, когда совершенное лицом деяние или, вернее, целый ряд неосторожных деяний вскрывают длительный источник неосторожности. Только при этом условии, по мнению проф. Э. Я. Немировского, «можно говорить об опасности, представляемой субъектом», а в единичных случаях неосторожности, не являющихся результатом такого устойчивого состояния, личность не является опасной и не требует применения мер социальной защиты (Основные начала Уголовного права, Одесса, 1917, стр. 370—371).

сылкой исходит возникшая в эпоху империализма так называемая «нормативная» или «оценочная теория вины».

Представители этого взгляда (В. Зауер, П. Меркель, О. Берг, Э. Мецгер, А. Донна и др.) считают за факт, не требующий доказательств, что преступная небрежность является виной, но в то же время они категорически утверждают, что преступная небрежность не содержит никакого психического отношения к результату. Отсюда они делают вывод: вина вовсе не заключается в психическом отношении субъекта к совершенному им деянию и вызванному этим деянием общественно-опасному результату, а представляет собой чисто оценочную категорию.

«Все попытки,— говорит А. Донна,— и в неосторожности найти какое-либо психическое отношение лица к своему деянию и обнаружить в нем общий признак вины, должны быть признаны окончательно неудавшимися»¹. Преступная небрежность, по мнению нормативистов, характеризуется именно отсутствием того психического отношения, которое составляет сущность умысла, а правовую значимость она приобретает благодаря порицанию этого недостатка психического отношения со стороны законодателя. «Неосторожность, как и упущение,— заявляет Э. Мецгер,— определяется в своих позитивных предпосылках только со стороны оценивающего рассмотрения. Никакой «естественной» неосторожности не существует»².

Выхолащивая из понятия вины всякое психологическое содержание, сторонники нормативного понимания вины последовательно приходят к выводу, что вина не есть нечто, существующее в реальной действительности, а представляет собой лишь оценивающее суждение, то есть суждение буржуазного судьи о неодобряемости поведения субъекта преступления.

Для наглядного пояснения указанной мысли нормативисты прибегают к следующей параллели: «Это моральное и правовое оценочное суждение о поведении личности совершенно однородно с эстетическим (оценочным) суждением о картине, о музыкальном произведении. И «красота»

¹ Graf zu Dohna, *Der Aufbau der Verbrechenslehre*, Bonn, 1936, S. 14.

² E. Mergel, *Deutsches Strafrecht. Ein Grundriss*, Berlin, 1941, S. 113.

не является фактом, вызванным оцениваемым предметом, она не является чем-либо, существующим объективно, но свойством, приписываемым картине ее созерцателем и являющимся различным в зависимости от личности судящего и времени оценки»¹.

Такое насквозь субъективно-идеалистическое понимание вины совершенно неприемлемо с точки зрения диалектического материализма. Мы, конечно, не отрицаем того, что установление вины всегда связано с отрицательной оценкой. При этом критерии оценки, безусловно, будут различны и даже диаметрально противоположны в разных общественных формациях. То, что в капиталистическом строе может быть признано достойным похвалы с точки зрения интересов господствующего класса, в социалистическом государстве может заслужить самую отрицательную морально-политическую оценку.

Но дело не только в этом. Порочность концепции нормативистов заключается не только в тех критериях оценки поведения человека, которыми они предлагают руководствоваться, но и в том, что за оценивающим суждением они устраняют предмет оценки.

Всякая оценка обязательно предполагает нечто реальное и действительное, к чему она приурочивается. Если воспользоваться примером самого О. Берга, то можно сказать, что суждение о красоте всегда приурочивается к определенному реальному предмету — картине, к пейзажу и т. п. И если бы указанный предмет не обладал определенными качествами, воздействующими на человеческие ощущения, то люди никогда не смогли бы выработать взаимосогласованных, общих взглядов о свойствах этого предмета. Точно так же и при установлении вины в нравственном или правовом смысле мы приурочиваем наше суждение к определенным фактам, наличествующим в психике лица, совершившего преступление. Именно в этих реальных фактах психической жизни индивида и ковернется вина, а не в голом оценочном суждении. Это последнее является лишь результатом, лишь нашим выводом о том, что психическое состояние лица в момент совершения преступления заслуживает морально-политического осуждения и порицания, и потому лицо достойно наказания.

¹ O. Berg, Der gegenwärtige Stand der Schuldlehre im Strafrecht Breslau, 1927, S. 53.

Сказанное относится и к преступной небрежности. Для того чтобы в отношении лица, совершившего преступление с преступной небрежностью, высказать порицание и осуждение с точки зрения правовых и нравственных воззрений данного общества, прежде всего необходимо в психике действующего лица, в его внутреннем состоянии указать те моменты, с которыми может быть связано это неодобрение. Без этого не может быть вины и не может быть уголовной ответственности.

При обосновании нормативной природы преступной небрежности указанные выше авторы не могут свести концы с концами. Изгоняя из понятия преступной небрежности всякое психологическое содержание и тем самым опустошая это понятие, сторонники нормативного понимания вины допускают логическую ошибку, известную под названием *circulus in demonstrando* (круг в доказательстве). Ставя вопрос о том, когда преступная небрежность противоречит долгу, они отвечают: тогда, когда от лица ожидалось наличие известного представления. На вопрос же о том, когда это представление ожидалось, они отвечают: когда у лица существовала обязанность иметь соответствующее представление.

Методологические основы рассматриваемой концепции не трудно установить. Нормативное суждение о вине является продуктом резкого противопоставления сухого и должного, столь характерного для реакционной неокантианской философии. В основе рассматриваемого взгляда лежит крайний субъективизм, который неизбежно должен привести к открытому произволу. Понятие вины, оторванное от своей реальной основы — психологического содержания, расплывается в лишенное всякой юридической определенности оценочное суждение. Установление вины, этого важнейшего основания уголовной ответственности, ставится в зависимость не от выяснения определенного психического состояния действующего лица, а от мировоззрения судей, их политических и «моральных» убеждений, интересов и вкусов. Вот что определяет наличие или отсутствие вины в буржуазном уголовном праве.

К чему может привести такое понимание вины, это особенно наглядно видно из «рассуждений» буржуазного криминалиста О. Берга, который доходит до того, что даже господствовавшую в древнегерманском праве объективную ответственность за причинение результата счи-

тает виновной ответственностью, аргументируя это явно нелепое положение тем, что в то время неодобрение со стороны судящего субъекта обосновывалось одним лишь фактом причинения вреда, а внутреннее отношение к последствию не требовалось¹.

Политический смысл рассмотренного нормативного учения заключается в том, чтобы путем расширения свободного усмотрения буржуазного суда превратить понятие вины в удобное и гибкое средство для осуществления классового правосудия.

* *
*

Краткий обзор взглядов буржуазных криминалистов на природу преступной небрежности показал, что буржуазная наука уголовного права оказалась бессильной обнаружить вину при этом виде неосторожности. Такие результаты не случайны. Неспособность буржуазных криминалистов установить вину при преступной небрежности обусловлена порочностью общих предпосылок уголовного вменения, из которых они исходят.

Для установления вины в преступной небрежности необходимо выяснить, означает ли отсутствие положительного представления о преступном результате полное отсутствие всякой связи между психическим состоянием лица и наступившим результатом? Лишь в том случае, если будет установлено, что непредвидение преступного последствия вовсе не равносильно отрицанию связи между психическим состоянием лица и наступившим преступным результатом, можно говорить о наличии вины у лица, действующего с преступной небрежностью.

Поскольку у лица, действующего с преступной небрежностью, нет ни воли, ни сознания в отношении преступного последствия, то ясно, что ни о каком п о л о ж и т е л ь н о м психическом отношении к результату не может быть речи. Вопрос может быть поставлен лишь о потенциальном отношении к результату, то есть о возможности для лица предусмотреть преступное последствие. Наличие такого потенциального психического отношения к преступному последствию может дать основание для соответствующей неодобрительной оценки поведения лица, которое, имея

возможность предусмотреть преступное последствие, могло бы отклонить его наступление.

Поставленная в такой плоскости проблема перерастает в более общую проблему об основаниях уголовного вменения. Ибо решение вопросов о том, могло ли лицо иметь недостающее у него представление о возможности наступления общественно-опасного последствия, зависит от решения вопроса о том, может ли вообще лицо действовать иначе, чем оно действовало при данных конкретных обстоятельствах, следовательно, вопроса о соотношении причинной обусловленности человеческих поступков и свободы его воли.

Буржуазные криминалисты, занимающиеся вопросом вменения, обычно указывают на конфликт, существующий между необходимостью человеческих действий, с одной стороны, и нормосоздающей и карательной деятельностью государства — с другой.

Сущность этого конфликта, по мнению буржуазных криминалистов, заключается в следующем. Человек подчинен закону причинности, следовательно, каждое действие человека неизбежно обусловлено совокупностью необходимых предшествующих условий. Но необходимость исключает всякую иную возможность. Следовательно, если лицо действовало известным образом, то при данных конкретных условиях оно и не могло поступить иначе.

Но тогда возникает вопрос: как же примирить с необходимостью действий человека его ответственность? Ведь если лицо не могло действовать иначе, то лишается всякого смысла деятельность государства по установлению норм и возложению ответственности за их нарушение!

Одна часть буржуазных криминалистов пытается решить указанную антиномию с точки зрения кантовского дуализма. Человек как существо, принадлежащее к миру эмпирических явлений, как предмет нашего сознания безусловно подчинен принудительному и беспробельному закону причинности; но человек как интеллигибельное существо, как «вещь в себе», недоступная нашему познанию, обладает свободной волей, то есть способностью принимать решения и действовать совершенно независимо от принуждения внешней ситуации. Этот постулат этико-правового, то есть постулат не теоретического, а практического разума обосновывает, по мнению указанных криминалистов, возложение уголовной ответственности. Оце-

¹ О. Берг, цитированное сочинение, стр. 77.

ночные науки, к числу которых буржуазные юристы относят в первую очередь право, имеют своей задачей не объяснение мира бытия, а установление того, как должен действовать человек. Их объектом является воля, выхваченная из цепи причин и следствий, «свободное волевое решение человека». «Это есть одновременно точка зрения практической жизни действующего, а не рассуждающего человека... Человек вынужден признать свободу воли в качестве руководящего начала своего поведения»¹. Для буржуазных криминалистов, признающих мораль и право той сферой, где человек наделен свободной волей, сущность этого понятия определяется «как самоопределение, как избавление от действительного мира, как — мнимая только — свобода духа»². Свободная воля, по мнению буржуазных криминалистов-индетерминистов, ничем не обуславливается, она сама находит свое содержание и сама себя определяет независимо от внешнего мира. Такая свобода воли есть «свобода пустоты», неподчиненность закону причинности, абсолютная случайность.

Таким образом, буржуазные криминалисты-неокантианцы для обоснования свободы воли прибегают к весьма простому способу. Они искусственно делят сферы науки и практической жизни, объявляя, что в первой сфере детерминизм сохраняет свое значение, а во второй сфере, без всякой научной аргументации, в качестве постулата допускают свободу воли как необходимую предпосылку наказания-возмездия.

К этим «ученым» хорошо подходят слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу Маха:

«Разве это не обскурантизм, когда чистая теория заботливо отгораживается от практики? Когда детерминизм ограничивается областью «исследования», а в области морали, общественной деятельности, во всех остальных областях, кроме «исследования», вопрос предоставляется «субъективной» оценке? В моем кабинете, — говорит ученый педант, — я детерминист, а о том, чтобы философ заботился о цельном, охватывающем и теорию и практику, миросозерцании, построенном на детерминизме, нет и речи»³.

¹ О. Берг, цитированное сочинение, стр. 60.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, издание второе, Госполитиздат, 1955, стр. 292, примечание.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 179.

Научная несостоятельность буржуазных криминалистов-индетерминистов в обосновании уголовной ответственности резко бросается в глаза. С точки зрения индетерминизма невозможно обосновать целесообразность применения наказания. Если воля человека свободна от всякого внешнего воздействия, если ее решение ничем не обусловлено и является абсолютной случайностью, то ясно, что государство не может человеку ставить цели и требовать следования им. Ведь наказание не может оказать ни устрашающего, ни воспитательного воздействия, не может осуществить ни задач общего, ни задач специального предупреждения, так как оно не способно создать мотивы соответствующего норме поведения.

Отказываясь от идеи целесообразности наказания, криминалисты-индетерминисты утверждают, что наказание по своей природе является возмездием человеку за зло, причиненное его свободной волей. Некоторые из них доходят до оправдания возмездия в самой его примитивной форме, талиона — око за око, зуб за зуб.

Индетерминистический взгляд на свободу воли и ответственность содержит внутреннее противоречие. Если воля человека не подчиняется закону причинности, то, следовательно, она не зависит и от личности человека, от эмпирических свойств его характера. В то же время наказание затрагивает не одну лишь сторону человека — его волю, а всю личность, со всеми его физическими и психическими свойствами. Но как же возможно, чтобы за решения воли сверхъестественного человека, не подчиняющиеся закону причинности, отвечала эмпирическая личность, отделенная от него глубокой пропастью? Буржуазные криминалисты-неокантианцы вовсе не задумываются над тем, чтобы восполнить эту пропасть. Более того, они принципиально отказываются перекинуть мост между бытием и должествованием, между сферами теоретического и практического разума. Но в таких условиях они не могут обосновать ответственность человека за преступное деяние, которое ими трактуется как абсолютно случайный продукт его воли.

Тем более невозможно обоснование уголовной ответственности за преступную небрежность с индетерминистической точки зрения. Само собой разумеется, что трудно говорить о злой воле, свободно выбравшей преступный путь в том случае, когда лицом возможность наступления

преступного последствия вовсе не осознается. Мы уже видели, что некоторые из криминалистов-«классиков», исходящие из индетерминистического понимания вины, вынуждены были прибегнуть к бессмысленному понятию бессознательного воления результата (К. Биндинг). А более последовательные индетерминисты должны были прийти к отрицанию вины при неосознанной неосторожности, как это сделал А. Баумгартен, открыто заявивший: «Для нас, придерживающихся теории возмездия, основанной на индетерминистическом понимании, не существует никакого сомнения, что неосознанная неосторожность должна быть исключена из области подлинного уголовного права»¹.

Это признание, откровенно сделанное в отношении неосознанной неосторожности, следовало бы расширить и сказать, что с точки зрения индетерминистического понимания свободы воли вообще нельзя обосновать ответственность ни с нравственной, ни с правовой точки зрения.

Другая, более многочисленная группа буржуазных криминалистов при обосновании уголовной ответственности исходит из позиции метафизического детерминизма.

Для этих криминалистов понятие причинения адекватно понятию необходимости. По их мнению, все, что следует из данного основания, — необходимо. Категория возможности не имеет реального бытия. В соответствии с этим они отрицают объективную возможность существования иной мотивации и волеуправленности, чем та, которая имела место в действительности: раз лицо поступило известным образом, то оно, при условии учета совокупности всех конкретных обстоятельств данного случая, и не могло действовать иначе.

Применительно к вопросу о преступной небрежности это означает: раз лицо не проявило требуемой предусмотрительности и заботливости и не предвидело наступления преступных последствий, то значит оно, при данных конкретных обстоятельствах, принимая во внимание его характер, физические свойства, психическое состояние в момент действия и всю совокупность внешних условий, и не могло это сделать².

¹ А. Baumgarten, Der Aufbau der Verbrechenslehre, Tübingen, 1913, S. 120—121.

² См., например, Н. Д. Сергеевский, Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Петроград, 1915, стр. 270; Г. Колоко-

Однако закономерно возникает вопрос: если лицо с необходимостью было вынуждено совершить действие, противоречащее требованию правопорядка, потому, что оно таково, или потому, что оно находилось под давлением обстоятельств конкретной ситуации, как же согласовать с этим факт существования в обществе правовых норм, под угрозой наказания устанавливающих веления и запреты, и возложение уголовной ответственности за их нарушение?

Наиболее последовательные представители метафизического детерминизма — сторонники антропологической и социологической школ в уголовном праве — действительно пришли к выводу о необходимости полностью упразднить понятия вменения и вины, а также понятие наказания, заменив их понятиями «опасного состояния личности» и «мер социальной защиты». Осуществление этих предложений означало бы по существу упразднение всего уголовного права и процесса, ликвидацию суда с его последними остатками буржуазной законности и замену его ничем не стесненным произволом административных органов буржуазного государства.

Однако большинство буржуазных криминалистов-детерминистов не решилось сделать такие крайние выводы и попыталось примирить уголовную ответственность с метафизическим детерминизмом. На такой путь встали, в частности, представители так называемой третьей школы в буржуазном уголовном праве — Э. Кольрауш, Р. Гиппель, М. Липман, Х. Манхейм и др.

Указанные криминалисты пытаются доказать, что индивидуальная возможность действовать иначе вовсе не является необходимой предпосылкой вменения.

Так, по мнению Э. Кольрауша, приказы и запреты государственной власти, хотя и издаются в том предположении, что граждане могут следовать им, однако они не зависят от индивидуальной возможности действовать иначе. Обращаясь к гражданам с определенными велениями, право-

лов, К учению о покушении, М., 1884, стр. 214, примечание 54 и его замечания к проекту Уголовного уложения 1903 г. — Проект редакционной комиссии и объяснения к нему, т. I, С.-Петербург, 1897, стр. 404, примечание 3; П. П. Пусторослов, Русское уголовное право, вып. I, Юрьев, 1912, стр. 243, 333; E. Kohlrausch, Die Schuld, "Die Reform des Reichsstrafgesetzbuchs", Bd. I, Berlin, 1910, S. 211 и др.

порядок имеет в виду не индивидуальную способность, а общую, абстрактную способность соответствующую норме поведения. «Адресатом» нормы является «средний человек» данной общественной организации. А оправдание ответственности, по мнению указанных криминалистов, заключается в том, что государство причисляет взрослых здоровых лиц к группе тех, для которых оно издает свои императивы и от которых ожидает, что они могут поступать в соответствии с установленными правилами поведения. «Вследствие этого, — заявляет Э. Кольрауш, — лицо наказывается не потому, что данное лицо при данных конкретных внутренних и внешних обстоятельствах «могло бы» действовать правильно, а потому, что такое же лицо при таких же внутренних и внешних обстоятельствах «могло бы» действовать правильно»¹.

Само собой разумеется, что если для уголовного вменения не требуется индивидуальная способность действовать иначе, то и для ответственности за преступную небрежность не должна требоваться возможность для данного лица предусмотреть общественно-опасное последствие и избежать его, а лишь общая, абстрактная возможность предвидения².

Такая попытка построения понятия вины и ответственности при помощи обобщающего начала противоречит принципу индивидуальной ответственности и подрывает самую идею вины. Предположим, Э. Кольрауш прав в том, что веления и запреты, устанавливаемые государственной властью, рассчитаны на средних лиц данной общественной организации и не могут учитывать субъективных свойств отдельных лиц. Допустим, «адресатом» нормы действительно является абстрактный человек, общая возможность которого принимается во внимание при создании нормы. Но ведь уголовную ответственность за неисполнение нормы несет не средний человек, а индивидуум, обладающий конкретными особенностями психофизической организации. Строить эту ответственность по масштабу среднего человека, наказывать данного индивида за то, что

¹ E. Kohlrausch, Sollen und Können als Grundlagen der strafrechtlichen Zurechnung, Berlin, 1910, S. 25.

² Выводы, которые вытекают из указанной точки зрения для ответственности за неосторожность, см. в § 1 главы третьей настоящей работы.

он не в силах был предвидеть и предотвратить, только потому, что это в состоянии сделать средний человек — было бы крайней несправедливостью. По существу это означало бы возложение на конкретное лицо ответственности за то, что оно не доросло до уровня своих сограждан.

Однако такой вывод не смущает буржуазных криминалистов-детерминистов, которые вовсе снимают вопрос об этическом оправдании уголовной ответственности. Напротив, они иногда открыто признают, что такое возложение ответственности в ряде случаев может привести к несправедливости по отношению к отдельным лицам, но оправдывают эту несправедливость государственной необходимостью. Так, например, буржуазный криминалист Х. Манхейм отмечает, что если такое лицо попытается в свое оправдание сослаться на невозможность для него избежать совершения преступления, так как в силу необходимости, над которой никто не властен, он сделался таким, каков он есть, — то ему можно ответить: «Хорошо, но благодаря той же необходимости мы тоже таковы, что мы не можем этого допустить, и мы сделаем все, что от нас зависит, для того, чтобы ты стал другим»¹.

Таким образом, буржуазные криминалисты-детерминисты и не пытаются чем-либо устранить тот конфликт, который, по их мнению, существует между детерминизмом и ответственностью. Они не стесняются заявить, что интересы капиталистического государства, которое не может существовать без репрессии, требуют принесения в жертву личных интересов и что отдельные лица должны примириться с этой несправедливостью, так же как они примиряются со многими несправедливыми требованиями, которые вытекают из существования государства как эмпирически данного факта².

Классовая направленность этого взгляда не нуждается в пояснении. Объявляя государственную необходимость и целесообразность единственным оправданием уголовной ответственности, буржуазные криминалисты-детерминисты под видом охраны отвлеченных интересов «всего общества» создают теоретическую основу для оправдания лю-

¹ H. Mannheim, Der Masstab der Fahrlässigkeit im Strafrecht, Breslau, 1912, S. 64. Также R. Hippel, Deutsches Strafrecht, Bd. 2, Berlin, 1930, S. 285.

² См. Kohlrausch, Sollen und Können, Berlin, 1910, S. 26—28.

бой репрессии, которая будет диктоваться защитой интересов господствующего класса.

Некоторые буржуазные криминалисты-детерминисты все же попытались поставить вопрос об этическом оправдании уголовной ответственности. При этом они ссылаются на положения неокантианского философа В. Виндельбанда. Способность человека действовать иначе не является, по мнению В. Виндельбанда, необходимой предпосылкой для оправдания нравственного и правового вменения. Для доказательства этого положения он прибегает к параллели с эстетическим суждением. При оценке какого-либо эстетического произведения мы выражаем наше удовольствие или неудовольствие, обозначаем предмет как уродливый или красивый лишь в зависимости от того, соответствует ли он нашей эстетической потребности, вовсе не спрашивая о том, какими приемами художнику удалось доставить нам это удовлетворение. Точно так же, по мнению В. Виндельбанда, оценивая поступок человека с точки зрения морали или права, мы спрашиваем лишь о том, соответствует ли он нравственной или правовой максиме, без принятия во внимание способа его возникновения, без учета того, мог ли человек поступать иначе¹.

Такая попытка обосновать уголовную ответственность ничего общего не имеет ни со справедливостью, ни с принципом виновной ответственности. Конечно, уголовная ответственность предполагает отрицательную оценку. Но виновная ответственность означает не простое констатирование того, что совершено нечто, нежелательное с точки зрения права, но и то, что мы за данный общественно-опасный и противоправный поступок порицаем и осуждаем его «автора». А такое порицание и осуждение имеют своей необходимой предпосылкой допущение возможности правильного поведения именно для данного лица, а не для «среднего абстрактного» человека, этой мифической личности буржуазного правопорядка.

Таким образом, мы приходим к выводу, что ни метафизический индетерминизм, ни метафизический детерминизм не могут обосновать уголовного вменения вообще и вменения последствия, причиненного по преступной небрежности, в частности.

¹ См. В. Виндельбанд, Прелюдии, перевод С. Франка, СПб., 1904, стр. 212—213.

§ 2. Материалистическое понимание уголовного вменения как предпосылка решения проблемы преступной небрежности

В противоположность как метафизическому индетерминизму, так и метафизическому детерминизму, согласно которым необходимость человеческого поведения несовместима со свободой воли и, следовательно, с этическим обоснованием ответственности, диалектический материализм утверждает, что никакого конфликта между детерминизмом и нравственностью не существует. Критикуя взгляды субъективных социологов по данному вопросу, В. И. Ленин писал: «На самом деле, никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мешанской морали»¹.

Диалектический материализм исходит из признания причинной обусловленности человеческого поведения. Вся общественная деятельность людей детерминируется, определяется условиями их материальной жизни. Марксизм учит: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»². Такой же обусловленный объективной реальностью характер носит и отдельный акт человеческой волевой деятельности. И отдельные цели человека возникают из внешнего мира, им определяются, от него получают конкретное содержание. То, что человек во время своей волевой деятельности заранее представляет себе целью своей деятельности и те изменения, которые он произведет во внешнем мире, вовсе не делает целью независимой от объективного внешнего мира. В. И. Ленин критиковал индетерминистов, которые пытаются доказать независимость человека от внешнего мира путем ссылки на «ощущение свободы», имеющееся у людей. «На деле, — писал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»³.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 142.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 6—7.

³ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 162—163.

Детерминированность действий человека, подчинение их закону причинности, с точки зрения диалектического материализма, вовсе не означает фатализма и не отрицает активного характера волевой деятельности человека, его способности влиять на окружающую природу и общественную жизнь. Человек бессилён перед необходимостью, он является ее рабом лишь до того, пока не познал этой необходимости, не постиг законов природы и своего общественного бытия. «Слепа необходимость, лишь поскольку она не понята»¹. Но когда человек познает законы природы и общественного бытия, он тем самым получает возможность планомерно воздействовать на них, использовать их для своих сознательно поставленных целей.

Эта возможность воздействия на необходимость, эта «познанная необходимость» и является свободой в смысле диалектического материализма. Ф. Энгельс четко сформулировал материалистическое понимание свободы: «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела»².

Некоторыми советскими криминалистами формула Ф. Энгельса — свобода воли означает способность принимать решения со знанием дела — была понята таким образом, что свободно действует каждый человек, который сознает законы, сознает необходимость, хотя бы даже его действие шло вразрез с этой необходимостью, было направлено наперекор ее законам. Отсюда был сделан вывод, что преступники, которые сознают общественную опасность своего действия, которые сознают, что их действия могут причинить ущерб социалистическим общественным отношениям, действуют «со знанием дела», дей-

ствуют свободно. Так, например, проф. А. А. Пионтковский писал, что «...с точки зрения марксизма совершение преступления может рассматриваться как проявление индивидуальной свободы лица, поскольку оно совершилось со знанием дела»¹. Ту же мысль проф. А. А. Пионтковский проводит в четвертом издании учебника уголовного права ВИЮН: «Способность человека действовать со знанием дела вызывает ответственность человека за совершенные действия, служит субъективным основанием вменения ему совершенного в вину, определяет его вину за совершенные преступления. Чем с большим знанием дела и с большим сознанием общественного значения последствий своего поступка действует человек, тем более ответствен он за совершенные действия, тем больше и его вина в совершении преступления»².

Так же понимает приведенную формулу диалектического материализма и проф. Б. С. Маньковский. Оспаривая взгляд проф. Б. С. Утевского, который не соглашается с приведенным толкованием слов Ф. Энгельса, проф. Б. С. Маньковский утверждает, что «со знанием дела», то есть свободно, действуют и преступники, посягающие на завоевания социалистической революции, что свобода воли означает лишь действие, при совершении которого лицо сознает общественную значимость своего поступка»³.

Такое понимание свободы, по нашему мнению, не соответствует действительной сущности этого понятия. Познание необходимости, познание законов природы и общественного развития, является необходимой предпосылкой свободы, но оно еще не означает свободу. Классики марксизма всегда подчеркивали, что для господства над объективной необходимостью недостаточно одного лишь знания, а необходима активная практическая деятельность. «Одного только познания, — говорит Ф. Энгельс, — хотя бы оно шло дальше и глубже познания буржуазной политической экономии, недостаточно, чтобы подчинить обще-

¹ А. А. Пионтковский, Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве, ВИЮН, М., 1948, стр. 81—82.

² Уголовное право. Часть общая, ВИЮН, Юриздат, 1948, изд. 4-е, стр. 335—336.

³ Б. С. Маньковский, Против извращения обоснования ответственности в советском уголовном праве, «Вопросы философии», 1951 г. № 6, стр. 205.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 107.

² Там же.

ственные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное действие»¹.

То, что говорится об общественном действии, имеет отношение и к отдельным актам человеческой деятельности. Для того чтобы конкретный акт человеческой деятельности рассматривался как свободный, вовсе недостаточно, чтобы действующее лицо сознавало его общественную значимость. Свобода не исчерпывается пассивным знанием необходимости, а предполагает основанное на этом знании господство над самим собой и над внешней природой. Отсюда ясно, что человек свободен в своих действиях только тогда, когда он, основываясь на знании законов природы и общества, действует в соответствии с этими законами, а не вопреки им. Отсюда вытекает также, что свобода воли не есть возможность выбора между различными действиями или различными средствами для достижения своих целей². Ф. Энгельс, говоря о свободе, как правильно отмечает проф. Б. С. Утевский, «имеет в виду не способность человека выбирать решения вообще, а способность выбирать такие решения, которые находятся в соответствии с законами общественного развития, которые означают господство над обстоятельствами и отношениями»³.

Понимание свободы как свободы выбора между различными решениями прямо противоречит следующим высказываниям Ф. Энгельса: «Таким образом, чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения, тогда как

неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над нами самими и над внешней природой...»¹.

Рассмотрим, с точки зрения этих высказываний, правовую и нравственную свободу гражданина социалистического общества.

Социалистические право и нравственность служат укреплению и развитию соответствующего базиса, содействуют построению социалистического общества. Советские граждане хорошо понимают, что нормы нашего права и нашей нравственности направлены на осуществление этой необходимости, и потому сознают их общественную значимость. Понятно поэтому, что подавляющее большинство наших граждан с полным сознанием и по доброй воле выполняет законы своего государства. Они принимают эти нормы, служащие осуществлению исторической закономерности развития общества, как обязательные для них, как ставшие их собственной, внутренней необходимостью. Следовательно, содержание правовых и этических норм не принудительно навязывается им извне, а становится внутренней необходимостью их собственной природы. Поведение этих граждан социалистического общества не зависит от всякого рода случайностей, страстей и посторонних воздействий, а является подлинно свободным².

Однако диалектический материализм учит нас, что сознание людей отстает от их экономического положения. Этим объясняется существование в сознании отдельных советских людей пережитков капитализма, которые вызывают антиобщественные чувства и мотивы их поведения. Лица, нарушающие нормы социалистического права и нравственности, в своих действиях подчиняются этим антиобщественным мотивам и чувствам. Вместо того, что-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 107.

² См. М. М. Розенталь, Марксистский диалектический метод, Госполитиздат, 1952, стр. 84; Т. И. Ойзерман, Марксистско-ленинское решение свободы и необходимости, «Вопросы философии» 1954 г. № 3, стр. 28.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 300.

² Так, по-видимому, понимает свободу воли О. С. Иоффе, который пишет: «В действительности же свобода воли как необходимая предпосылка виновности основана на способности принимать решения со знанием дела и, следовательно, сознательно осуществлять выбор целей и действий, необходимых для их достижения. И если лицо совершило преступление, то это ни в какой мере не доказывает, что оно неспособно принять иное решение...» (О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, Л., 1955, стр. 113).

³ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, М., 1950, стр. 35. Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в статье Т. В. Церетели, Диалектика необходимости и свободы и обоснование уголовной ответственности, Журнал «Мнатоми», 1955 г. № 10 (на грузинском языке). На указанной статье Т. В. Церетели основано наше изложение данного вопроса.

бы обуздать свои мелкие эгоистические устремления и страсти и господствовать над ними, они предоставляют им господство над собой, над своим поведением. Эти лица несвободны в том смысле, в каком понимает свободу воли диалектический материализм.

Свобода воли, учит диалектический материализм, является продуктом исторического развития. Человек, стоящий на примитивной ступени развития, вынужден слепо подчиняться действию сил природы и бессилён перед ней. Каждая новая ступень в развитии общественного сознания представляет собой новый этап в освобождении человека от подчинения объективному внешнему миру. Таким же продуктом исторического развития является господство человека над самим собой. Чем выше ступень общественного развития, на которой стоит человек, тем более обладает он способностью подчинять свои действия общественно полезным целям.

В социалистическом обществе, где уничтожена эксплуатация человека человеком, где люди сами владеют орудиями и средствами производства, где ликвидирована безработица и создаются условия для максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей граждан, существуют необходимые предпосылки для господства над собой. Однако наличествующие еще в сознании отсталых лиц пережитки прошлого являются почвой, которая питает преступность в СССР.

Действительная свобода, полное господство над собой всех членов общества возможно лишь в высшей фазе коммунизма, когда «Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству»¹. Ф. Энгельс называет это скачком из царства необходимости в царство свободы².

* * *

По мнению некоторых советских юристов, признание преступников «несвободными» в указанном выше смысле означает признание фаталистической обусловленности их

действий¹. В таком случае, конечно, вопрос об обосновании ответственности не смог бы быть разрешен.

Однако признание того, что лицо не было свободно, что оно не господствовало над собой, а над ним господствовали пережитки капитализма, вовсе не означает того, что лицо с фатальной необходимостью было вынуждено совершить преступление и что возможность иного поведения для него не существовала. Детерминизм, в смысле диалектического материализма, не исключает «возможности иного действия», если только это понятие будет истолковано правильно. «Детерминизм, — говорил В. И. Ленин, — не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»². А если детерминизм не предполагает фатализма, то тогда делается возможным и оценка человеческого поведения, и возложение ответственности за него. Эта мысль неоднократно подчеркивалась основоположниками марксизма.

«Идея детерминизма, — говорил В. И. Ленин, — устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»³.

Для обоснования ответственности поэтому следует указать, какие именно моменты характерны для детерминированности человеческого поведения, чем именно закономерность человеческой деятельности отличается от всякой иной закономерности.

Если мы обратимся к закономерностям неорганического мира, то увидим, что отношение между причиной и следствием здесь относительно простое: причина непосредственно вызывает изменение во внешнем мире. Поднимаясь выше к органическому миру, закономерность явлений несколько осложняется, так как к физическому, механическому и химическому воздействию одного тела

¹ См., например, Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского университета, Киев, 1955, стр. 160—161; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, Л., 1955, стр. 112—113.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 400.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 142.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 267.

² См. там же.

на другое приходят законы зарождения, развития и гибели организма. Однако и здесь связь между внешним раздражением и ответной реакцией остается сравнительно простой, так как это изменение происходит под влиянием непосредственной ситуации.

То же самое следует сказать и относительно произвольных действий человека. И здесь существующая актуальная потребность непосредственно переходит в телодвижение и момент воли не принимает никакого участия. Лицо не контролирует возникшей потребности, не планирует соответствующего действия для ее удовлетворения и т. п. В этом отношении импульсивные действия человека ничем не отличаются от действий животных: и те, и другие определяются наличной в настоящее время потребностью, которая сейчас же переходит в действие, если только имеется соответствующая ситуация.

Совершенно иной характер носит волевое действие человека, которое сформировалось у него в процессе труда, то есть в процессе практического отношения к природе. Это специфически человеческое действие характеризуется присущим лишь ему моментом сознания и целенаправленности, которые регулируют ход этого действия. Конечно, некоторая активная и планомерная деятельность присуща и миру животных, но эта деятельность основывается не на сознании, а на инстинкте. Именно поэтому «...все планомерные действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это мог сделать только человек»¹. Человек сумел сделать это именно потому, что он наделен сознанием и способностью к целенаправленной, волевой деятельности. Противопоставляя действия животных деятельности человека, К. Маркс пишет: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове»².

Связь между раздражениями, полученными от внешнего мира, и ответной реакцией, выразившейся в волевом действии человека, не непосредственная, а

опосредствуется сознанием. Актуальная потребность, возникающая у человека, не переходит непосредственно в импульс, а человек сначала осознает эту потребность, ставит цель своей деятельности, намечает различные пути для ее осуществления, оценивает эти пути и затем действует в соответствии с результатами этой оценки. Явления внешнего мира оказывают на человека воздействие не непосредственно, а опосредствованно, при помощи представлений, сделавшихся мотивами его поведения. Оценивая эти мотивы, подвергая их обсуждению и сознательному взвешиванию, человек может уклониться от действия одних мотивов и, наоборот, подчинить свою деятельность другим мотивам. Он может подавить в себе одни желания и, наоборот, возбудить другие, хотя бы более отдаленные и не связанные с непосредственным воздействием данной ситуации. Если в импульсивном акте действует сам импульс, приобретающий господствующее значение, то в волевом акте действует субъект, противопоставляющий себя внешнему миру, сознательно и планомерно регулирующий свою деятельность в соответствии с заранее намеченными целями¹. Все это, несомненно, доказывает, что подчиненность человеческой воли закону причинности не лишает лицо возможности действовать иначе, чем оно поступило в данном конкретном случае.

Говоря, что человек может сознательно ставить себе цели и действовать в соответствии с ними, мы этим вовсе не хотим сказать, что эти цели взяты из пустоты, что содержание воли независимо от внешнего мира. Цели субъекта, как и мотивы его деятельности, взяты из внешнего мира и им обусловлены. Но внешний мир раскрывает для человека многочисленные возможности для удовлетворения его потребностей. Субъект не может ставить себе такие цели, которые не даны в окружающем ему мире, он не может выйти за пределы возможностей, открывающихся в природе и обществе в данной пространственно-временной обстановке, но он может сделать выбор между этими разными возможностями. Именно благодаря сознательно контролирующему и избирательному характеру волевого действия, последнее становится «в большей или меньшей степени проявлением личности, выражением ее

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы. Госполитиздат, 1950, стр. 140.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 198.

¹ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, Издательство Тбилисского государственного университета, Тбилиси, 1957, стр. 8—9.

сознательной направленности... Такое действие становится в подлинном смысле слова поступком, в котором человек себя выявляет и которым он устанавливает свое отношение к другим»¹. Эта способность человека к сознательному волевому действию, способность его поступить иначе, чем он поступил в данном, конкретном случае дает основание для возложения на него как нравственной, так и правовой ответственности.

Если лицо не вынуждено с фатальной необходимостью действовать так, как оно действовало в данном конкретном случае, то следовательно оно может обуздать свои низменные инстинкты и побуждения, подчинить себе эгоистические мотивы, влекущие к совершению преступления, и действовать в соответствии с более высокими принципами, в соответствии с требованиями социалистического права и социалистической морали.

В социалистическом государстве созданы все предпосылки — экономического, социального, культурного порядка, — обеспечивающие гражданам реальную возможность сознательно и активно управлять своим поведением и удовлетворять свои все растущие материальные и культурные потребности законными средствами. И потому, если гражданин социалистического государства из многочисленных возможностей удовлетворения этих потребностей выбирает именно преступный путь, то социалистическое государство вполне обоснованно может порицать и осуждать его поступок и налагать наказание на виновного. Однако наказание в социалистическом обществе не является голым актом возмездия. Социалистическое уголовное право с первых же лет своего существования провозгласило, что наказание должно быть целесообразно и не должно причинять преступнику бесполезных страданий и унижать человеческое достоинство. Исходя из идеи целесообразности наказания, социалистическое уголовное право ставит перед наказанием задачи общего и частного предупреждения совершения преступлений. Выполнение указанных задач возможно лишь благодаря тому, что человек обладает способностью действовать сознательно и целеустремленно.

Социалистическое государство, объявляя то или иное деяние преступлением, тем самым оказывает воздействие

¹ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1946, стр. 509.

на граждан. Прежде всего, объявление какого-либо деяния преступлением означает оценку государством этого деяния как общественно-опасного. Уже сам по себе этот факт должен произвести соответствующее влияние на граждан социалистического государства, которые, сознавая опасность деяния для социалистических общественных отношений, должны сообразовать с нормой советского права свои поступки.

В то же время содержащаяся в уголовно-правовой норме угроза наказанием оказывает определенное воздействие как на лиц, стремящихся подорвать основы советского строя, так и на отдельных неустойчивых элементов из среды трудящихся, еще не освободившихся от пережитков тяжелого прошлого, над которыми еще давят эгоистические и безнравственные мотивы и чувства. Угроза наказанием предупреждает врагов народа, что советская власть прибегает к суровым мерам для их решительного подавления, если они осмелятся посягнуть на завоевания социалистического общества, на строительство коммунизма. Угроза наказанием оказывает воспитательное воздействие на неустойчивые элементы из среды трудящихся, разъясняя порицаемый характер противоправного поведения и указывая на нежелательные последствия, связанные с таким поведением.

Такое же значение имеет и применение наказания в отношении преступников, на которых угроза наказанием, указанная в законе, не сумела оказать воздействия. Применяя наказание, советское государство желает воспитать лицо, совершившее преступление, выработать в нем трудовые навыки, бережное отношение к социалистической собственности, уважение к государственному и общественному долгу и к правилам социалистического общежития. В то же время применение наказания к преступнику оказывает воспитательное воздействие и на остальных неустойчивых граждан советского государства, которые убеждаются, что угроза наказанием, указанная в законе, получает реальное осуществление, как только происходит нарушение норм социалистического права.

Эти задачи наказания ясно и четко выражены в советском уголовном законодательстве. Ст. 9 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик указывают, что наказания применяются в целях: а) предупреждения новых

преступлений со стороны лиц, совершивших их; б) воздействия на других неустойчивых членов общества и в) приспособления совершивших преступные действия к условиям общежития государства трудящихся. Если в первом и третьем пункте ст. 9 УК РСФСР изложена задача частного предупреждения преступлений, то в пункте втором имеется в виду задача общего предупреждения. Те же задачи наказания выражены и в Законе о судостроительстве СССР и союзных республик 1938 г. Ст. 3 этого закона, предусматривая, что советское государство, применяя меры уголовного наказания, не только карает преступников, но и ставит целью исправление и перевоспитание их, указывает на задачу предупреждения преступлений. Эта задача выражена во второй части указанной статьи, в которой говорится: «Всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития».

Само собой разумеется, осуществление задач общего и частного предупреждения преступления возможно только потому, что действия человека подчинены закону причинности, причем эта причинность характеризуется особыми, лишь ей свойственными чертами благодаря способности человека к сознательной, целеустремленной деятельности. Именно эта способность и используется государством, которое содержание нормы социалистического права включает в сферу мотивации субъекта. И именно потому можно утверждать, что детерминизм в смысле диалектического материализма не только не означает фатализма, но дает почву для разумного действия, для оценки действий человека и возложения на него ответственности в соответствии с нормами советского права.

§ 3. Вопрос о природе преступной небрежности в советской юридической литературе

Исходя из положений диалектического материализма о совместимости детерминизма со способностью человека действовать иначе, чем он действовал в данном конкретном случае, советские юристы обосновывают уголовную

ответственность за преступную небрежность как с точки зрения целесообразности наказания, так и с точки зрения его справедливости. При этом в советской юридической литературе не вызывает сомнений, что ответственность за преступную небрежность не представляет собой объективного вменения за фактически наступивший общественно-опасный результат, что преступная небрежность тоже содержит в себе определенное психическое отношение к наступившему последствию и, следовательно, является видом вины¹.

Однако, доказывая существование психического отношения лица, действующего с преступной небрежностью, к наступившему общественно-опасному последствию, советские юристы идут различными путями.

Одна часть советских юристов, исследуя природу неосторожной вины, пытается сблизить ее с умыслом. Так, было высказано мнение, что различие между умыслом и неосторожностью имеет не качественный, а количественный характер, а именно, различие состоит лишь в том, что «при неосторожности воля и сознание лица проявляются с меньшей интенсивностью, чем при умысле...»².

Приведенное положение было бы безупречным, если бы отношение к последствию при обеих формах вины характеризовалось различной степенью воления результата и его предвидения. Между тем при неосторожности, в отличие от умысла, вовсе отсутствует воля причинить результат; более того, лицо не предвидит наступления общественно-опасного последствия в данных конкретных условиях. Последний момент особенно ясно выступает при преступной небрежности. Не говоря уже о тех возможных

¹ Несколько иную позицию в этом вопросе занимает проф. М. А. Чельцов, который как будто склоняется к отрицанию момента вины при преступной небрежности. Так, в статье «Спорные вопросы учения о преступлении» проф. М. А. Чельцов писал: «Практически необходимость усиленной охраны особо ценных благ заставляет законодателя признать неосторожную вину как вину уголовно-правовую. Однако существует настолько резкое отличие в условиях ответственности за неосторожную вину (привлечение только при наличии результата!) от привлечения за умышленную вину, что некоторые авторы склонны считать ответственность за неосторожность своеобразным остатком царившей некогда объективной ответственности» («Социалистическая законность» 1947 г. № 4, стр. 9.)

² Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, 1955, Издательство Киевского университета, Киев, 1955, стр. 275.

случаях преступной небрежности, когда лицо не осознает даже поведения, вызвавшего последствия (например, лицо по рассеянности не совершает требуемого и ожидаемого действия и таким путем причиняет последствие или причиняет его произвольным и неосознанным действием), и в других случаях, когда само действие носит волевой характер, нельзя установить к последствию положение и того психического отношения, которое отличалось бы лишь меньшей интенсивностью, то есть меньшим его волением или предвидением, чем при умысле¹. При таких условиях нельзя утверждать, что это различие носит лишь количественный характер, напротив того, оно имеет качественный характер².

Утверждая, что между умыслом и неосторожностью существует лишь количественное различие и что неосторожность содержит моменты сознания и воли, Г. К. Матвеев в то же время не уточнил, в чем выражаются эти моменты при рассматриваемом виде вины. Это делают другие советские авторы, которые стараются обнаружить в преступной небрежности сознательное отношение лица к преступному деянию.

Дальше всех в этом отношении идет цивилист О. С. Иоффе, который приурочивает момент сознания к наступившему общественно-опасному последствию. Исходя из положения, что всякая вина предполагает осознание

¹ Не без основания преступную небрежность именуют «неосознанной неосторожностью». Это вполне согласовано с данными советской психологии. «...действие, — говорит С. Л. Рубинштейн, — называют не сознательным, если не осознано было существенное последствие или результат этого действия, который при данных обстоятельствах закономерно из него вытекает и который можно было предвидеть», цитированное сочинение, стр. 10).

² На этом качественном различии, существующем между умыслом и неосторожностью, основано требование некоторых криминалистов, предлагающих отказаться от термина «неосторожное убийство» и заменить его термином «неосторожное причинение смерти». Такое требование мотивируют тем, что понятие «убийства» непременно предполагает умышленное причинение смерти и не объемлет по своей природе совершенно другого деяния, лишения жизни по неосторожности. В связи с этим проф. М. Д. Шаргородский замечает, что «...под словом «убийца» мы в быту вовсе не понимаем человека, неосторожно лишившего кого-нибудь жизни, а с точки зрения уголовно-политической нецелесообразно применять понятие самого тяжелого преступления против личности к случаям неосторожного деяния» (М. Д. Шаргородский, Преступления против жизни и здоровья. Юриздат, 1948, стр. 38; см. также стр. 194).

причинной связи между действием и наступившим результатом и осознание общественной значимости действия и наступившего результата, О. С. Иоффе пытается доказать существование этих моментов и при преступной небрежности.

Противопоставляя преступную небрежность другим видам вины, О. С. Иоффе отмечает, что при обоих видах умысла и преступной самонадеянности у лица имеется конкретное осознание причинной связи между своим противоправным поступком и наступившим последствием в то время, как при преступной небрежности лицо не предвидит конкретной причинной связи между своим действием и наступившим последствием, но сознает, что последствием, аналогичным тем, которые имели место в действительности, могут наступить в результате его поведения. «Сущность абстрактного предвидения, — замечает О. С. Иоффе, — заключается в общей осведомленности лица о способности совершенных им действий вызвать фактически наступившие последствия»¹. Вместе с тем у лица, действующего с преступной небрежностью, по мнению О. С. Иоффе, имеется и сознание общественной опасности деяния: «...абстрактно осознавая возможность наступления определенных последствий, правонарушитель осознает также их отрицательное значение для общества в целом или для того советского гражданина, охраняемые законом интересы которого могут быть подвергнуты ущемлению»².

Положение О. С. Иоффе о наличии в преступной небрежности сознательного отношения к наступившему общественно-опасному последствию не может быть признано обоснованным. Прежде всего лицо при преступной небрежности может не сознавать даже общей, абстрактной возможности последствия, то есть не иметь «общей осведомленности... о способности совершенных действий вызвать фактически наступившие последствия». Нередко неосторожное преступление совершается лицом именно вследствие того, что оно не позаботилось приобрести соответствующие знания и опыт, дающие возможность предвидеть причинные связи конкретных явлений.

¹ О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 124.

² Там же.

Но даже и в тех случаях, когда лицо вообще располагает достаточными знаниями и опытом для того, чтобы предвидеть наступление вредных последствий, мы имеем дело с преступной небрежностью только тогда, когда эти знания и опыт в момент совершения деяния остались непримененными, когда под влиянием каких-либо причин лицо не осознавало, что его действие способно вызвать преступное последствие, хотя могло и должно было это сознавать. Эти его знания и опыт являются для нас доказательством возможности для лица предвидеть последствие, а не действительного предвидения. Если же лицо в момент совершения действия сознавало, что такого рода действие может вызвать наступление вредного последствия, но надеялось его избежать, то в таком случае мы имеем дело не с преступной небрежностью, а с преступной самонадеянностью.

Не подтверждают точки зрения О. С. Иоффе и примеры, которыми он оперирует для обоснования своих положений.

Всю область преступной небрежности О. С. Иоффе подразделил на две группы. К первой группе он относит случаи, когда лицо в момент действия сознает, что не предпринимает всех мер предосторожности; ко второй — случаи, когда лицо в момент действия считает, что им приняты все требуемые обстоятельства меры предосторожности.

Для иллюстрации первой группы О. С. Иоффе приводит следующий случай из судебной практики: «М., помощник машиниста паровозного депо, производил замер нефти в баке, пользуясь освещением керосиновой коптилки. От происшедшего вследствие этого взрыва М. получил увечье. Верховный Суд усмотрел преступную небрежность в действиях администрации, допустившей освещение замера нефти керосиновой коптилкой»¹.

В действиях администрации О. С. Иоффе усматривает не преступную самонадеянность, а преступную небрежность. В основе своего взгляда О. С. Иоффе кладет следующие соображения: при самонадеянности лицо рассчитывает предотвратить последствия своими собственными силами. Такой расчет на собственные силы может иметь место лишь тогда, когда лицо представляет себе конкрет-

ное развитие причинной связи между своим поступком и наступившим вредом. В данном случае конкретного предвидения причинной связи не было: «Предоставляя же своим работникам для освещения замера нефти керосиновые коптилки, администрация паровозного депо не предвидела и не могла предвидеть, что именно М. потерпит увечье. Несчастный случай мог произойти не с М., а с кем-либо другим или даже и вовсе не произойти»¹. Ввиду того, что у администрации имелось общее, абстрактное предвидение вреда, О. С. Иоффе считает, что в действиях администрации имеется преступная небрежность.

С рассуждениями О. С. Иоффе вряд ли можно согласиться. Прежде всего, как нами уже отмечалось, лицо, действующее с преступной самонадеянностью, ошибочно представляет себе именно конкретное течение причинной связи, так как необоснованно рассчитывает на определенные силы, которые, по его мнению, воспрепятствуют наступлению вреда.

Далее, само предвидение конкретной причинной связи, которое в действительности характерно только для умысла, О. С. Иоффе понимает слишком ограниченно. Как указывается в Учебнике по уголовному праву ВИЮН, «для наличия умысла достаточно, чтобы предвидение развития причинной связи имелось лишь в общих родовых чертах»². Для умысла не требуется также, чтобы лицо предвидело причинение вреда именно определенному конкретному человеку, а достаточно предвидеть, что действие может причинить вред человеку вообще. Далее для умысла не требуется и предвидение того, что этот вред наступит с необходимостью, а достаточно предвидения возможности осуществления вреда³. Поэтому соображения О. С. Иоффе об отсутствии конкретного предвидения причинной связи, ввиду невозможности заранее предусмотреть, что несчастный случай произойдет именно с М., лишены основания.

В приведенном казусе администрация не имела конкретного предвидения наступившего вреда совсем по другим основаниям: администрация, очевидно, рассчитывала на какое-либо обстоятельство, способное предотвратить

¹ О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, 1955, стр. 121—122.

¹ О. С. Иоффе, цитированное сочинение, стр. 122.

² Советское уголовное право. Часть общая, Госюриздат, 1952, стр. 229.

³ Там же, стр. 228—229.

наступление вреда. Если бы у администрации не было такого расчета, то в действиях администрации пришлось бы признать не неосторожность, а эвентуальный умысел.

По указанным соображениям в действиях администрации следует признать не небрежность, а самонадеянность: администрация, по-видимому, предвидела, что вообще от несоблюдения такого рода мер предосторожности мог произойти несчастный случай, но легкомысленно рассчитывала на какие-либо обстоятельства, которые воспрепятствуют его наступлению. Признанию самонадеянности не препятствует и то, что администрация, по-видимому, рассчитывала не на собственные силы, а на какие-либо другие обстоятельства (ловкость и опытность самих рабочих и т. п.). Допуская существование самонадеянности лишь в тех случаях, когда лицо рассчитывает избежать вред собственными силами, О. С. Иоффе неосновательно суживает объем этого понятия.

Ко второй группе деликтов, совершаемых с небрежностью, О. С. Иоффе относит случаи, когда лицо не осознает, что нарушает правила предосторожности. И в этих случаях, по мнению О. С. Иоффе, имеется абстрактное предвидение вреда. Для иллюстрации этой группы О. С. Иоффе приводит следующий случай из судебной практики. При удалении камня из мочеочечника и мочевого пузыря гражданке Л. врач по рассеянности оставил в организме тампон, который вызвал болезненные явления и необходимость повторной операции. Врач принял все те меры предосторожности, которые он считал необходимыми, однако особенности указанной операции требовали проведения еще некоторых дополнительных мер.

Обсуждая указанный случай, О. С. Иоффе пишет: «Следовательно, хотя здесь и отсутствовало конкретное предвидение, поскольку у врача не было оснований предполагать оставление тампона, но имелось предвидение абстрактное, обусловленное осознанием того факта, что объективная ситуация случая не подверглась достаточному изучению, а потому и не был с полным знанием дела решен вопрос об объеме и характере необходимых мер предосторожности»¹.

С признанием момента предвидения (хотя бы абстрактного) в действиях врача мы не можем согласиться.

¹ О. С. Иоффе, цитированное сочинение, стр. 123.

Если врач в момент операции считал, что им выполнены все меры предосторожности, необходимые для правильного проведения операции, то он не осознавал и того, что оценивает данную, конкретную ситуацию не с достаточным знанием дела; в таком случае у врача нет никакого — ни конкретного, ни абстрактного предвидения наступления вреда. Там, где О. С. Иоффе видит абстрактное предвидение результата, на самом деле имеет место возможность предвидения результата; но эта возможность не была реализована вследствие не проявления лицом той заботливости и осмотрительности, которая от него в данных условиях ожидалась и требовалась.

Иначе обосновывает наличие момента сознания при преступной небрежности проф. Б. С. Утевский. Если О. С. Иоффе пытался доказать существование сознательного отношения к общественно-опасному последствию, то проф. Б. С. Утевский приурочивает наличие сознания к более раннему моменту, а именно — к моменту нарушения мер предосторожности.

Устанавливая сущность вины при преступной небрежности, проф. Б. С. Утевский пытается обнаружить в ней моменты, общие с умыслом и преступной самонадеянностью. Эти общие моменты проф. Б. С. Утевский видит в том, что при преступной небрежности имеется определенное отношение сознания и воли лица к совершенному им действию. И здесь возникает определенная потребность, которая принимает форму осознанного желания, и здесь происходит борьба мотивов, завершающаяся решимостью совершить определенное действие¹.

Рассуждения проф. Б. С. Утевского о наличии определенного психического процесса при действии, совершенном с преступной небрежностью, сами по себе правильны. Но они не указывают на какие-либо специфические особенности виновного деяния, а лишь на особенности, присущие всякому волевому акту человеческой деятельности, независимо от того, является ли он виновным или нет. И случайно причиненный вред может явиться результатом волевого действия человека, которое всегда характеризуется моментом сознания и воли, направленной на осуществление какой-либо цели. Приведенные проф. Б. С. Утевским сооб-

¹ См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 279.

ражения свидетельствуют лишь о том, что неосторожное, как и умышленное действие, является волевым поступком человека, что по общему правилу уголовная ответственность связывается с волевым действием. Однако, как правильно замечает проф. Н. Д. Дурманов, «само признание преступлением только сознательного, волевого акта человеческого поведения ни в какой мере не предрешает вопроса о виновности, как и о форме вины»¹.

Понятно, поэтому, что проф. Б. С. Утевский не ограничился приведенными соображениями для доказательства в преступной небрежности моментов сознания и воли. Он идет еще дальше и утверждает, что у лица, действующего с преступной небрежностью, можно обнаружить «известную деятельность сознания и воли, проявляющуюся в сознательно беспечном отношении к чужим интересам, в нежелании задуматься над своими поступками, предусмотреть их возможные или неизбежные последствия»². Лицо, по мнению проф. Б. С. Утевского, сознательно пренебрегает установленными правилами предосторожности. «Виновный в небрежности настолько пренебрегает существующими и обязательными для каждого действующего в определенных условиях правилами поведения, что он не считает нужным задуматься над последствиями своих действий»³.

С таким пониманием психического процесса при преступной небрежности вряд ли можно согласиться. Конечно, могут быть случаи, когда лицо, сознавая, что нарушает правило предосторожности, в то же время не представляет возможности наступления конкретного общественно-опасного последствия. Однако, осознание нарушения мер предосторожности вовсе не обязательно для преступной небрежности. Оно характерно для преступной самонадеянности. Что же касается преступной небрежности, то она

¹ Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1948, стр. 39.

² Б. С. Утевский, цитированное сочинение, стр. 280.

³ Там же, стр. 279. Аналогично обосновывает момент вины при преступной небрежности А. С. Никифоров: «Особенностью психического процесса при небрежности, — пишет он, — является то, что сознание и воля лица проявляются в сознательно-волевым пренебрежением своим долгом быть внимательным, осмотрительным и т. д.» (А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, Ученые записки ВЮН, вып. I, Госюриздат, 1955, стр. 150).

в большинстве случаев не сопровождается «сознательным пренебрежением» или «сознательно-небрежным» отношением к нормам предосторожности. О каком сознательном пренебрежении может идти речь в тех случаях, например, когда лицо по рассеянности или забывчивости не соблюдает правил предосторожности, вследствие чего наступает преступный результат!

Нельзя согласиться также с утверждением проф. Б. С. Утевского, что лицо, действующее с преступной небрежностью, проявляет нежелание задуматься над своими поступками, нежелание предусмотреть их последствия¹. Понятие желания обязательно связывается с определенным предметом, на который оно направлено. Если «желание — это определенное стремление» к чему-либо, то нежеланием очевидно будет тоже определенное стремление уклониться от чего-либо. Поэтому оно с необходимостью предполагает точное осознание того предмета, от которого субъект желает уклониться. При преступной небрежности мы не можем обнаружить такого ясно осознанного нежелания быть предусмотрительным и заботливым. Внимание здесь не сконцентрировано, а, наоборот, удалено от объекта, которому именно вследствие отсутствия внимания, требуемого при данных обстоятельствах, и наносится ущерб. В преступной небрежности отсутствует активное отношение субъекта к последствию своего действия. Наоборот, мы здесь имеем дело скорее с пассивным состоянием психики субъекта, который не *желает* задумываться, а *упускает* имеющуюся у него возможность задуматься над своим поступком и его последствиями.

Основной недостаток рассмотренного взгляда заключается в том, что он отождествляет два различных положения, из которых одно является правильным, а другое неверным. Положение, что при небрежности непредвидение наступления общественно-опасных последствий зависит от психического состояния лица, от отсутствия должной воленарправленности, смешивается с неверным положением, что при небрежности лицо сознательно пренебрегает своим долгом, по собственной воле не напрягает в надлежащей мере своих сил и способностей, в результате чего наступает вредное последствие. Таким образом,

¹ См. Б. С. Утевский, цитированное сочинение, стр. 279, 280.

возможность предвидения субъектом последствия, возможность другого волеосуществления вовсе не означает того, что лицо осознает свою небрежность и намеренно ведет себя не должным образом.

Поэтому следует признать более правильной точку зрения тех советских криминалистов, которые, отказываясь найти момент сознательного и активного психического отношения при преступной небрежности, видят сущность этого вида вины в возможности предусмотреть преступное последствие и избежать его. Однако самое понятие возможности предвидения отдельными криминалистами обосновывается различно.

Так, Т. Л. Сергеева пытается обосновать возможность для данного лица иметь представление об общественно-опасном последствии при помощи положений диалектического материализма о сущности процесса познания. Приведя цитаты из Анти-Дюринга Ф. Энгельса по поводу того, что «...человеческое мышление... суверенно и неограниченно по своей природе (или устройству, Anlage), призванию, возможности исторической конечной цели», но в то же время оно несуверенно и ограничено «...по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности», Т. Л. Сергеева считает, что эти положения имеют важное значение для уголовного права. «Из них, — говорит Т. Л. Сергеева, — вытекает, что в принципе каждый вменяемый человек обладает абсолютной возможностью как сознавать характер своей деятельности, так и предвидеть те последствия, которые являются или объективно могут явиться результатом его деятельности»¹. Однако, по мнению Т. Л. Сергеевой, эта «абсолютная» возможность предвидения вредных последствий при совершении конкретного действия может быть фактически ограничена или в силу объективных моментов, или в силу субъективных свойств данного лица². В последнем случае, то есть при ограничении возможности предвидения, уголовная ответственность за наступивший общественно-опасный результат отпадает. Если же не было ни объективных, ни субъективных обстоятельств, ограничивающих «абсолютную» возможность предвидения, то лицо несет ответственность (при наличии долженствования предвидения).

¹ Т. Л. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право» 1947 г. № 4, стр. 22.

² См. Т. Л. Сергеева, цитированная статья, стр. 22—25.

Необходимо отметить, что приведенные Т. Л. Сергеевой цитаты из Анти-Дюринга Ф. Энгельса не имеют никакого отношения к рассматриваемому ею вопросу. Они касаются вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины, о полноте наших знаний, о познании как процессе. Говоря о суверенности и неограниченности человеческого мышления, Ф. Энгельс имеет в виду не мышление отдельного единичного человека и даже не мышление отдельной эпохи, а «обобщаемое в моем представлении мышление всех этих людей, включая и будущих...»¹. Однако это абсолютное и суверенное мышление осуществляется отдельными людьми, которые мыслят всегда ограниченно и несуверенно. Ф. Энгельс указывал, что мы здесь имеем «противоречие между характером человеческого мышления, представляющимся нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен»².

Из этих высказываний совершенно ясно, что ни о какой параллели между абсолютным и ограниченным мышлением, с одной стороны, между возможностью предвидения данным лицом преступного результата своей деятельности и его невозможностью, с другой стороны, не может идти речь.

Утверждение Т. Л. Сергеевой, что в принципе каждый вменяемый человек обладает абсолютной возможностью предвидеть последствия своей деятельности, противоречит положению Ф. Энгельса о неизбежной ограниченности знаний отдельной человеческой личности.

Но если даже понимать абсолютную возможность предвидения как присущую каждому вменяемому человеку способность действовать, представляя последствия своей деятельности, то есть поступать сознательно, то и такое понимание «абсолютной возможности предвидения» ничего не дает для обоснования ответственности за преступную небрежность. Указанное положение в лучшем случае высказывает для всех бесспорную истину, что уго-

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 81.

² Там же.

ловная ответственность может устанавливаться лишь за поведение человека, который наделен сознанием и волей.

Точка зрения Т. Л. Сергеевой может толковать практику на неправильный путь при установлении ответственности за неосторожность. Предполагая у каждого человека возможность предвидения всех объективных последствий своей деятельности, следовало бы прийти к презумпции вины каждого человека за причиненное им последствие. Не обвинитель должен был бы доказывать существование возможности предвидения у лица общественно-опасных последствий его поступка, а обвиняемый должен был бы доказать, что эта его абсолютная возможность предвидения была ограничена объективными или субъективными причинами.

§ 4. Вина при преступной небрежности

При определении общего понятия вины нами было установлено, что вина — это психическое отношение лица к общественно-опасному деянию, оцениваемое социалистической нравственностью и социалистическим правом как порицаемое и осуждаемое. Следовательно, для того чтобы обосновать в понятии преступной небрежности момент вины, необходимо указать на наличие в ней психического отношения к общественно-опасному деянию, которое заслуживает неодобрительной морально-правовой оценки.

Установление психического отношения к общественно-опасному последствию при преступной небрежности представляет известные затруднения благодаря тому, что при ней у лица отсутствует всякое предвидение наступления такого последствия. Этой особенностью преступная небрежность отличается как от умысла, так и от другого вида неосторожности — преступной самонадеянности. Наоборот, тот же признак является общим для преступной небрежности и невиновного причинения вреда, то есть случая. Вследствие этого установление вины при преступной небрежности приобретает особенно важное значение: оно должно не только определить границу, которая проходит между преступной небрежностью и случаем, но вообще отграничить всю область виновного поведения от невиновного.

Поскольку отсутствие предвидения общественно-опасного последствия характеризует как преступную небреж-

ность, так и случай, ясно, что не в этом моменте следует искать основание ответственности при преступной небрежности¹.

В предыдущем параграфе нами было установлено, что предпосылкой уголовного вменения является возможность человека действовать иначе, чем он действовал в данном конкретном случае. Эта общая предпосылка правового и нравственного вменения получает свою конкретизацию при вменении поступков, совершенных с преступной небрежностью. Здесь она выражается в возможности лица воздействовать на течение собственных представлений, в частности, напрячь свои силы в сторону предвидения общественно-опасного последствия своей деятельности и отклонить это последствие. При случайном причинении вредного последствия отсутствует возможность предусмотреть последствие, в отличие от преступной небрежности. И именно наличие у лица реальной возможности предусмотреть и отклонить наступление вредного последствия позволяет отнести преступную небрежность к видам вины.

Эта точка зрения получила отражение в советской юридической литературе. Кроме Т. Л. Сергеевой, ее защищают проф. А. А. Пионтковский², проф. Б. С. Маньковский³, В. Ф. Кириченко⁴, В. Г. Макашвили⁵.

Конечно, реальная возможность предвидения не есть еще действительное предвидение, так как возможность не означает действительности. Но возможность не есть пустота, а означает наличие уже в реальной действительности условий, которые могут привести к осуществле-

¹ В связи с этим следует признать неточным высказывание Б. С. Утевского, что «В отсутствии предвидения и лежит основание для уголовно-правового упрека при небрежности», (Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, М., 1950, стр. 279).

² См. Уголовное право. Общая часть. ВИЮН, Юриздат Министерства юстиции СССР, М., 1948, стр. 345; см. также издание этого учебника 1952 г., стр. 236—237.

³ См. Б. С. Маньковский. Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М — Л., 1949, стр. 61—62.

⁴ См. В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву. Издательство Академии наук СССР, М., 1952, стр. 28.

⁵ В. Г. Макашвили, Вина и сознание противоправности, Методические материалы ВЮЗИ, 1948, стр. 91; см. также «Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве» («Советское государство и право») 1952 г. № 1, стр. 42—44).

нию определенного события. Поэтому реальная возможность предвидения лицом последствия своей деятельности не есть нуль в психической сфере индивида, она не является ни пустой абстракцией, ни плодом нашего субъективного измышления. Она означает, что в психике лица уже в момент совершения действия (или бездействия) существовали реальные предпосылки для ее осуществления. Лицо обладало достаточными знаниями в той области, деятельность в которой оно осуществляло, достаточным опытом, накопленным в предыдущей работе, и т. п. «Потенциальные возможности личности, — пишет Б. С. Маньковский, — весьма значительны. Она при определенных условиях, относясь с должным вниманием к выполнению своих обязанностей, может предотвратить наступление преступного результата»¹. И если лицо не превратило этой возможности в действительность, если оно не предвидело наступления общественно-опасных последствий своего поступка, то это объясняется тем, что оно не применило своих внутренних сил, не проявило волевого напряжения для правильной оценки создавшейся ситуации. Все это дает нам основание утверждать о наличии потенциального психического отношения к наступившему последствию при преступной небрежности.

В то же время эта непредусмотрительность и невнимательность, означая отсутствие должной воленаравленности, позволяет установить упречный характер волевого акта лица, действующего с преступной небрежностью. Вообще об упречном характере волевого акта можно говорить не только тогда, когда лицо сознательно принимает несоответствующее требованиям права волевое решение, но и тогда, когда оно по невнимательности не принимает правильного решения.

В основе таких понятий, как внимательность, осмотрительность, предусмотрительность, лежит способность человека принимать волевые решения не опротячиво, а обдуманно, путем взвешивания конкретной ситуации и с учетом тех последствий, которые может вызвать данная деятельность. Это подтверждается и наблюдением над фактами повседневной жизни. Кто не был свидетелем того явления, что при равнодушном и пассивном отношении к

предмету воспоминания он может вовсе не восстановиться в памяти, и, напротив, забытое всплывет на поверхность сознания после того, как применено известное усилие к процессу воспоминания. Или же кто не наблюдал, как при беспечном отношении к предмету изучения можно затратить огромное количество времени и не добиться никаких результатов, в то время, как при сознательном напряжении внимания тот же предмет может быть изучен в самый короткий срок.

Из сказанного последовательно вытекает, что непредвидение, неосознание определенных явлений имеет свое основание в психической установке индивида, вызывается определенными внутренними причинами. Какой же психической установкой обусловлено непредвидение общественно-опасного последствия лицом, действующим с преступной небрежностью?

Советские психологи указывают, что «Неосознание (или неадекватное осознание) именно данного влечения, чувства, поступка и т. д. обусловлено обычно тем, что его осознанию противодействуют динамические тенденции, силы, исходящие из того, что оказывается значимым для индивида, включая нормы идеологии и общественные оценки, которыми руководствуется индивид. Заключенные в переживаниях тенденции, зависящие от того, что оказывается значимым для личности, контролируют таким образом в той или иной мере избирательный процесс их осознания»¹.

Приведенное положение имеет значение и для решения проблемы неосознанной неосторожности. Общественно-опасное последствие не включилось «в избирательный процесс осознания» именно потому, что лицо не с достаточной заботливостью относилось к объектам, с которыми соприкасалось и которым его поведением могла быть создана опасность. Лицо, по невнимательности и небрежности которого был нанесен вред социалистической собственности, относится не с достаточной бережливостью к народному добру; лицо, вследствие оплошности которого нанесен вред здоровью человека, недостаточно внимательно относится к человеческой личности и т. п. Иногда представление об общественно-опасном последствии не возни-

¹ Б. С. Маньковский, цитированное сочинение, стр. 61.

¹ С. Л. Рубинштейн, Основы общей психологии, Государственное учебно-педагогическое издательство, 1946, стр. 11.

кает у лица вследствие легкомысленного отношения к правилам предосторожности, установленным советским правом порядком, следовательно, к самому правопорядку. Если бы эти объекты представляли для лица высокую значимость или если бы эти меры предосторожности лицо оценивало надлежащим образом, то в момент совершения действия или бездействия, создающего опасность для определенных объектов, охраняемых социалистическим государством, представление об опасности обязательно всплыло бы на поверхность сознания и предотвратило наступление вреда. Таким образом, как правильно замечает немецкий криминалист И. Лекшас, «всякое неосторожное поведение имеет свои идеологические корни, которые должен выявить судья...»¹.

Наказание такого лица получает оправдание с точки зрения целей общего и частного предупреждения. «Основания ответственности при неосторожном совершении преступления, — говорит А. А. Герцензон, — лежат в необходимости и возможности наказанием стимулировать должную осмотрительность поведения людей и соответствующим образом воздействовать на тех людей, которые благодаря своей неосмотрительности, небрежной деятельности обусловили наступление общественно-опасных последствий»².

И в самом деле. Задача общего предупреждения преступлений может быть выполнена не только борьбой с активно восстающей против правопорядка волей, но и борьбой с пассивным состоянием психики, выражающимся в небрежном, невнимательном отношении к интересам, охраняемым социалистическим правом порядком. Угроза наказанием за неосторожный поступок является предупреждением, заставляющим людей заботливо и осторожно относиться к наиболее ценным объектам и не создавать опасности их повреждения. Применение наказания к преступнику, причинившему общественно-опасное последствие по небрежности, убеждает граждан в том, что угроза наказанием за неосторожность не является пустой, а имеет реальный характер. Кроме того, наказание ставит задачу оказать воздействие на самого преступника,

не проявившего должной заботливости и предусмотрительности. Применение наказания за неосторожное действие создает у лица мотивы к правильному поведению в будущем. Человек, до которого раньше некоторые мотивы вовсе не доходили, получает памятку, которая в дальнейшем заставит его более внимательно и заботливо относиться к выполнению своих обязанностей, напрягать свои способности, дабы избежать повторения аналогичных промахов. Всякая воспитательная работа осуществляется вообще путем привития определенных мотивов к правильному поведению. И в этом смысле наказание за неосторожность использует указанный метод воспитательного воздействия.

Буржуазные криминалисты-детерминисты, отрицающие способность человека действовать иначе и, следовательно, способность человека воздействовать на течение собственных представлений, с логической последовательностью должны прийти к выводу о невозможности воздействовать и на чужие представления, на психику других лиц. Ибо в основании обоих процессов лежит одно и то же свойство психической мотивации: подчинение воли и поведения сознательно поставленным целям. Ведь по существу нет разницы в характере процесса воздействия в тех случаях, когда лицо ставит цели самому себе или когда эти цели ставятся ему извне. При принятии иного взгляда должен потерять всякое значение не только вопрос о самовоспитании, но и о воспитании других лиц. Именно это свойство человека действовать в соответствии с сознательно поставленными целями кладется в основание карательного воздействия на лиц, совершивших преступление по небрежности.

Таким образом, с точки зрения диалектического материализма не только устанавливается момент вины при преступной небрежности, но и обосновывается как справедливость, так и целесообразность наказания за этот вид неосторожности.

¹ J. Leksachas, Die Schuld als subjektive Seite der Verbrechen Handlung, Berlin, 1955, S. 46.

² А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть общая, ВЮА, 1948, стр. 334.

Глава третья

КРИТЕРИИ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЫ

§ 1. Вопрос об объективном и субъективном критериях неосторожности

С вопросом об обосновании вины при неосторожности тесно связан вопрос о том, какую степень заботливости и предусмотрительности должно проявить лицо, чтобы его поведение не было признано виновным и, наоборот, не проявление какой степени заботливости и предусмотрительности позволяет ставить вопрос об ответственности за неосторожность. Выяснение этого вопроса имеет значение как для преступной небрежности, так и для преступной самонадеянности, так как и в этом последнем случае лицо не проявляет той предусмотрительности и заботливости, которые от него в данный момент ожидалось, и потому причиняет общественно-опасное последствие.

Предусмотрительность и заботливость имеют множество степеней, и не существует внешних, точно распознаваемых признаков, по которым можно было бы установить их градацию. Одно и то же поведение человеку легкомысленному и беспечному может показаться совершенным с соблюдением максимума внимания, в то время как человеку осторожному, который подвергает тщательной и всесторонней оценке сложившуюся конкретную обстановку и благодаря этому способен предвидеть отдаленные последствия своего поступка, может показаться опасным и непредусмотрительным. Поэтому существует настоятельная потребность установить ясные критерии, дающие возможность суду в каждом отдельном случае измерить степень требуемой предусмотрительности, с нарушением

которой в случае наступления общественно-опасных последствий связано наказание лица.

В буржуазной уголовно-правовой литературе существуют разногласия по вопросу о критериях неосторожной вины. Мнения буржуазных криминалистов в основном группируются вокруг объективного или субъективного критерия неосторожности.

Само собой разумеется, те буржуазные криминалисты-детерминисты, которые строят понятия вины и ответственности при помощи обобщающего начала, с логической последовательностью должны прийти к объективному, обобщающему критерию неосторожности. Так и поступают буржуазные криминалисты Г. Колоколов¹, П. П. Пусторослев², М. Липман³, Х. Манхейм⁴, Э. Кольрауш⁵ (de lege lata; de lege ferenda, как мы видели, Кольрауш требовал изгнания преступной небрежности из области виновной ответственности). Кроме указанных криминалистов, «обобщающий масштаб» обосновывали, исходя из иных соображений, и другие буржуазные криминалисты, например, А. Миржичка⁶.

Согласно этой точке зрения, при определении требуемой предусмотрительности и заботливости следует абстрагироваться от индивидуальных свойств данного лица. Уголовная ответственность за неумышленно причиненный вред должна основываться на «средней мере» предусмотрительности, которая складывается в результате накопленного жизненного опыта и характеризует возможности «среднего» «нормального» человека общества. Этот «средний масштаб», по мнению его сторонников, соответствует объективирующей тенденции права, для которого, в противоположность этике, характерна именно всеохватывающая единая точка зрения, основанная на нивелировке

¹ См. Г. Колоколов, К учению о покушении, Москва, 1884, стр. 214.

² См. П. П. Пусторослев, Русское уголовное право. Общая часть. Юрьев, 1912, стр. 332, 333.

³ См. M. Lierman, Einleitung in das Strafrecht, Berlin, 1900, S. 143—148.

⁴ См. H. Mannheim, Der Masstab der Fahrlässigkeit im Strafrecht, Breslau, 1912, S. 42—50.

⁵ См. E. Kohlgusch, Die Schuld. "Die Reform des Reichsstrafgesetzbuchs", Berlin, 1910 S. 212.

⁶ См. A. Miřička, Die Formen der Strafschuld und ihre gesetzliche Regelung, Tübingen, 1907, S. 168—173.

конкретных общественных отношений. «Стремление правового идеала, — заявляет М. Липман, — достигнуть объективно-значимых масштабов, отвлекаясь от всякого рода субъективных возможностей. Вот почему право в отношении возможного соблюдения законов со стороны граждан исходит из понятия однородной массы с одинаковыми свойствами»¹.

Пользование «объективным масштабом», независимо от поправок, вносимых отдельными буржуазными криминалистами², практически приводит к следующим выводам: если судья при обсуждении поступка лица придет к выводу, что «средний человек» в аналогичных условиях мог бы предусмотреть наступившее вредное последствие, то ответственность лица, обвиняемого в неосторожности, обоснована, хотя бы даже данное лицо в соответствии со своими личными свойствами и не могло это сделать. Ибо «право не может как угодливая служанка сообразоваться с потребностями и склонностями этой индивидуальности»³. Напротив, если предвидение вредного последствия для среднего человека было невозможно, то обвиняемый освобождается от уголовной ответственности, хотя бы он вследствие своей, выходящей за пределы обычного, сверхнормальной предусмотрительности и проницательности имел возможность предвидеть преступный результат и избежать его.

Критерий «среднего человека» имеет широкое применение в англо-американском праве. Английские и американские суды охотно прибегают к этому критерию при обосновании и гражданской, и уголовной ответственности. Ученые юристы призывают судебную практику неуклонно руководствоваться доктриной «среднего человека». «Судьи и присяжные, — пишет английский юрист Поллок, —

¹ М. Liermann, Einleitung, S. 144.

² Среди сторонников «объективного масштаба» в буржуазной литературе нет единодушия. Одни предлагают при определении пределов должной предусмотрительности учитывать лишь внешние конкретные обстоятельства, при которых совершалось деяние, другие идут дальше и считают необходимым проводить различие между духовными и физическими свойствами лица. В то же время, как от духовных свойств данного лица, по их мнению, следует абстрагироваться, напротив, его физические свойства следует принимать во внимание. (Обзор этих взглядов см. Н. Mannheim, Der Masstab der Fahrlässigkeit im Strafrecht, Breslau, 1912, S. 5—10).

³ М. Liermann, Einleitung in das Strafrecht, Berlin, 1900, S. 146.

должны сосредоточить свое внимание не на том, о чем думал и о чем не думал, чего ожидал и чего не ожидал стоящий перед судом субъект, но только на вопросе о том, соответствовало ли или не соответствовало его поведение нашим представлениям о том, как вел бы себя при этих обстоятельствах разумный человек»¹.

Таким образом, на место живого человека со всей полнотой его физических и психических свойств ставится абстрактная фигура «среднего человека», и на основании отвлеченного представления о возможности последнего решается вопрос о том, мог ли данный конкретный обвиняемый предусмотреть наступление преступного последствия и избежать его. Претенциозная формула «ты должен, значит ты можешь» становится выразительницей сущности этой теории.

Следует отметить, что отвлеченная фигура «среднего человека», к которой прибегают буржуазные криминалисты при обосновании ответственности за неосторожность, не является их изобретением. Эта искусственная абстракция имеет многовековую историю. Еще римские юристы при решении вопросов гражданской ответственности прибегали к «среднему масштабу». Так, они исходили из «благоразумия обыкновенного человека», принимали во внимание «обычную рассудительность и внимательность» и т. п. Наибольшее распространение в то время получила формула — *diligentia pater familias* («благоразумие рачительного отца семейства»). Эту образную формулировку заимствовали и старые европейские кодексы — французский — («bon père de famille»), немецкий — («ordentlicher aufmerksamer Hausvater»).

Социальную сущность приведенных формулировок трудно понять. В качестве образца должного поведения предлагается поведение «главы семьи», «добропорядочного отца семейства», то есть хозяина-собственника, который действует в интересах укрепления и дальнейшего роста своей собственности.

Глубокие классовые корни указанного критерия дали ему возможность быстро проникнуть сперва в буржуазное гражданское право, а затем и в другие области буржуазного права, в частности, в уголовное, а также в процессу-

¹ Цитировано по вступительной статье Б. С. Никифорова к переводу книги К. Кенни, Основы уголовного права, Издательство иностранной литературы, М., 1949, стр. XXIX—XXX.

альное право. Освобожденный от «патриархальных» покровов римского права, он выступает здесь в несколько иной внешней оболочке, но сущность от этого не меняется. И хотя буржуазные юристы разрабатывают и уточняют критерий «среднего», «благоразумного человека», приспособляя его к потребностям отдельных областей буржуазного права, этот критерий является универсальным принципом всего буржуазного права.

Предлагаемый критерий «среднего человека», который отражает стремление подводить граждан под один общий уровень, по мнению буржуазных юристов, призван служить средством для осуществления «общечеловеческой» справедливости. Оказывается, законодатель, создавая нормы права, исходит из возможностей «среднего человека»; этим же критерием должен руководствоваться и судья, отправляющий правосудие, при установлении гражданской и уголовной ответственности, при оценке доказательств и т. д. Только таким путем, утверждают буржуазные юристы, может быть достигнуто торжество «всеобщей» справедливости.

Но каким образом может быть выведена эта «средняя мерка», на чем должно основываться указанное обобщение? На эти вопросы буржуазные юристы не дают ясного ответа. Одно очевидно: в обществе, раздираемом непримиримыми противоречиями, отсутствует реальная основа для существования подобной абстракции. Пресловутый «средний человек» буржуазного общества есть не кто иной, как тип обычного представителя эксплуататорского класса — с его взглядами, вкусами и возможностями; это тип «делового человека», активного участника буржуазного гражданского оборота. Таково действительное содержание понятия «среднего человека», которое иногда получает косвенное признание в работах немецких криминалистов, когда они для определения должной меры предусмотрительности предлагают пользоваться формулой § 276 Германского Гражданского Уложения, то есть той «мерой заботливости, которая требуется в гражданском обороте»¹.

При создании искусственного понятия «среднего человека» буржуазного общества не принимаются и не могут

¹ M. Liepmann, *Einleitung in das Strafrecht*, Berlin, S. 147; R. Hippel, *Vorsatz, Fahrlässigkeit, Irrtum*, «Vergleichende Darstellung des Deutschen und ausländischen Strafrechts», Allg. Teil, B. III, 1908, Berlin, S. 569, N. 2.

приниматься во внимание совершенно противоположные, совершенно иные интересы, устремления и возможности эксплуатируемой массы населения. Они, естественно, сбрасываются со счетов. Этого не могут не понимать буржуазные ученые, и все же они всячески стремятся создать впечатление, что «средний» масштаб является объективным масштабом, что он какая-то равнодействующая, среднеарифметическая величина, при образовании которой учитываются «общие» свойства, присущие всем слоям населения, независимо от их классовой принадлежности.

В таком подходе имеется определенный смысл. Исходя из «средней предусмотрительности» при обосновании ответственности за неосторожность, буржуазные криминалисты пытаются придать классовому правосудию видимость аполитичного, бесстрастного и нелицеприятного правосудия.

Однако порочность предлагаемого критерия не только в том, что его действительный социально-политический смысл иной, а не тот, который хотя и придать ему буржуазные криминалисты. В этом отношении критерий «среднего человека» выражает общие тенденции буржуазной правовой идеологии и потому мало чем отличается от любого другого принципа и понятия буржуазного уголовного права. Существенный порок «объективного, среднего» критерия заключается в том, что при его применении игнорируются субъективные возможности лица, обвиняемого в неосторожности, и вина последнего обосновывается, исходя из отвлеченного представления о предусмотрительности и заботливости, которыми якобы наделен пресловутый «средний человек» буржуазного общества. В результате конкретная вина открыто заменяется абстрактной, и тем самым подрывается начало индивидуальной ответственности.

Приведенная теория, которая открыто отказывается от этического оправдания уголовной ответственности и пытается обосновать объективное вменение причинного преступного последствия, характерна для буржуазного уголовного права эпохи империализма. Она отражает процесс ломки принципов буржуазной законности, открывая возможность широчайшего применения репрессии, продиктованной интересами господствующего класса.

Попытка построения понятий «вины» и ответственности при помощи обобщающего начала вызвала противодей-

ствие со стороны другой части буржуазных криминалистов. Формула «ты должен, значит ты можешь», из которой исходят сторонники «объективного масштаба», по мнению ее противников, не должна иметь места при уголовном вменении. Как метко замечает М. Е. Майер, эта формула безупречна с педагогической точки зрения, но неприемлема для обоснования уголовной ответственности¹.

Поэтому менее реакционно настроенные буржуазные криминалисты, желающие оставаться в рамках буржуазной законности и справедливости или во всяком случае не склонные открыто и резко порывать с принципом индивидуальной ответственности, предлагают учитывать субъективные свойства лица, его психическое состояние и конкретную внешнюю обстановку в момент совершения поступка. Сторонники этой точки зрения считают необходимым вникнуть в особенности каждого единичного случая. Субъективная возможность данного лица предвидеть и отклонить последствие в данной конкретной обстановке становится решающим моментом при обосновании неосторожной вины. Лицо будет нести ответственность за неумышленно причиненный вред только в том случае, если оно допустило оплошность, которую могло избежать.

Из последовательно проводимой субъективной точки зрения вытекают два основных вывода: во-первых, никто не может быть обязанным сверх той меры осмотрительности, на которую он способен, во-вторых, от каждого следует требовать ту степень предусмотрительности и заботливости, которую он может проявить в соответствии со своими, хотя бы из ряда вон выходящими, исключительными свойствами и способностями².

Субъективный масштаб неосторожности, который дает возможность сообразоваться с индивидуальными свойствами и особенностями лица и связать ответственность с упречным состоянием его психики, более соответствует справедливости, чем объективный критерий, игнорирующий эти моменты. Это обстоятельство дает основание отдельным советским криминалистам считать, что в условиях

буржуазного общества субъективный масштаб заслуживает предпочтение перед объективным масштабом с точки зрения интересов трудящихся, которые получают право ссылаться на обстоятельства личного характера, лишившие их возможности проявить определенную предусмотрительность¹.

Однако нельзя упускать из виду, что последовательно примененный субъективный масштаб расширяет свободу усмотрения суда при установлении неосторожной вины. Ведь с точки зрения субъективной конструкции ответственность за неосторожность обоснована и в том случае, если лицо благодаря своим исключительным свойствам могло предусмотреть и предотвратить наступление данного вреда, хотя бы оно не нарушило меру обычной средней предусмотрительности и заботливости. Следовательно, эта точка зрения открыто узаконяет возможность привлечения лиц, вовсе не нарушивших непосредственных требований буржуазного правопорядка относительно предусмотрительности и заботливости.

Но как установить способность лица выйти за пределы нормальных требований? Разве буржуазный суд располагает средствами, которые давали бы ему возможность всестороннего и тщательного изучения личных свойств обвиняемого, разве буржуазный суд будет утруждать себя решением этой непосильной для него задачи? Конечно, нет! Для обоснования неосторожной вины будет достаточно, если суду покажется, что это лицо обладает особыми свойствами, дающими ему возможность проявить исключительную, сверхнормальную предусмотрительность, которая выходит далеко за пределы обычных требований буржуазного гражданского оборота.

Таким образом, место объективно установленных фактов неизбежно займет свободное усмотрение судьи, которое будет зависеть от его политических и моральных убеждений, интересов, симпатий и антипатий. Поэтому нет оснований идеализировать субъективный масштаб в противоположность объективному. В руках буржуазного судьи он тоже может быть надежным средством в борьбе с неудобными для буржуазного государства лицами. В связи с оценкой обоих масштабов правильно замечает

¹ См. М. Е. Mayer, Der Allgemeine Teil des Deutschen Strafrechts, Heidelberg, 1923, S. 253, N. 5.

² В русской дореволюционной юридической литературе последовательным защитником субъективного критерия являлся С. В. Познышев, см. его «Основные начала науки уголовного права», 1912, стр. 297.

¹ См. Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950 г., стр. 288—289.

Г. К. Матвеев: «Практика достаточно убедительно показывает, что оба эти масштаба ответственности за неосторожную вину с одинаковым успехом используются буржуазией в своих интересах»¹.

В буржуазной уголовно-правовой литературе существует попытка сочетать оба масштаба — объективный и субъективный. Так, смешанной точки зрения придерживается глава социологической школы Ф. Лист, который считает, что в понятие неосторожности входит несоблюдение заботливости, предписанной правом порядком и измеряемой при помощи объективного масштаба, и, кроме того, недостаточная предусмотрительность, для определения которой должны быть приняты во внимание индивидуальные свойства лица, присущие ему вообще, и его психическое состояние в момент действия (субъективный, специальный масштаб)². Точно так же Ф. Альфельд признает, что вопрос о том, соблюдена ли надлежащая предусмотрительность, следует решать, учитывая оба момента — и объективный, и субъективный³.

Однако буржуазные криминалисты, предлагающие одновременно применять и объективный, и субъективный масштабы, вместе с тем не уточняют, на какой основе и каким образом практически должны сочетаться эти масштабы. В результате у воспринявшего эту точку зрения судьи открывается возможность придать решающее значение или одному, или другому масштабу. Но в таком случае полностью сохраняют свое значение все те отрицательные моменты, которые связаны с односторонним применением одного или другого масштаба.

Несостоятельными оказались и попытки, предпринятые отдельными буржуазными криминалистами, размежевать сферу применения объективного и субъективного критериев. В качестве примера приведем концепцию русского дореволюционного криминалиста Н. С. Таганцева.

Критикуя взгляд, который предлагает безраздельно пользоваться объективным, средним масштабом при уста-

новлении уголовной ответственности за неосторожность, Н. С. Таганцев считает, что этот взгляд является результатом ничем не оправданного перенесения принципов гражданского права в сферу права уголовного. Сравнивая гражданскую ответственность с уголовной, Н. С. Таганцев пишет: «Но другое дело ответственность уголовная: падая на личность, имея в виду данного индивидуума, она должна сообразоваться с его индивидуальными условиями, его трусливостью, ограниченностью, находчивостью и т. д.»¹.

После таких рассуждений, казалось бы, Н. С. Таганцев должен был ратовать за применение субъективного критерия. Однако он ограничивает область его применения лишь случаями, относящимися к бытовым отношениям, в то время, как при решении вопроса об ответственности за неумышленно причиненный вред, сопряженный с деятельностью специалистов, предлагает руководствоваться объективным критерием.

Необоснованность такой постановки вопроса не вызывает сомнений. Непонятно, каким образом Н. С. Таганцев, который открыто заявляет, что объективный масштаб приводит к отказу от принципа индивидуальной ответственности и понятия вины, допускает применение этого масштаба в отношении лиц, неумышленно причинивших вред в связи со служебной, профессиональной или другой специальной деятельностью.

Решение вопроса, предлагаемое Н. С. Таганцевым, является непоследовательным. Он не сумел доказать, почему при обсуждении поступка, связанного с осуществлением специальной деятельности, следует руководствоваться объективным критерием, а при обсуждении поступка, относящегося к области бытовых отношений, необходимо принимать во внимание индивидуальные особенности лица и, следовательно, руководствоваться субъективным критерием. Единственный аргумент Н. С. Таганцева в пользу применения объективного масштаба к специалистам — это возможность точного объективного определения знаний, которые должен иметь человек, работающий в той или иной специальной области. Однако этот аргумент не имеет принципиального значения и не может быть

¹ Н. С. Таганцев, Русское уголовное право, Лекции, т. I, С.-Петербург, 1902, стр. 619.

¹ Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского университета, Киев, 1955, стр. 281.

² См. F. List, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Berlin, 1911, S. S. 188—189. См. также русский перевод этого учебника, М., 1903 г., стр. 197—198.

³ F. Allfeld, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Leipzig, 1934, S. 182.

решающим моментом при установлении вины и ответственности. Понятно поэтому, что это непоследовательная конструкция, противоречащая к тому же выдвинутой самим Таганцевым идее индивидуальной ответственности, не имела сторонников в русской уголовно-правовой литературе.

Рассмотрение различных точек зрения относительно так называемых критериев неосторожной вины приводит к выводу о бессилии буржуазных криминалистов установить ясные и обоснованные пределы ответственности за неосторожность. Тенденции, заложенные в уголовно-правовой идеологии эпохи империализма, препятствуют и в данном случае правильной постановке вопроса.

* *
*

На совершенно другой основе ставится и решается вопрос о критериях неосторожной вины в советском уголовном праве. В советской юридической литературе тоже идет речь об объективном и субъективном критериях, но они наполняются новым содержанием и имеют другой смысл и другое значение.

Советское право, являющееся подлинно народным правом, открыто ставит задачу — содействовать укреплению и развитию социалистических общественных отношений. Поэтому все понятия и принципы советского права имеют определенную направленность. В то же время советская юридическая наука не маскирует социально-политического содержания этих понятий, а, напротив, ставит задачу как можно точнее и полнее раскрыть его. Это накладывает печать на исследование любого вопроса советского права.

Так же подходят советские юристы и к исследованию вопроса о критериях неосторожной вины.

Служебная роль указанных критериев состоит в том, чтобы установить, соблюдение какой меры осмотрительности необходимо для укрепления и дальнейшего развития социалистических общественных отношений, и, напротив, нарушение какой меры препятствует этому развитию. Таким путем намечается грань, после которой неумышленное причинение вреда принимает характер общественно-опасного деяния, посягающего на социалистический порядок.

Вопрос о критериях неосторожной вины решается в советской юридической литературе неодинаково.

В условиях впервые в истории рожденного социалистического государства и установленного им правопорядка появляются новые нормы предосторожности, соблюдение которых диктуется потребностями коммунистического строительства и охраной интересов трудящихся. Понятно поэтому, что при исследовании вопроса о критериях неосторожности внимание советских юристов прежде всего сосредоточивается на общенормативных требованиях социалистического правопорядка относительно проявления предусмотрительности, которые обусловлены существующими общественными отношениями. Проф. Л. А. Лунц замечает, что «...всякая общественная формация имеет свой, ей одной присущий, но объективный масштаб оценки поведения человека»¹. В соответствии с этим некоторые авторы для ответственности за неосторожное причинение вреда считают достаточным, если обвиняемый не выполняет требуемую в определенных условиях от определенной группы лиц меру осмотрительности, независимо от того, может ли он по своим личным свойствам выполнить это требование².

«Критерием для оценки поведения должна быть та заботливость, — говорит Л. А. Лунц, — которую в данных конкретных условиях должен проявить советский человек»³. Приведенное положение аргументируется тем соображением, что советскому судье надо дать твердый и ясный масштаб, а не критерий, лишенный всякой определенности и меняющийся в зависимости от субъективных свойств отдельного лица. Только при этом условии можно считать, что предложенный масштаб носит юридический характер и в состоянии служить проводником единой социалистической законности⁴.

¹ Выступление Л. А. Лунца по докладу Б. С. Антимонина «О понятии вины в советском гражданском праве», «Советское государство и право» 1949 г. № 11, стр. 73.

² См. А. Н. Трайнин, Уголовное право. Часть общая, М., 1929, стр. 275; В. Макашвили и Т. Церетели, О неосторожности по советскому уголовному праву. Проблемы социалистического права, 1939 г. № 4—5.

³ «Советское государство и право» 1949 г. № 11, стр. 73.

⁴ См. В. Макашвили и Т. Церетели, цитированная статья, стр. 105.

Наряду с приведенным соображением, указывают, что объективный масштаб способствует осуществлению принудительно-воспитательной задачи советского права. Объективный масштаб не делает скидок на индивидуальную неспособность лица выполнить общеобязательные требования правопорядка о предусмотрительности и заботливости и тем самым открывает возможность воздействовать на отстающих, которых следует поднять до уровня, необходимого для полноценного осуществления ими своих обязанностей¹.

Применение объективного критерия при обосновании ответственности за неосторожность, по мнению некоторых криминалистов, находит опору и в определении небрежности, которое содержится в действующем советском уголовном законодательстве. В п. «б» ст. 10 УК РСФСР говорится, что неосторожно действуют те лица, которые «должны были» предвидеть последствия своих поступков. Подвергая анализу эту часть статьи 10 УК РСФСР, проф. Э. Я. Немировский пишет: «Масштаб, таким образом, устанавливается объективный: мог ли обвиняемый предвидеть по своим личным способностям, знаниям, свойствам внимания, безразлично; достаточно, что он должен был предвидеть на основании обычного житейского опыта, правил оборота или специальных правил профессии»².

В раскрытии и уточнении содержания объективного масштаба приняли участие советские цивилисты, большинство которых склоняется в пользу его применения при обосновании гражданско-правовой ответственности за причинение вреда по неосторожности (Л. А. Лунц, Е. А. Флейшиц, С. Н. Братусь, Х. И. Шварц и др.).

Заслуга советских цивилистов заключается в том, что они не отождествляют объективного масштаба со средним масштабом, за исключением Х. И. Шварца, который является убежденным защитником «средних оценок». Выдвигая объективный масштаб в качестве руководящего принципа при установлении имущественной ответственности за неосторожность, Шварц пишет, что «...критерием

¹ См., например, Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского университета, Киев, 1955, стр. 285, 288—289; О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, Л., 1955, стр. 147.

² Э. Я. Немировский, Советское уголовное право, Одесса, 1924, стр. 84.

должны быть средний гражданин социалистического общества и заботливость этого гражданина в отношении общественного блага, блага родины, его заботливость в отношении своих сограждан. К тому, кто нарушает уровень поведения, присущий среднему добросовестному гражданину социалистического общества, мы вправе обратиться с упреком: почему ты вел себя хуже, чем в подобных условиях должен вести себя советский гражданин»¹.

Отсутствие у нас антагонистических классов и морально-политическое единство советского народа на первый взгляд могут дать основание предполагать, что в социалистическом государстве, в отличие от буржуазного государства, «средние оценки» имеют под собой почву. Однако при ближайшем рассмотрении ориентировку на возможности «среднего» советского гражданина следует признать не соответствующей природе социалистических общественных отношений. На это правильно указал Л. А. Лунц и другие советские цивилисты.

«Средний масштаб», «средняя мера заботливости», — пишет Л. А. Лунц, — это критерий, основанный на некотором итоге прошлых привычек, — на том, что было нормой в прошлом; норма прошлого здесь объявляется образцом для будущего»². Совершенно очевидно, что эта застывшая норма, обращенная к прошлому, непригодна для общественных отношений, существующих в социали-

¹ Х. И. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, М., 1939, стр. 35.

Объективно-среднего масштаба придерживались раньше и мы в цитированной статье, написанной совместно с Т. В. Церетели. Это дало повод Б. С. Утевскому считать, что предлагаемая нами формула «абстрактная, аполитичная, формалистическая, не учитывающая особенностей долга советского гражданина» («Вина в советском уголовном праве», Госюриздат, М., 1950, стр. 293—294). Однако упрек Б. С. Утевского вряд ли можно признать заслуженным. Выдвигая объективно-средний масштаб, мы наполняли его в соответствии с потребностями социалистического общества новым содержанием, ничего общего не имеющим с пресловутым понятием «среднего человека», которому буржуазные криминалисты действительно хотят придать абстрактный и аполитичный характер. Вывод, сделанный Б. С. Утевским, не согласован с изложением нашей точки зрения, данным им самим на стр. 290 его монографии о вине.

² И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, Госюриздат, М., 1950, стр. 332; также Г. К. Матвеев, цитированное сочинение, стр. 288; Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения, Госюриздат, М., 1951, стр. 83.

стическом обществе. «Среднее», а тем более «посредственное», выражающее рутину и шаблон, не может служить масштабом для оценки поведения советских людей.

Социалистическое общество обращено не к прошлому, а к будущему. Оно борется за претворение в жизнь великих идей коммунизма. На различных участках коммунистического строительства при решении поставленных задач идет постоянная и неустанная борьба за новые достижения. Поэтому понятно, что в социалистическом обществе, которое находится в процессе непрерывного и быстрого развития, равнение идет на лучшую, передовую часть этого общества, и было бы неправильно учитывать возможности отстающих и выводить таким путем какую-то отвлеченную «среднюю» относительно требуемой правопорядком от советских граждан меры предусмотрительности и заботливости.

Социалистическое государство, обеспечивающее личности наиболее полное и всестороннее развитие ее умственных способностей, духовных и физических сил, обеспечивающее приложение их в самых различных областях общественной жизни, имеет все основания требовать от своих граждан, чтобы они в полной мере напрягали свои силы при той или иной деятельности, проявляя ту заботливость и предусмотрительность, которые должны характеризовать участника борьбы за величайшее дело всего человечества — за строительство коммунистического общества.

Таким образом, объективный масштаб для измерения требуемой предусмотрительности в советском праве наполняется новым содержанием, отличным от того, которое он имеет в буржуазном праве. Не среднее, ориентированное на прошлое, а обращенное к будущему, передовое и прогрессивное, характерное для развивающихся социалистических общественных отношений, лежит в основании специальных норм предосторожности и правил социалистического общежития, выступающих в качестве объективного критерия требуемой предусмотрительности в социалистическом государстве. В соответствии с этим социалистическое правосознание расценивает эти повышенные требования относительно предусмотрительности и заботливости как обычные и общеобязательные для советских граждан.

Другая отличительная особенность объективного масштаба, которую единодушно отмечают советские криминалисты и цивилисты, состоит в том, что он носит строго

дифференцированный характер. И это понятно. В условиях широко развернувшегося коммунистического строительства, небывалых темпов развития всех сторон общественной жизни, приложение советскими гражданами своих сил, знаний и опыта происходит на совершенно различных участках работы, при неодинаковой конкретной обстановке людьми различной профессии и квалификации. И требование от всякого члена социалистического общества проявления одинаковой степени предусмотрительности и заботливости означало бы механистическое и упрощенное понимание объективного масштаба. Такая нивелировка при установлении ответственности противоречила бы природе советского права. Поэтому мера требуемой предусмотрительности, по мнению советских юристов, должна меняться в зависимости от того, какое служебное или общественное положение занимает лицо, имеет ли оно специальное образование и подготовку, в каких условиях места и времени протекает данная деятельность, с какими силами она соприкасается, какие последствия грозит вызвать и т. д. Только при условии учета указанных обстоятельств объективный масштаб, приспособляясь к конкретным особенностям данного случая, сумеет выполнить полностью свою служебную роль.

Однако от этого дифференцированно-объективный масштаб не лишается характера абстрактной меры. Он подходит к данному единичному случаю, принимая во внимание особенности лица как представителя группы лиц, от которой ожидается проявление определенной степени предусмотрительности и заботливости при осуществлении той или иной деятельности в определенных условиях места и времени. Таким образом, решающее значение имеют не индивидуальные свойства и особенности конкретного человека, не его субъективная возможность предвидеть и предотвратить причиненный вред, а мера предусмотрительности и заботливости, предполагаемая при данных, определенных обстоятельствах у ясно очерченной группы лиц (по признаку профессии, квалификации, служебного ранга и т. п.), к которой принадлежит причинитель вреда. Этим моментом дифференцированно-объективный критерий отличается от субъективного критерия, для которого пределы ответственности лежат в самом индивидууме, в его способностях и других личных свойствах, и только в этом.

Приведенное различие между указанными масштабами

не всегда учитывается отдельными авторами. Так, например, советские цивилисты Л. А. Лунц и Е. А. Флейшиц, глубоко обосновавшие значение объективного масштаба для гражданско-правовой ответственности, в то же время, исходя из его дифференцированного характера, считают, что лицо, которое не использовало всех своих возможностей для предвидения и предотвращения вреда, должно нести имущественную ответственность за причинение этого вреда¹. Следовательно, указанные авторы при установлении гражданско-правовой ответственности за причиненный вред допускают постановку вопроса о том, что данное конкретное лицо благодаря своим особым личным свойствам могло проявить исключительную предусмотрительность и сообразительность и предотвратить наступление вреда, хотя вообще этого нельзя было бы потребовать от лиц одинаковой с ним профессии, равной квалификации, находящихся в аналогичных условиях.

Еще решительнее и полнее развивает эту точку зрения цивилист Г. К. Матвеев. Он пишет: «Суть дифференцированного подхода при объективном масштабе состоит в следующем: возлагая ответственность за неосторожную вину, суд выясняет не только субъективные способности данного лица предвидеть и предотвратить вредный результат, но и сопоставляет поведение этого лица (физического и юридического) с поведением других советских граждан и организаций»².

Собственно говоря, в основание «дифференцированно-объективного» масштаба Г. К. Матвеев кладет... субъективные возможности лица. Этот момент делается исходным при измерении требуемой предусмотрительности, и только после того, как будет выяснено, какую степень предусмотрительности и заботливости способно проявить лицо в соответствии со своими индивидуальными свойствами, Г. К. Матвеев считает нужным сопоставить рассматриваемое поведение с предполагаемым поведением других советских граждан, действующих в аналогичных условиях. При этом, если суд придет к заключению, что данный субъект «по своим индивидуальным способностям мог предвидеть значительно больше, чем обычный или даже

во всех отношениях безупречный субъект, это обстоятельство ни в коем случае не может явиться основанием для освобождения его от ответственности за «непредусмотрительность» только потому, что таковая «не требуется» от него согласно общепринятому критерию»¹. Таким образом, требуемая предусмотрительность будет повышаться в соответствии с индивидуальными свойствами лица, которые объявляются единственным мерилем при установлении предела ответственности.

Но в каких случаях объективный масштаб, сторонником которого себя признает Г. К. Матвеев, сохраняет свое значение? По мнению Г. К. Матвеева, — в тех случаях, когда лицо по тем или иным причинам личного свойства не могло выполнить общеобязательную предусмотрительность и избежать вреда. Раз лицо нарушило объективно требуемую меру предусмотрительности, оно при всех обстоятельствах должно нести ответственность за последствия, наступившие в результате такого нарушения. Должна быть решительно отвергнута попытка придать значение обстоятельствам личного характера, которая могла бы привести к освобождению от ответственности².

Таким образом, Г. К. Матвеев считает гражданско-правовую ответственность обоснованной как в тех случаях, когда суд придет к заключению, что лицо могло предвидеть и предотвратить данный результат, хотя бы на его месте человек той же профессии, квалификации, во всех отношениях безупречный советский гражданин не сумел бы этого сделать, так и в тех случаях, когда лицо по своим индивидуальным свойствам и особенностям не способно предвидеть и предотвратить наступивший результат, если только лицо, поведение которого берется за образец должного поведения, могло бы это сделать. Отсюда вытекает следующий вывод: для установления гражданско-правовой ответственности достаточно, если ответственность за причиненный вред обоснована с точки зрения или объективного масштаба, или субъективного масштаба.

Возможно, что такая мало последовательная и значительно расширяющая пределы ответственности постановка вопроса вызвана специфическими особенностями имуще-

¹ См. Е. А. Флейшиц, цитированное сочинение, стр. 84.

² Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского государственного университета, 1955, стр. 288.

¹ Г. К. Матвеев, Вина в советском гражданском праве, Издательство Киевского государственного университета, 1955, стр. 288.

² Там же, стр. 284—285, 287, 288—289.

венной ответственности и связана с гражданско-правовым понятием неосторожной вины, которое, по мнению советских цивилистов, носит своеобразный характер и не совпадает с уголовно-правовым понятием неосторожной вины¹. Во всяком случае предложенное решение вопроса неприемлемо с точки зрения принципов, лежащих в основании уголовной ответственности. Оно допускает, с одной стороны, ответственность за поведение, которое не нарушает общезначительной предусмотрительности, а, с другой стороны, считает возможным привлечь к ответственности лиц, которые в силу лично присущих им свойств или особому психическому состоянию в момент действия не могли проявить требуемую предусмотрительность.

Трудно поэтому согласиться с проф. М. Д. Шаргородским, который прибегает к следующей формулировке: «Наказуемая неосторожность имеет место лишь в том случае, если виновный мог или должен был (разрядка наша. — В. М.) предвидеть наступивший результат»². Такая альтернативная постановка вопроса, которая считает достаточным при установлении границ неосторожности применить или объективный, или субъективный масштаб, вмещает отрицательные моменты, которые связаны с односторонним использованием этих масштабов, и неизбежно грозит привести к необоснованному расширению уголовной ответственности за небрежность.

Точка зрения М. Д. Шаргородского не имеет сторонников среди советских криминалистов. В настоящее время не находят защитников и чисто объективный масштаб³. Советские криминалисты все большее значение начинают

¹ См. И. Б. Новицкий, Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, Госюриздат, М., 1950, стр. 339.

² М. Д. Шаргородский, *Преступления против жизни и здоровья*, Юриздат, М., 1948, стр. 198. Та же формулировка содержится и в его другой работе: «Ответственность за преступления против личности», Издательство Ленинградского университета, Л., 1953, стр. 38. В более ранней работе — «Вина и наказание в советском уголовном праве», Юриздат НКЮ СССР, М., 1945. М. Д. Шаргородский придерживался другого взгляда. На стр. 5 написано: «Для ответственности виновного за последствия нужно, чтобы он не только должен был, но чтобы он и мог их предвидеть». В соответствии с этим было выдвинуто положение, что вина при преступной небрежности заключается в том, что субъект «не учел последствий, которые мог и должен был предвидеть» (стр. 10, разрядка наша. — В. М.).

³ См. «Некоторые вопросы вины в советском уголовном законодательстве», *Советское государство и право* 1952 г. № 1, где мы

придавать субъективному критерию при установлении ответственности за преступления, совершенные по небрежности. Даже среди советских цивилистов появляются сторонники этого критерия. Так, по мнению Б. С. Антимонова, последовательное применение объективного масштаба приводит к тому, что судья должен будет закрыть глаза на живого человека, отгородиться от него абстрактной меркой; судье предлагают не принимать во внимание повышенных возможностей данного конкретного лица и в то же время рекомендуют прибегать к фикции вины в отношении тех лиц, которые не могли поступить иначе. Но такое положение, говорит Б. С. Антимонов, противоречит основному принципу социалистического общества — от каждого по его способностям. Поэтому в основании определения имущественной ответственности за причиненный вред должны быть положены субъективные возможности данного лица. «От каждого гражданина социалистического общества, — пишет Б. С. Антимонов, — можно и должно потребовать всего того, что он, конкретный человек, может дать для общества — не более, но и не менее»¹.

Но когда цивилисты ставят вопрос о необходимости учета индивидуальных свойств и особенностей лица, их главное внимание направлено на то, чтобы данный причинитель вреда, обладающий повышенными возможностями для соблюдения особой предусмотрительности, не избежал гражданско-правовой ответственности². Исключительно

отказались от защищаемой ранее точки зрения. Критику «объективно-среднего» масштаба и неприемлемость его для советского уголовного права см. у Т. Л. Сергеевой, *К вопросу об определении преступной небрежности*, «Советское государство и право» 1947 г. № 4.

¹ Б. С. Антимонов, *Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении*, Госюриздат, М., 1950, стр. 101.

² В этих целях в конечном счете выступает в защиту субъективного масштаба и такой его убежденный сторонник, каким является Б. С. Антимонов. Выдвигая положения, что от каждого следует требовать знание того дела, за которое он берется, Антимонов в то же время подчеркивает, что это знание дела «определяется не только субъективными свойствами данного человека, не только индивидуальными его качествами, но также свойствами самого дела» (цитированное сочинение, стр. 101 и дальше). Иначе говоря, как правильно замечает О. С. Иоффе, «лицо должно сделать максимум того, на что оно способно, но во всяком случае не менее того, что вытекает из свойства выполняемого им дела» (О. С. Иоффе, *цитированное сочинение*, стр. 146).

этими соображениями руководствуются, как мы видели, те цивилисты, которые под видом дифференцированно-объективного масштаба предлагают учитывать субъективные возможности лица.

С других позиций подходят к обоснованию необходимости пользоваться субъективным критерием криминалисты. По их мнению, игнорирование субъективных свойств обвиняемого может привести к уголовной ответственности лиц, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли предвидеть наступления последствий, причиненных их действиями. Напротив, учет субъективных способностей лица полностью соответствует принципу индивидуальной ответственности и дает возможность оправдать наказание лица за небрежность с моральной точки зрения.

Но значит ли это, что объективный критерий должен быть вовсе отброшен или за ним сохраняется то или иное значение при установлении ответственности за небрежность?

Чисто субъективный масштаб имеет единичных сторонников¹, большинство авторов считает, что наряду с ним должен быть использован и объективный масштаб. Однако вопрос о том, в каком соотношении находятся указанные масштабы и как они должны применяться на практике, отдельные авторы решают различно.

Так, проф. А. А. Пионтковский, исходя из того, что социалистическое уголовное право везде строго проводит принцип индивидуальной ответственности, считает, что при установлении ответственности за неосторожность следует пользоваться в конечном счете субъективным критерием. Объективному критерию А. А. Пионтковский отводит более скромную роль — служить исходной точкой для

¹ См. А. В. Лаптев, Понятие вины в советском уголовном праве, «Советская юстиция» 1938 г. № 12.

По существу одностороннего субъективного масштаба придерживается Т. Л. Сергеева. Правда, она выдвигает положение, что второе условие, наличие которого требуется для установления преступно-небрежной вины, — это долженствование предвидения лицом последствий своих действий. Но в этой части рассуждения Т. Л. Сергеевой не отличаются достаточной ясностью и не показывают, какое практическое значение имеет выдвинутое положение для обоснования ответственности за небрежность. (К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право» 1947 г. № 4, стр. 25—27.)

«первоначальной ориентировки в совершенном деянии», то есть средством «выяснения возможности предвидения данным лицом наступления преступных последствий»¹.

Согласно этому взгляду, объективный критерий лишается самостоятельного значения и низводится до роли доказательства субъективных возможностей лица. Нарушение лицом требований правопорядка относительно предусмотрительности и заботливости должно интересовать судью лишь постольку, поскольку это может свидетельствовать, что лицо в состоянии было предвидеть и предотвратить наступившие общественно-опасные последствия.

Такая постановка вопроса нам кажется сомнительной. Как мы увидим далее, объективный масштаб имеет самостоятельное и принципиальное значение, и без него, опираясь только на субъективный масштаб, невозможно обоснованно наметить границы ответственности за неосторожность.

Несколько иначе излагает свою точку зрения проф. А. А. Пионтковский в другой работе². Отмечая невозможность пользоваться только объективным критерием и необходимость применять в конечном счете субъективный критерий при установлении ответственности за преступную небрежность, проф. А. А. Пионтковский не говорит, что объективный критерий может служить лишь отправным моментом для первоначальной ориентировки в рассматриваемом деянии и тем самым уже не допускает неточной характеристики роли этого критерия.

В последнее время все определеннее склоняются к мысли, что объективный и субъективный масштабы имеют равноценное значение и оба они необходимы для обоснования ответственности за неосторожность.

В предлагаемых формулировках, касающихся ответственности за неосторожность, содержится указание на долженствование лица предвидеть и предотвратить последствия и на его субъективную возможность сделать это. Так, проф. А. А. Герцензон пишет: «Ответственность наступает в связи с недостаточной осмотрительностью субъекта, который в данной конкретной обстановке

¹ Советское уголовное право. Часть общая, ВИЮН, Госюриздат, М., 1952, стр. 237—238.

² См. А. А. Пионтковский, Вопросы общей части уголовного права в практике судебно-прокурорских органов, Госюриздат, 1954, стр. 74—75.

должен был и мог предвидеть деяние и в особенности его последствия»¹. Оба момента оттеняет и проф. Б. С. Маньковский, который указывает, что при преступной небрежности лицо «не предвидело общественно-опасный характер последствий своих действий, хотя могло и должно было их предвидеть и избежать их наступления»². Но авторы приведенных высказываний не уточняют содержания этих моментов и не раскрывают, в каком соотношении они находятся друг с другом и как должны сочетаться на практике.

Более развернутая постановка вопроса дана в работе проф. Б. С. Утевского «Вина в советском уголовном праве». Проф. Б. С. Утевский разграничивает область применения объективного и субъективного масштабов в зависимости от того, что должен выяснять каждый из них. «Одно дело — объективный масштаб для установления, как должен был вести себя подсудимый, и другое дело — как он мог себя вести»³. В результате такой дифференцированной постановки вопросов о должновании предвидеть наступление последствий и о возможности сделать это, Б. С. Утевский приходит к правильному выводу, что ненаказуемый «случай» будет иметь место и тогда, когда субъект в соответствии с объективными требованиями правопорядка должен был предвидеть последствия, но по тем или другим основаниям не мог их предвидеть⁴.

Однако, несмотря на то, что проф. Б. С. Утевский в целом стоит на верном пути, он не раскрыл до конца со-

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть общая, М. 1948, стр. 340 (разрядка наша. — В. М.).

² Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М. — Л., 1949, стр. 121 (разрядка наша. — В. М.). Тоже положение выставлено и на стр. 62.

³ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 294.

Необходимость отражения в формуле преступной небрежности субъективной возможности лица предвидеть последствия своего деяния отмечает А. С. Никифоров, который пишет, что правильно «поступают те советские криминалисты, которые требуют введения в формулу преступной небрежности указания на возможность предвидения лицом общественно-опасных последствий его поведения» (А. С. Никифоров, «Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности», «Ученые записки ВИАУ», Госюриздат, М., 1955, стр. 171).

⁴ Там же, стр. 313.

держания и значения объективного и субъективного критериев и не установил, какие принципы, лежащие в основании уголовной ответственности, отражают эти критерии. В дальнейшем мы попытаемся выяснить эти вопросы, привлекая материалы советской судебной практики для обоснования защищаемых положений и для иллюстрации применения судами объективного и субъективного критериев при установлении ответственности за преступления, совершаемые по неосторожности.

§ 2. Нарушение общеобязательной предусмотрительности как необходимое условие ответственности за неосторожность

Уголовная ответственность всегда предполагает общественно-опасное противоправное поведение лица. Для этого необходимо, чтобы действие противоречило социалистическим общественным отношениям и нарушало запрет или веление правовой нормы. С поведением, лишенным общественно-опасного характера, уголовная ответственность не может быть связана. В то же время не всякое общественно-опасное и противоправное действие носит виновный характер. Нельзя согласиться с мнением, что область противоправных действий совпадает с областью виновных действий и что, следовательно, раз действие признано противоправным, то оно является и виновным¹. С этой точки зрения пришлось бы, например, признать непротивоправным убийство, совершенное душевнобольным, в то время, как такое действие, безусловно, общественно-опасно и противоправно, хотя и лишено виновного характера. Таким образом, понятия противоправности и вины хотя и тесно связаны друг с другом, но не совпадают.

В отношении умышленных преступлений это различие выступает с достаточной определенностью. Установление

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, Издательство Академии наук СССР, М. — Л., 1948, стр. 202.

Отождествляет понятия вины и противоправности проф. М. А. Чельцов, который утверждает: «Гражданин наказывается за совершение преступления, за виновное нарушение законодательного запрета, иначе говоря, нормы поведения. Такое противоправное поведение и есть вина, вызывающая правовое осуждение». (Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность» 1947 г. № 4, стр. 8).

указанных моментов здесь ясно разграничивается. Установлению того, предвидело ли и желало ли или допускало лицо наступление общественно-опасных последствий, если не фактически, то, во всяком случае, логически, предшествует выяснение того, что последствие причинено противоправно, вызвано противоправным действием, которое относительно к субъективному моменту оценивается правом порядком отрицательно. Только после этого решается вопрос о субъективном отношении лица к совершённой деянию. Так, например, если лицо, которое защищает свою жизнь от нападения бандита, причиняет последнему телесное повреждение, то оно не несет за это уголовной ответственности, так как последствие вызвано непротивоправно, путем совершения дозволенного действия. Вопрос о вине в данном случае и не ставится, хотя лицо предвидит и желает наступления последствия, предусмотренного законом. Вина всегда предполагает субъективное отношение к противоправному поведению (действию или бездействию), к последствию, причиненному противоправно. Это положение всецело распространяется и на преступления, совершаемые по неосторожности.

В уголовно-правовой литературе существует и другое мнение, что «при неосторожных деликтах совершаемое действие часто принадлежит к числу дозволенных»¹. Для иллюстрации этого положения приводят примеры, когда неосторожность связана с ездой на автомобиле, постройкой дома, разведением огня, оперированием больного и т. п.

Приведенный взгляд нам кажется недостаточно точным. Конечно, указанные виды деятельности носят дозволенный и даже общественно полезный характер, но когда ставится вопрос об ответственности за неосторожность, принимается во внимание не вся деятельность, взятая в целом, а отдельные ее звенья, с которыми связано допущение лицом определенной оплошности и неосмотрительности. Так, шофер во время езды не дает требуемых сигналов, в результате чего наносит увечье пешеходу; на строительстве, при сбрасывании леса, рабочий не принимает мер предосторожности и попадает балкой в своего товарища и т. д. Именно за это поведение, которое никак не может

быть признано лишенным общественно-опасного характера, лицо несет ответственность, а не за всю в целом общественно полезную деятельность.

Если же лицо, причинившее вредные последствия, выполнило все требуемые меры предосторожности, оно не может нести ответственность, так как его поведение является дозволенным и не носит общественно-опасного характера.

Мыслимы даже такие случаи, когда наступление вреда вполне предвидимо, но при этом отсутствует обязанность не совершать действия, с которым связана возможность наступления вреда. Здесь могут играть роль различные обстоятельства, но особенно важное значение имеет цель деятельности. Цель деятельности может быть настолько социально-полезной, что порядок допускает создание некоторой опасности, сопряженной с этой деятельностью. Например, хирургу не возбраняется производство операции, сопряженной с известным риском, и, в случае неудачи, его нельзя обвинять в неосторожном причинении смерти только на том основании, что такая операция была в какой-то степени опасна и возможность неблагоприятного ее исхода заранее предвиделась. В приведенном случае цель деятельности настолько общественно полезна, что это вполне оправдывает допущение некоторого неизбежного риска, без которого не может эффективно осуществляться эта деятельность. Другое дело, если хирург производит операцию, которая противопоказана, или он во время операции допускает профессиональную ошибку или не соблюдает каких-либо необходимых для подобного рода операций требований санитарно-гигиенического характера и т. п. В таких случаях цель деятельности не в состоянии оправдать причиненного вреда, и ответственность за наступившее последствие вполне обоснована, так как здесь нарушается та обязательная мера предосторожности, которая требуется от лиц, занимающихся этой деятельностью, и последняя принимает уже общественно-опасный и противоправный характер.

Таким образом, ответственность за неосторожность связывается с недозволенным поведением, с нарушением требований порядка относительно предусмотрительности и заботливости. Социалистическое уголовное право под угрозой наказания обязывает граждан не только своими действиями или бездействием сознательно не причи-

¹ Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 343.

нять ущерба объектам, охраняемым правопорядком, но обязывает их также не наносить вреда некоторым объектам по легкомыслию и небрежности.

Однако тот, кто нарушает обязанность быть предусмотрительным и вызывает последствия, запрещенные законом, в подавляющем большинстве случаев, как мы увидим далее, действует и виновно, то есть его поведение обусловлено психическим состоянием, заслуживающим порицания и осуждения. Поэтому обычно с установлением противоправного характера поведения вменяемого лица, неумышленно причинившего вред, в то же время устанавливается и его виновность. Этим и вызвано то, что вопрос о противоправном и вопрос о виновном характере деяния, совершенного по неосторожности, тесно переплетаются друг с другом, что дает почву для смешения этих вопросов¹. Результатом такого смешения можно объяснить требование применения при обосновании уголовной ответственности за небрежность так называемого объективного масштаба, который, строго говоря, касается выяснения противоправного характера деяния, совершенного по неосторожности, и не способен установить вину действующего лица.

Разграничение вопросов противоправности и вины в отношении преступных деяний, совершаемых по неосторожности, представляя теоретический интерес, имеет и важное практическое значение. Только при этом условии ясно намечаются пределы ответственности за проявленную лицом небрежность. Такое разграничение способствует уточнению роли, которую выполняют так называемый «объективный» и «субъективный» критерии неосторожности. В свете этого разграничения обнаруживается несостоятельность тех конструкций, которые, противопоставляя друг другу указанные масштабы, придают решающее значение одному из них, в то время как оба масштаба имеют равноценное значение, и каждому принадлежит определенная роль в обосновании ответственности за неосторожность.

¹ На факт отождествления понятий противоправности и виновности при исследовании неосторожной вины указывает О. С. Иоффе. Он задает вопрос: «Чем объяснить тот факт, что в теории, как только дело касается неосторожной вины, противоправность и виновность рассматриваются в качестве категорий тождественных...» (О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 149.)

Поэтому исследование проблемы неосторожности должно начинаться с вопроса: когда неумышленное нанесение вреда объектам, охраняемым уголовным законом, является противоправным. На первый взгляд может показаться, что ответить на этот вопрос очень просто: в том случае, если определенное поведение (действие или бездействие) нарушает обязанность предусмотрительности и заботливости в отношении указанных объектов, обязанность, которая носит юридический характер, поскольку с ее нарушением, повлекшим определенные последствия, закон связывает возможность ответственности лица в уголовном порядке.

Но как установить в каждом отдельном случае существование такой обязанности?

На этом вопросе в советской юридической литературе останавливается А. С. Никифоров в статье «Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности». А. С. Никифоров развивает ту мысль, что обязанности предвидеть общественно-опасные последствия возникает у тех лиц, которые своим поведением причиняют эти последствия¹. По мнению А. С. Никифорова, «Установление или неустановление по делу такой причинной связи является единственным (разрядка автора.— В. М.) основанием для признания или непризнания за субъектом обязанности предвидеть наступление общественно-опасных последствий»².

Вызывает сомнение утверждение, что из факта причинения последствий возникает обязанность предвидеть и предотвратить эти последствия. Указанная обязанность не может вытекать из причинения, она существует не потому, что нанесен вред, а потому, что поведение, которое причиняет вред, нарушает правило предосторожности, обладающее нормативной силой и порождающее определенные обязанности. Причинение вреда является не основанием возникновения обязанности предусмотреть и предотвратить наступивший результат, а следствием нарушения этой обязанности. Другое дело, что если суд уста-

¹ См. А. С. Никифоров, Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности, «Ученые записки ВЮОН», выг. 1, Госюриздат, 1955, стр. 157—158, 166—167 и др.

² Там же, стр. 166.

новит отсутствие причинной связи между действием лица и наступившими общественно-опасными последствиями, то вопрос об обязанности предвидеть эти последствия делается беспредметным, и о нем суд не должен иметь суждения. Но значит ли это, с другой стороны, что всегда, когда установлена причинная связь, тем самым обосновано и существование обязанности предвидеть и предотвратить наступившие вредные последствия? Легко себе представить случай, когда причинная связь между поведением лица и последствиями наличествует, а обязанность предвидеть их отсутствует. Предположим, что охотник в дремучем лесу, ночью стреляя в зверя, случайно попадает в заблудившегося в лесу ребенка. Бесспорно, причинная связь между действием лица — выстрелом охотника — и наступившей смертью ребенка существует, хотя обязанность предвидеть это последствие отсутствует. Охотник не нарушает никаких правил предосторожности, наступившее последствие нельзя отнести за счет его непредусмотрительности и невнимательности.

Таким образом, не со всяким поведением, повлекшим вред, связано нарушение обязанности предвидеть последния. Эта обязанность существует только в том случае, если последствие наступает в результате непроявления должной предусмотрительности.

В обществе существуют определенные правила предосторожности, неисполнение которых свидетельствует о нарушении обязанности быть предусмотрительным. Эти правила складываются в связи с возможностью возникновения вредных последствий от той или иной человеческой деятельности и ставят задачу или вовсе устранить возможность наступления указанных последствий, или, во всяком случае, уменьшить вероятность их наступления.

Каким же путем образуются указанные правила? Прежде всего они могут сложиться в результате обобщения эмпирических наблюдений людей. На основании житейского опыта в сознании людей появляются представления о том, что из равной или сходной обстановки неоднократно развивались тяжелые последствия или создавалась угроза их развития. Так, в результате простого наблюдения в общезнании возникает целый ряд требований относительно обращения с огнем, которые постепенно приобретают характер связывающих правил. Таким же путем, на основе обобщения опыта, могут складываться

нормы безопасности и на производстве, и при осуществлении той или иной профессиональной деятельности и т. п.

Кроме того, нормы предосторожности могут иметь своим источником и выводы различных наук, в том числе и технических. Последние на основании теоретических положений, экспериментальных данных или других научных методов исследования приходят к заключению, что та или иная общественно полезная деятельность сопряжена с опасностью для жизни, здоровья или для имущества — государственного, общественного или личного — и, чтобы устранить или уменьшить эту опасность, необходимо принять известные меры предосторожности.

Сами по себе данные науки могут содержать требования предосторожности, с которыми должно считаться лицо, занятое той или иной научной деятельностью (например, при проведении физического или химического эксперимента), но большей частью эти данные ложатся в основание образования специальных правил предосторожности. Таким путем, например, могут сложиться определенные нормы безопасности, которые необходимо соблюдать при возведении различных строительных сооружений, при движении поездов, пароходов, автомобилей, трамваев, при производстве подрывных работ и т. п. Не исключена возможность возникновения аналогичных норм и на почве хозяйственного и торгового оборота. Так образуются различные обычаи, соблюдение которых позволяет оберегать, скажем, порученное имущество от нанесения ему ущерба по оплошности. Даже в отношении различных спортивных игр и состязаний устанавливается ряд требований, цель которых — предупреждать возможность неосмотрительного нанесения вреда игрокам.

Дать более или менее полный перечень писанных и неписанных норм предосторожности не представляется никакой возможности. Они постоянно меняются, отмирают старые, нарождаются новые, в зависимости от потребностей данной конкретной обстановки. Каждое поступательное движение вперед в различных областях знания, новые научные открытия и изобретения, технические усовершенствования, внедрение в производство рационализаторских предложений и т. п., а также изменение социально-бытовых условий жизни — все это является неиссякаемым источником для возникновения самых разнообразных правил предосторожности.

Содержание и характер норм предосторожности в значительной степени определяются социально-политической структурой общества. Нормы безопасности, сложившиеся в различных общественных формациях, и количественно, и качественно не совпадают. Например, одни правила предосторожности установлены на фабриках, заводах, в шахтах и рудниках у нас, в социалистическом государстве, и другие — в капиталистических странах. Буржуазный правопорядок вовсе не склонен обременять капиталистического предпринимателя высокими требованиями для ограждения жизни и здоровья рабочих на производстве; напротив, социалистический правопорядок, который стоит на страже интересов трудящихся, требует принятия самых строгих мер предосторожности, чтобы максимально обеспечить рабочих от несчастных случаев на производстве. Поэтому понятно, что в социалистическом обществе и в буржуазном обществе нормы предосторожности и по своему объему, и по характеру, и по целям, которые они ставят, принципиально отличаются друг от друга.

В социалистическом обществе содержание и характер норм безопасности зависят от потребности коммунистического строительства, определяются задачами всесторонней защиты интересов трудящихся и дальнейшего укрепления основ социалистического общежития.

Возникающие в социалистическом обществе нормы предосторожности получают признание со стороны социалистического правопорядка, и тем самым приобретают правовое значение. Они нередко получают прямое закрепление в законе, в административных постановлениях, в различных инструкциях, правилах, регулирующих деятельность лиц, принадлежащих к определенной профессии или занятых тем или иным ремеслом, промыслом и т. п.¹

Иногда правопорядок, по мере надобности, предусматривает правила предосторожности, связывая с нарушением содержащихся в них требований те или иные право-

вые последствия. В отдельных случаях уже самый факт несоблюдения этих правил вызывает уголовную ответственность. Это имеет место тогда, когда или объект, подвергаемый угрозе повреждения, представляет особую общественную значимость, или поведение содержит возможность причинения большого по объему вреда или когда деятельность лица соприкасается с опасными силами и т. п. Например, лицо подлежит наказанию, независимо от того, наступили ли какие-нибудь вредные последствия за «нарушение технического режима, производственно-технической дисциплины или условий работы, обеспечивающих безопасность производства, а также курение, появление в пьяном виде или сон на производстве во взрывоопасных цехах» (ч. 1 ст. 108¹ УК РСФСР). Аналогично конструируется ответственность при нарушении правил безопасности, установленных для некоторых других родов деятельности (ст. 75², ч. 4 ст. 133, ст. 181 и другие статьи УК РСФСР). В приведенных случаях уже самое не проявление надлежащей предусмотрительности и заботливости влечет уголовную ответственность, а наступление определенных последствий обычно имеет значение квалифицирующего обстоятельства (ч. 2 ст. 108¹ и другие статьи УК РСФСР).

Но и в тех случаях, когда для наступления уголовной ответственности требуется нанесение определенного вреда объекту, находящемуся под охраной уголовного закона, вопрос о том, нарушена ли норма предосторожности, имеет важное значение для установления ответственности за неумышленно причиненный результат. Этот момент является настолько существенным, что формулировка некоторых составов содержит прямое указание на необходимость наступления последствий в результате нарушения определенных норм предосторожности. Так, ст. 108 УК РСФСР предусматривает ответственность за наступившие тяжёлые последствия, которые возникли в результате неисполнения или нарушения при производстве строительных работ, установленных законом или распоряжением власти строительных, санитарных или противопожарных правил, а равно неисполнение или нарушение установленных законом правил, регулирующих охрану безопасности и порядка в работах горной промышленности.

При наступлении одних и тех же последствий квалификация деяния может меняться в зависимости от того, какие

¹ Часто самое наименование инструкций или постановлений говорит о том, что в них содержатся нормы предосторожности (например, Инструкция по технике безопасности на производстве, Инструкция безопасности при путевых работах), в других случаях эти нормы встречаются среди правил чисто технического характера (например, в строительном уставе, в правилах технической эксплуатации и т. д.).

нормы предосторожности нарушены. Для иллюстрации этого поучительно определение Железнодорожной коллегии Верховного Суда СССР от 1 марта 1952 г. по делу Б. и Я., которое отвергло квалификацию поведения обвиняемых по ст. 59^{3а}, указав, что эта статья «хотя и предусматривает в качестве последствий несчастные случаи с людьми,— вместе с тем в своей диспозиции имеет их в виду как результат таких видов нарушения трудовой дисциплины, которые связаны с несоблюдением существующих на транспорте правил движения, а также недоброкачественным ремонтом подвижного состава и пути. Несчастный смертный случай с К. явился следствием не этих причин, а результатом невыполнения инструкции по технике безопасности. Подобного рода преступления прямо предусмотрены ч. 3 ст. 133 УК РСФСР»¹.

Таким образом, по существу причинение вреда по неосторожности всегда предполагает нарушение писанных или неписанных, основанных на житейском опыте, правил. Неосмотрительное поведение именно в том и состоит, что лицо не соблюдает при исполнении своих служебных и общественных обязанностей, при отправлении профессиональной деятельности или же просто в повседневной жизни требуемых мер предосторожности. В этом заключается известный объективный момент, который характеризует неосторожные действия и позволяет возводить обязанность быть осмотрительным в юридическую обязанность.

Момент нарушения норм безопасности настолько важен для обоснования ответственности за причинение вреда по неосторожности, что Верховный Суд СССР не раз указывал на необходимость четкого отражения этого момента в приговоре. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 15 марта 1950 г., прекращая дело в отношении Е., отметила: «Суд, вынося обвинительный приговор, не указал, в чем конкретно выразилось нарушение правил движения со стороны Е. и какие именно меры предосторожности им не были приняты во избежание несчастного случая»². На это же обстоятельство обращает внимание Судебная коллегия по уголовным

делам Верховного Суда СССР по делу Г.: «Но суд не указывает, — говорится в определении, — какие же меры предосторожности должен был принять Г.»¹.

Нормы предосторожности регулируют поступок в целом, его внутреннюю и внешнюю сторону. Они обращены к сознанию лица, требуя напряжения психических сил для предвидения возможности наступления общественно-опасных последствий, и накладывают обязательство и на внешнее поведение лица, требуя действия или бездействия для предотвращения возможности наступления этих последствий. Указанные два момента — обязанность напрячь психические силы в определенном направлении и обязанность определенного внешнего поведения — неразрывно связаны друг с другом. Лицо потому обязано предотвратить вред, что оно должно было предвидеть возможность его наступления. И наоборот, лицо потому обязано предвидеть последствия, что оно должно его предотвратить.

Для пояснения этих положений приведем пример из судебной практики: шофер Т., работая в колхозе, поехал в поле за соломой и подъехал вплотную к стогу соломы. Т. не принял никаких мер предосторожности, в результате чего от искры, вылетевшей из выхлопной трубы автомашины, загорелась солома, причем пожаром было уничтожено 50 тонн соломы, а также кузов и задние скаты машины².

Шофер Т. нарушил правило предосторожности, которое запрещает ставить автомашину вплотную к быстро воспламеняющимся предметам. Он не проявил должной предусмотрительности в отношении колхозного имущества, что выразилось как в совершении запрещенного действия, так и в недостаточном напряжении психических сил и вследствие этого — в непредвидении возможности возникновения пожара и повреждения колхозного имущества.

Но на чем основана указанная обязанность предвидения? Она основана на том, что запрещаемое нормой предосторожности действие или бездействие может вызвать общественно-опасные последствия. Указанная связь

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 5, стр. 9—10.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1950 г.» № 5, стр. 18.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1947 г.» вып. VIII, стр. 22.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1949 г.» № 2, стр. 34.

между предписываемым лицу поведением и определенными последствиями делает последние предвидимыми. Эта общая возможность предвидения и лежит в основании долженствования предвидения.

* *
*

Размер требований социалистического правопорядка, предъявляемых советским гражданам относительно предусмотрительности и заботливости, зависит от различных обстоятельств.

Прежде всего, он зависит от степени объективной общественной опасности действия, которая в свою очередь определяется совокупностью целого ряда моментов. Для определения степени общественной опасности действия принимается во внимание как общественная значимость того объекта, которому может быть нанесен вред, так и степень возможности реализации вреда и объем вреда, который может наступить в результате поступка, и т. п.

Иногда запрещается и такой поступок, который содержит сравнительно небольшую вероятность наступления вредного последствия. Чем важнее интерес, которому угрожает данный поступок, или чем больший объем вреда грозит он вызвать, или чем опаснее силы, которые приводятся в движение, и чем труднее управлять ими, тем более строгие требования содержатся в нормах предосторожности. Если, например, речь идет о важных государственных интересах, то нормы предосторожности возлагают обязанность проявления особой предусмотрительности и особого внимания, и малейшая оплошность и халатность будут расценены как тяжкое нарушение долга советского гражданина.

Далее, объективные требования, предъявляемые гражданам относительно предусмотрительности и заботливости, в значительной степени зависят от условий места и времени, в которых совершается поступок. Само собой разумеется, что от врача, производящего операцию в боевой обстановке военного времени, нельзя требовать соблюдения всех тех мер предосторожности, которые предписаны для производства аналогичной операции в спокойных клинических условиях.

Верховный Суд СССР в ряде постановлений и определенных предлагает учитывать всю совокупность внешних, конкретных обстоятельств, характеризующих происшедший случай, запрещая абстрагироваться от его особенностей. Только при этом условии можно установить, соблюдена ли обвиняемым та степень предусмотрительности и внимательности, которую следует ожидать в сложившейся обстановке от лиц, занимающихся данной деятельностью.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 29 марта 1952 г. не согласилась с Верховным судом БССР, прекратившим дело производством в отношении К. и Г., которые были осуждены судом первой инстанции за то, что во время перевозки ими пассажиров через реку Березину лодка перевернулась и пять человек утонуло.

По мнению Коллегии, следовало принять во внимание ряд обстоятельств, относящихся к внешней обстановке, при которой произошло событие: во-первых, что перевозка пассажиров происходила через реку Березину во время ее разлива, во-вторых, что в момент происшествия дул сильный ветер (6—8 баллов) и по заключению эксперта в такую бурю нельзя было перевозить пассажиров без риска для их жизни, в-третьих, что обвиняемые допустили перегруз лодки, в-четвертых, что сейчас же, после отплытия лодки от берега, волны стали ее заливать, и обвиняемые не приняли никаких мер к удалению воды из лодки и не повернули назад к берегу¹. При таких обстоятельствах действия К. и Г., несомненно, носят объективно общественно-опасный и противоправный характер; на их месте другие лица той же профессии и квалификации предвидели бы возможность наступления тяжелых последствий и воздержались бы от перевозки на лодке пассажиров. Обвиняемые нарушили и правила профессии, и правила социалистического общежития, проявив грубую небрежность и недопустимое равнодушие к выполнению своего профессионального и общегражданского долга.

Но если в приведенном случае учесть особую совокупности внешних обстоятельств, которая придает опасный характер социально-полезной и правомерной по общему

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952 г.» № 12, стр. 14—16.

правилу деятельности, обосновывает ответственность за причиненный вред, то может иметь место и обратное, когда благодаря особому стечению внешних обстоятельств нельзя усмотреть проявления невнимательности и непредусмотрительности со стороны лиц, действия которых стоят в связи с наступившим вредом.

В этом отношении заслуживает внимания дело машиниста П. и его помощника А. Они были привлечены к уголовной ответственности по обвинению в том, что, следуя товарным поездом, не следили за впереди лежащим путем и наехали поездом на группу рабочих, вследствие чего пострадало пять человек.

Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР определением от 26 мая 1951 г. отклонила протест заместителя Генерального Прокурора СССР на оправдательный приговор, вынесенный линейным судом по делу П. и А. Свое определение Коллегия основывала на том, что обвиняемые не нарушили правил движения — ехали с дозволенной скоростью, регулярно подавали оповестительные сигналы, а когда поезд догнал следовавший с пониженной скоростью по параллельному пути другой поезд, то усилили подачу сигналов. Коллегия приняла во внимание, что в момент несчастного случая был снегопад и дул ветер обратного направления. Кроме того, пар, дым и завихрения снега от следовавшего по параллельному пути поезда устраняли нормальную видимость для П. и его помощника А. Наконец, обвиняемым не было известно, что на перегоне производится ремонт пути, причем бригадир Х., в нарушение § 12 Инструкции по безопасности при путевых работах, не выставил ограждения¹.

Учитывая особое стечение внешних обстоятельств, связанных с непогодой, а также ряд других моментов, Коллегия правильно признала, что в такой обстановке нельзя стности наступившие тяжелые последствия за счет невнимательности и непредусмотрительности обвиняемых. Хотя их действия и стоят в причинной связи с наступившим вредом, но не являются общественно-опасными и противоправными, обвиняемыми были приняты все меры предосторожности, была соблюдена та степень осмотрительности, которая ожидается от лиц такого же служеб-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1951 г.» № 8, стр. 16—18.

ного положения и равной квалификации в данных конкретных условиях¹.

Степень должной предусмотрительности дифференцируется и в зависимости от служебного и общественного положения, которое занимает лицо. Чем более ответственное служебное или общественное положение занимает лицо, тем более обширен круг его обязанностей, и в соответствии с этим повышается размер предусмотрительности и заботливости, которые от него требуются при отправлении общественной и служебной деятельности.

Само собой разумеется, например, что к человеку, не имеющему специальной медицинской подготовки, нельзя предъявлять таких же требований, какие предъявляются к врачу как представителю ясно очерченной группы лиц, объединенных общностью профессии и имеющих одинаковую квалификацию. Поэтому, если первый сделает не достаточно стерильно перевязку раненому в условиях, когда помощь должна быть оказана неотложно, то в случае гибели раненого от заражения крови это лицо не может нести ответственности за неосторожное убийство. Напротив, в отношении врача, совершившего аналогичное деяние, такая квалификация вполне оправдана, так как врач должен быть знаком с правилами перевязки, и он нарушает свой профессиональный долг, не проявляя ожидаемой от него осмотрительности и заботливости.

На точке зрения такого дифференцированного подхода неуклонно стоит наша судебная практика. Так, по делу Х. и Г., которые обвинялись в том, что, будучи контролерами Центральной сберкассы Сталинского района г. Тбилиси, не обнаружили подложность подписей на расходных ордерах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР указала: «...суд не установил, в какой мере контролеры, не обладающие специаль-

¹ Аналогичными соображениями руководствовалась Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР и по делу М. Коллегия не сочла возможным вменить шоферу М. смерть Х., которая наступила в результате наезда автомашины. Коллегия мотивировала свое определение тем, что обвиняемым не нарушены специальные правила вождения машины, что несчастный случай произошел вечером в условиях темноты, бурана, сильного снегопада и обледенения пути, и что, учитывая непогоду, М. категорически отказывался ехать в рейс, но председатель Степанакертского областного исполкома под угрозой ответственности понудил его к выезду. («Судебная практика Верховного Суда СССР 1946 г.», вып. I, стр. 21).

ными знаниями по распознаванию почерков, имели возможность в данном случае на основе «общего сходства» (согласно инструкции) установить подлинность подписей на расходных ордерах...»¹.

Из приведенной выдержки определения ясно видно, что Коллегия, при установлении ответственности за неосторожность, считает необходимым применять дифференцированный подход, который исключает возможность предъявлять одинаковые требования к лицам, имеющим специальные знания в той или иной области, и к лицам, не обладающим такими знаниями. Применительно к приведенному случаю ответственность была бы вполне обоснована, если бы подложную подпись не сумели установить не просто контролеры сберкасс, а специалисты-графологи.

Таким образом, учет самых различных обстоятельств при установлении размера требуемой правопорядком предусмотрительности и заботливости делает объективный масштаб достаточно гибким и пригодным для потребностей судебной практики.

Применение объективного масштаба на практике не вызывает затруднений, если вредное последствие наступило в результате нарушения специального правила предосторожности, ясно закрепленного в соответствующем постановлении. Так, если машинист по рассеянности проезжает закрытый семафор, и электропоезд терпит крушение от столкновения с другим составом, то тут нарушается именно такое правило движения поездов и технической эксплуатации, которое прямо запрещает данное поведение. Опасность вреда, на устранение которой направлена данная мера предосторожности, однородна с той опасностью, которая содержится в действиях лица, обвиняемого в данном случае в неосторожности. Поэтому для всех очевидно, что машинист не проявил должную предусмотрительность и заботливость, он обязан был предвидеть наступление тяжелых последствий и направить свои усилия в сторону его предотвращения.

Для обоснования существования неосмотрительного поведения в судебной практике часто приводится ссылка на то, что лицо нарушило точно обозначенное правило

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 88.

предосторожности, которое прямо охватывает данный случай.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 12 января 1952 г. при установлении ответственности за столкновение железнодорожного состава с автомашиной ЗИС-5, происшедшее во время производства маневров на железнодорожном пути Комбината производственных предприятий, указала: «Из имеющихся в деле материалов видно, что столкновение железнодорожного состава с автомашиной произошло по вине Т. — шофера автоколонны треста..., который нарушил специальную инструкцию по технике безопасности для водителей автотранспорта треста. Эта инструкция обязывает шоферов автомашин треста во избежание столкновения с поездом при подъезде к неохранным переездам остановиться перед автомашиной и убедиться, что железнодорожный путь свободен. Т. при подъезде к неохранным переездам автомашину не остановил и, не проверив, свободен ли путь, повел автомашину через переезд, в то время как к этому же переезду следовал маневровый состав»¹.

Но иногда и в случаях, когда нарушается только неписаная норма предосторожности, вытекающая из правил социалистического общежития, не вызывает сомнения, что лицо нарушило обязанность предусмотрительности и заботливости по отношению к объектам, которым нанесен вред. Например, народным судом Уксянского района Курской области была осуждена К., которая, работая дояркой в колхозе, 7 мая 1943 г. перенесла из избы горячие угли с целью затопить печь в телятнике. От упавшего угля возник пожар, которым были уничтожены ряд построек на ферме и 6 новорожденных телят². В приведенном случае поведение лица с очевидностью нарушает хотя и неписаное правило обращения с огнем. Лицо обязано было предвидеть возможность наступления общественно-опасных последствий в результате своего легкомысленного поведения.

Сложнее решить вопрос в тех случаях, когда трудно установить существование правила предосторожности, ко-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.», № 5, стр. 9.

² См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 193.

торое следует считать нарушением, или когда правило предосторожности, рассчитанное на типовые ситуации, не охватывает конкретных особенностей происшедшего события.

По делу Р. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 19 апреля 1950 г. признала достоверным показания обвиняемого, который утверждал, что нанес неумышленно смертельное ранение своему сыну — Евгению при следующих обстоятельствах: Евгений затеял драку с одним лицом в комнате, где находился его отец, который в это время чинил карандаш перочинным ножом младшему сыну. Р.-отец вмешался в ссору в то время, когда увидел, что его сын нанес удар кулаком в грудь лицу, с которым дрался, и собирался нанести второй удар. Для того, чтобы не допустить повторного удара, Р. подошел к сыну, забыв, что у него в руке перочинный нож, и схватил его за руку, но в этот момент сын вывернул ему руку, в которой находился перочинный нож, резко потянул на себя, в результате чего была повреждена артерия, и Евгений от обильной потери крови через несколько минут скончался.

Приняв во внимание приведенные обстоятельства, Коллегия признала в деянии Р. признаки неосторожного убийства, «так как Р., схватив сына, имея в руках перочинный нож, должен был предвидеть, что в борьбе с сыном, находящимся в возбужденном состоянии, он произвольным движением мог нанести сыну ранение ножом»¹.

К противоположному выводу пришла Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 30 апреля 1955 г. по делу М. Последний обвинялся в том, что, желая избавиться от пристававшего к нему И., который, будучи в нетрезвом состоянии, облил его пивом и хватал за руку, толкнул И. бывшим у него в руках чемоданом. Не удержавшись на ногах ввиду сильного опьянения, И. упал на асфальт, получив при падении тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни. Коллегия не сочла возможным привлечь М. за неосторожное причинение вреда, так как, по ее мнению, обвиняемый не должен был предвидеть, что от небольшого толчка И., потеряв равновесие, упадет на тротуар и разобьет голову².

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1950 г.» № 7, стр. 28.

² «См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г.» № 4, стр. 9—10.

Но на чем основывалась Коллегия, когда признала в первом случае — по делу Р., — что обвиняемый нарушил обязанность быть предусмотрительным, то есть, что он должен был предвидеть и избежать наступившие тяжелые последствия, и когда во втором случае — по делу М. — не усмотрела нарушения этой обязанности? Ведь не существует писаного или неписаного правила предосторожности, которое регулировало бы такого рода случаи и определяло бы, как следует поступить лицу в подобной обстановке.

При решении данного вопроса, поскольку приведенные случаи не сопряжены со специальной деятельностью, а относятся к сфере бытовых отношений, следует исходить из общих принципов, на которых покоятся правила социалистического общежития. Суд должен руководствоваться тем, какая степень предусмотрительности и заботливости может быть потребована от советского гражданина при этих конкретных условиях, в соответствии с правовым и этическим сознанием, господствующим в социалистическом обществе.

Если же обсуждаемое судом поведение лица, прямо не охватываемое правилами предосторожности, находится в связи с отправлением какой-либо специальной деятельности, то, кроме того, следует принять во внимание общий смысл тех норм предосторожности, которые регулируют эту деятельность.

В обоих случаях обычно прибегают к следующему умозаключению: как поступило бы в аналогичной обстановке лицо той же профессии, равной квалификации, в соответствии с общегражданским, служебным и профессиональным долгом. Если бы такое лицо, которое служит образцом должного поведения, предусмотрело бы возможность наступления общественно-опасных последствий и избегло бы этого, то обвиняемый нарушил требуемую в данном случае меру предусмотрительности и заботливости; напротив, если мысленно поставленное на место обвиняемого лицо тоже не сумело бы этого сделать, то нельзя считать, что обвиняемый нарушил обязанность предвидеть и отклонить наступившие последствия.

* * *

Но теперь возникает вопрос: во всех ли случаях, когда установлено, что лицом нарушена норма предосторожно-

сти, возникшие вредные последствия следует отнести за счет указанного нарушения и инкриминировать их лицу? В буржуазной уголовно-правовой литературе существуют попытки утвердительно ответить на данный вопрос. Так, например, некоторые французские криминалисты считали, что вместе с установлением факта несоблюдения правила предосторожности, содержащегося в полицейских предписаниях, решается и вопрос о вменении лицу наступившего последствия.

По поводу этой точки зрения немецкий криминалист Р. Гиппель писал: «Кто рассуждает так, тот переносит в область учения о неосторожности пресловутое положение *versari in re illicita* после того, как его благополучно изгнали из умысла»¹.

Упрек Гиппеля справедлив. Ведь для ответственности за наступившее последствие важно не только установить противоправный характер поведения лица, нарушившего правила предосторожности, но и то, что именно это нарушение стоит в причинной связи с наступившим последствием. Только при этом условии могут быть ясно намечены пределы ответственности. И было бы недопустимо создавать здесь какие-либо презумпции, которые в отдельных случаях заменили бы действительное существование указанной связи между нарушением правила предосторожности и возникшим вредом. Игнорирование этого момента привело бы к подрыву основных принципов уголовной ответственности.

Вопрос о том, когда существует причинная связь между поведением, нарушившим норму предосторожности и общественно-опасным последствием, не содержит специфических особенностей, и он должен быть решен на основании положений, относящихся к общему учению о причинной связи в советском уголовном праве.

Сохраняет свое значение требование, чтобы действие (или бездействие), нарушающее правило предосторожности, было бы необходимым условием наступившего общественно-опасного последствия. Для этого следует применить метод «мысленного исключения», состоящий в том, что нарушающее норму предосторожности действие, значение которого выясняется, мысленно исклю-

чают из общей причинной цепи явлений. Если таким путем приходят к заключению, что последствие все равно наступило бы, то значит данное нарушение не может быть поставлено в причинную связь с наступившим последствием. И обратное. Если при таком мысленном исключении приходят к выводу, что последствие не наступило бы, то между указанными явлениями причинная связь существует.

Для иллюстрации применения в интересующих нас случаях метода «мысленного исключения», в целях выяснения, является ли нарушение необходимым условием наступившего последствия, приведем определение Водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 9 июня 1951 г. по делу А. и других.

Приговором линейного суда Мурманского бассейна осужденный по ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР третий помощник капитана парохода «Карамзин» А. был признан виновным в том, что, обнаружив встречное судно, не вызвал в рулевую рубку капитана парохода, и приняв решение произвести расхождение со встречным судном и повернув вправо, А. не дал об этом сигнала, в результате чего, по мнению линейного суда, и произошла авария.

Водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР, не согласилась с приговором линейного суда. Исходя из того, что А. были приняты все необходимые меры и никаких других мер капитан судна, если бы его вызвали на капитанский мостик, не мог бы принять, Коллегия пришла к заключению: «Нарушение А. пп. «ж» и «м» ст. 183 Устава службы на судах морфлота СССР, выразившееся в невызове капитана на мостик парохода, не находится в причинной связи с аварией», и последняя произошла благодаря грубому нарушению «трудовой дисциплины старшим штурманом встречного судна Б., который..., вместо того, чтобы принять вправо и разойтись левыми бортами судов, принял влево, в результате чего произошло столкновение судов»¹.

Таким образом, Водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР не признала причиняющего характера за нарушением А., так как путем применения метода «мысленного исключения» пришла к выводу, что это нарушение

¹ R. HippeI, Vorsatz, Fahrlässigkeit, Irrtum, Deutschland Vergleichende Darstellung», B. III, Berlin, 1908, S. 571.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 1, стр. 27—28.

не являлось необходимым условием происшедшего столкновения судов и что авария была причинена в результате грубого нарушения правил движения судов со стороны старшего мичмана встречного судна — Б.

На таком же основании Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР освободила от ответственности шофера Л. В определении Коллегии от 9 ноября 1955 г. говорится, что шофер Л. был осужден Фрунзенским областным судом по ст. 59^{3в} УК РСФСР за причинение смерти гр. А. при следующих обстоятельствах. Во время езды за городом Л. увидел идущую ему навстречу лошадь, запряженную в двухколесную повозку. Во избежание столкновения с повозкой Л. взял правее. Когда автомашина приблизилась к повозке, лошадь испугалась и бросилась вначале к машине, а затем резко повернула вправо, в результате чего повозка стала поперек дороги — в центре шоссе. Л., не сумев остановить машины, задел ее бортом повозку. От удара машины находившийся на повозке гр. А. упал на шоссе и, получив перелом костей основания черепа, скончался. Одним из главных оснований обвинительного приговора послужило то обстоятельство, что Л. выехал в рейс с неисправными тормозами и вследствие этого нарушения не имел возможности вовремя остановить автомашину.

Коллегия отменила приговор в отношении Л. и прекратила дело производством. Основываясь на анализе показаний свидетелей и заключения эксперта, Коллегия пришла к выводу, что «Л., увидев встречную повозку, принял все меры предосторожности, ...но когда лошадь в непосредственной близости от машины испугалась и неожиданно бросилась в сторону машины и резко повернула вправо, то Л. при всем его внимании не мог предотвратить аварию даже при полной исправности тормозов»¹.

Таким образом, Коллегия отвергла наличие причинной связи между нарушением правил движения — выездом в рейс с неисправными тормозами — и наступившими тяжелыми последствиями, исходя из того, что и при отсутствии этого нарушения последствия все равно наступили бы.

Приведенные решения судебных органов явно свидетельствуют о том, что и при ответственности за неосторожность.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г.» № 1, стр. 9—10.

сохраняют полное значение общие принципы ответственности, господствующие в советском уголовном праве, и что, в частности, нельзя довольствоваться фактом нарушения лицом нормы предосторожности, а необходимо установить существование причинной связи между данным нарушением и наступившими общественно-опасными последствиями. Это требование должно быть выполнено при всех обстоятельствах, даже и в том случае, когда нарушенная лицом норма предосторожности рассчитана на предотвращение такого рода вреда, который произошел в действительности.

§ 3. Значение субъективной возможности предвидения общественно-опасных последствий

В предыдущем параграфе было установлено, что строго дифференцированный подход к установлению требуемой социалистическим правопорядком предусмотрительности и заботливости позволяет принять во внимание конкретные особенности единичного случая. Но до каких пределов должна простирается такая дифференциация? Следует ли принимать во внимание при определении меры должной предусмотрительности и заботливости, наряду с внешними обстоятельствами, служебным, общественным положением лица, его квалификацией и т. п., и чисто субъективные моменты, характеризующие физические и психические свойства данного конкретного индивидуума, а также его особое психическое состояние в момент действия?

Как мы видели, некоторые авторы на этот вопрос отвечают положительно. Для сторонников субъективного масштаба размер требуемой предусмотрительности, объем лежащей на лице обязанности, должен, в конечном счете, зависеть от индивидуальных возможностей лица. По их мнению: «Требуемую нашим правом заботливость следует охарактеризовать как максимум предусмотрительности, которую можно потребовать от данного конкретного члена социалистического общества в конкретных условиях места и времени»¹.

Для обоснования этого взгляда некоторые криминалисты ставят вопрос о соотношении, в котором находятся

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, Госюриздат, 1950, стр. 101 (разрядка наша. — В. М.).

понятия «должного» и «субъективно возможного» поведения. Так, например, С. В. Познышев утверждает, что «если субъект мог предвидеть преступный результат, то он и должен был его предвидеть. С другой стороны, долженствование («должен был») предполагает возможность, ибо невозможное не может быть должным»¹.

Аналогичный взгляд на соотношение «должного» и «возможного» развил недавно советский криминалист В. Ф. Кириченко. Упрекая проф. Б. С. Утевского, что он разрывает указанные два момента, В. Ф. Кириченко пишет: «...одним из существенных моментов при определении должного поведения является возможность этого поведения. Лицо только тогда может быть признано обязанным предвидеть определенные последствия, когда имеется возможность этого»².

Такое связывание решения вопроса о существовании определенной обязанности с индивидуальными возможностями лица нам кажется необоснованным.

Формула: «если лицо может, то оно и должно», из которой исходят некоторые авторы, не совместима с правовым принципом, который предполагает ясные и точные требования правопорядка. Применение этой формулы ведет к тому, что пришлось бы привлекать к уголовной ответственности иногда и такое лицо, которое не нарушило никакой писаной или неписаной нормы предосторожности, если, по мнению суда, оно способно употребить особые усилия и проявить повышенную предусмотрительность. Но это препятствовало бы проведению социалистическим государством единой карательной политики в области борьбы с неумышленно причиненным вредом. Суды начали наказывать лиц, поведение которых не носит объективно общественно-опасного и противоправного характера, что, конечно, могло бы подорвать присущие советскому

уголовному правосудию свойства определенности и законности¹.

Какими бы личными качествами ни обладал данный индивид, какая бы необычайная проницательность или сообразительность его ни характеризовала, от него нельзя требовать больше той общеобязательной предусмотрительности, проявление которой ожидается от определенной категории лиц. Это есть та граница, дальше которой не может простираться свои требования социалистический правопорядок относительно предусмотрительности и заботливости и дальше которой не может идти уголовная ответственность. И это понятно. Требования социалистического правопорядка, как бы они ни дифференцировались в зависимости от самых различных моментов, всегда носят абстрактно-объективный характер, так как обращаются не к отдельному индивиду, а к определенной категории или группе лиц. Точно так же, как, например, учебная программа по определенной научной дисциплине одинакова для всего курса и не может меняться в зависимости от индивидуальных особенностей и способностей отдельных студентов, точно также требования социалистического правопорядка относительно проявления предусмотрительности и заботливости не могут быть различными в зависимости от субъективных свойств отдельных лиц, которые занимаются той или иной деятельностью.

Авторы, которые связывают определение меры должной предусмотрительности с индивидуальными возможностями лица, по-видимому, не учитывают, что обязанность предусмотрительности и заботливости, возлагаемая на советских граждан в отношении объектов, охраняемых

¹ В связи с этим, нам кажется неверным положение, которое выставил О. С. Иоффе при обосновании гражданско-правовой ответственности за небрежность: «Поскольку данное конкретное лицо могло соблюсти гораздо более высокие требования, чем те, которые обычно в таких случаях предъявляются, его поведение противоправно...» (Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 151). Впрочем, приведенное положение не согласовано с правильными критическими замечаниями автора по поводу субъективной теории неосторожной вины. Критикуя эту точку зрения, Иоффе замечает: «Вместо общенормативных требований советского закона, обязательными считались бы индивидуальные требования, меняющиеся для каждого участника социалистического гражданского оборота, ни о какой устойчивости которого при этих условиях не могло бы быть и речи» (см. стр. 147, цитированное сочинение, разрядка наша. — В. М.).

¹ С. В. Познышев, Основные начала науки уголовного права, М., 1912, стр. 297.

² В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, М., 1952, стр. 78—79.

Об органической связанности долженствования и субъективной возможности при неосторожности говорит и проф. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1951, стр. 223.

социалистическим правопорядком, является юридической обязанностью. И эту обязанность не следует смешивать с моральным долгом, с которым юридические обязанности в социалистическом обществе, хотя и тесно соприкасаются, но полностью не совпадают. Правда, то, что противоречит советскому праву, всегда упречно и с точки зрения социалистической нравственности, но не все то, что получает моральное осуждение, нарушает нормы права. Поэтому, если нормы нравственности действительно обязывают советских людей проявлять максимум предусмотрительности и заботливости, на которые способен данный конкретный человек социалистического общества при полном напряжении своих духовных и физических сил, то такое же требование не может и не должно предъявлять право, в особенности уголовное право, с нарушением запретов и велений которого связано государственное принуждение в виде наказания. Закон не может требовать от граждан в каждый момент их деятельности предельного напряжения их сил и способностей и угрожать в случае отсутствия этого крайнего напряжения наказанием. Это обрекло бы граждан на полную бездеятельность и привело бы к подавлению творческой инициативы.

Критикуемый взгляд встретил бы большие затруднения и при осуществлении его на практике. Перед судебными и следственными органами в каждом отдельном случае обвинения в причинении вреда по неосторожности стояла бы сложная задача: не довольствоваться установлением, выполнил или нет обвиняемый меру предусмотрительности, которая ожидается в данных условиях от лиц равной профессии, квалификации и т. п., в соответствии с объективными требованиями правопорядка, а выяснить еще дополнительно: действовал ли данный обвиняемый с полным напряжением своих сил и способностей, проявил ли он в данном случае максимальную меру предусмотрительности, на которую вообще способен. Для этого потребовалось бы всестороннее и тщательное исследование всех потенциальных сил и возможностей лица, что, конечно, оказалось бы непосильным бременем для следственных и судебных органов.

Судебная практика не может и, действительно, не идет по указанному пути. Какой советский судья или прокурор поставит вопрос о том, обладал ли обвиняемый такими личными свойствами, которые давали возможность под-

няться над обычным уровнем, проявить исключительную проницательность и избежать наступления вредного последствия, если только он принял все меры предосторожности, диктуемые писаными или неписаными нормами безопасности. Нельзя привести ни одного постановления или определения высших судебных органов, которое содержало хотя бы отдаленный след такой постановки вопроса. Напротив, можно привести немало решений Верховного Суда СССР, на основании которых прекращались дела в отношении лиц, выполнивших общеобязательную предусмотрительность.

Так, Верховный Суд СССР освобождает от ответственности лиц, которые, хотя и причинили общественно-опасные последствия, но в то же время своими действиями не нарушили правил предосторожности, регулирующих данную деятельность. Дежурный по станции Б. был осужден линейным судом Сталинской ж. д. за то, что он, не проверив предварительно места нахождения уже отправленного поезда, выпустил со станции под красный семафор другой поезд, в результате чего произошло столкновение составов. Пленум Верховного Суда СССР, прекращая дело в отношении Б., в хорошо мотивированном постановлении от 25 апреля 1939 г. дал тщательный анализ его действий с точки зрения соблюдения специальных норм предосторожности: «Таким образом, — говорится в постановлении Пленума, — Б. в точности выполнил все указания правил технической эксплуатации и инструкции по движению поездов, требовавшиеся при создавшемся положении»¹.

Кроме того, можно привести ряд постановлений и определений Верховного Суда СССР, в которых говорится, что за несчастный случай не может нести ответственности

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР» (1938 года и первое полугодие 1939 года) Юриздат НКЮ СССР, М., 1940. стр. 55.

Точно так же в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 12 января 1952 г. по делу Л. особенно подчеркивается невозможность вменения происшедшего столкновения железнодорожного состава с автоматической составителю Л., который действовал в соответствии с требованиями Правил технической эксплуатации и Инструкции по технике личной безопасности для составителей и сцепщиков службы движения («Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 5, стр. 8—9).

лицо, со своей стороны принявшее все меры предосторожности¹.

Эти постановления и определения Верховного Суда СССР наглядно свидетельствуют о том, что решение вопроса, проявлена ли лицом или нет должная предусмотрительность и заботливость, зависит от объективно предьявляемых правопорядком требований к определенной категории лиц, с принятием во внимание сложившейся конкретной обстановки, в которой было совершено рассматриваемое деяние. И никому не приходит в голову ставить вопрос о субъективной возможности лица, в соответствии с присущими ему свойствами, подняться выше общеобязательной предусмотрительности и таким путем предотвратить наступление вреда.

Вызывает сомнение и другое положение, выдвигаемое сторонниками рассматриваемого взгляда, что обязанность проявить предусмотрительность и заботливость отпадает в тех случаях, когда лицо, благодаря личным свойствам или особому психическому состоянию в момент совершения действия, лишено было возможности выполнить эту обязанность.

Комментируя ст. 10 УК РСФСР в части, касающейся определения преступной небрежности, проф. А. Н. Трайнин пишет, что «закон дол г предвидения последствий возлагает лишь на того, кто м о г их предвидеть»². Этому же взгляду придерживается В. Ф. Кириченко, по мнению которого, «если лицо не могло предвидеть последствий, оно в данном конкретном случае и не должно было их предвидеть»³.

¹ См., например, постановление Пленума от 8 марта 1939 г. по делу К. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР» (1938 года и первое полугодие 1939 года), Юриздат НКЮ СССР; М., 49. Определение судебной коллегии Верховного Суда СССР от 8 мая 1946 г. по делу Г. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1946 г.», вып. VI, М., стр. 22.

² А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, стр. 223 (разрядка автора). Из высказываний автора видно, что он предлагает пользоваться субъективным критерием и, следовательно, отказывается от защищаемого им ранее объективного критерия при определении ответственности за неосторожность.

³ В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, стр. 79.

Аналогичный взгляд развивает А. С. Никифоров, «Основные вопросы уголовной ответственности за преступление, совершенное по небрежности», Ученые записки ВИОН, вып. I, Госюриздат, 1955, стр. 173.

Такая конструкция нам кажется недостаточно точной. Невозможность выполнения указанной обязанности по субъективным основаниям отнюдь не означает, что обязанность отпала и что лицо не совершает правонарушительного действия. Ведь лицо не соблюдает общеобязательной предусмотрительности, — следовательно, его поведение нарушает требования правопорядка и является объективно общественно-опасным и противоправным.

Приведем пример из судебной практики. Б. обвинялась в том, что, будучи весовщиком товарного двора ст. Вологда, в нарушение инструкции допустила отправку двух вагонов моркови навалом, тогда как этот продукт должен грузиться только в таре, в результате чего овощ не годился к употреблению. В то же время из материалов дела видно, что Б. не была ознакомлена с инструкцией и свежие овощи грузились всегда навалом¹.

Несомненно, что на Б. лежала обязанность отправлять свежие овощи в таре и она не проявила требуемой заботливости, отправив морковь навалом, поэтому ее действие, нарушившее требование инструкции и причинившее ущерб, является противоправным.

Другое дело, следует ли Б. за это нарушение привлекать к уголовной ответственности, поскольку установлено, что она по вине определенных лиц не была ознакомлена с инструкцией и, следовательно, не знала о лежащих на ней обязанностях. В данном случае лицо не сознает, что поступает вопреки долгу, оно извинительно заблуждается относительно свойств своего поступка.

Таким образом, не всякое лицо, противоправно причинившее вред охраняемому законом объектам, заслуживает упрека, является виновным в совершенном деянии.

Иначе решается вопрос, как мы видели, с точки зрения защитников одностороннего применения объективного масштаба. Строго говоря, они исходят из неопровержимой презумпции, что если лицо должно было предвидеть наступление данного последствия, то оно и могло это сделать. Недопустимость такой постановки вопроса не вызывает сомнений. При обосновании уголовной ответственности не может быть места такого рода презумпциям. Советское правосудие, которое опирается на принципы

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1949 г.», № 6, стр. 35.

справедливости и гуманности, не может игнорировать обстоятельства, относящихся к личности обвиняемого, которые лишают его возможности выполнить определенные требования правопорядка.

Социалистическое уголовное право считает, что лицо подлежит уголовной ответственности за неосторожный поступок только в том случае, когда ему может быть сделан упрек в предосудительности его поведения, а это в свою очередь допустимо лишь тогда, когда данное лицо обладало реальной возможностью предусмотреть причиненный его действием (или бездействием) вред, но не использовало эту возможность вследствие легкомыслия, небрежности или равнодушного отношения к охраняемым правопорядком объектам или же вследствие недопустимой недооценки опасного характера своей деятельности. Напротив, не подлежит уголовной ответственности лицо, которое вследствие лично присущих ему физических и психических качеств или вследствие особого состояния в момент совершения поступка не могло проявить требуемую от него предусмотрительность, не могло предвидеть и предотвратить наступление общественно-опасных последствий.

Такой взгляд на ответственность за неумышленно причиненный вред соответствует нравственным представлениям, господствующим в социалистическом обществе. Противоречит нормам социалистической морали осуждение и порицание лица, если существуют обстоятельства, которые лишают его возможности выполнить обязанности, вытекающие из требований правопорядка.

Здесь невольно напрашивается параллель. Как лицо не подлежит ответственности за совершенное общественно-опасное деяние ни с правовой, ни с нравственной точек зрения, если оно не может понимать свойства и значения им совершаемого или руководить своими поступками, точно так же должно быть освобождено от ответственности и такое лицо, которое хотя вообще и обладает способностью выполнять свой долг, но в данном случае не может избежать нарушения лежащих на нем обязанностей относительно предусмотрительности и заботливости.

Таким образом, свойства и особенности, присущие данному конкретному лицу, его силы и возможности должны приниматься во внимание при установлении уголовной ответственности за преступления, совершенные по

небрежности. Иначе эта ответственность не будет основана на вине, которая содержит осуждение и порицание лица с точки зрения социалистического правопорядка и коммунистической нравственности.

Но значит ли это, что на практике в каждом отдельном случае для обоснования обвинения в причинении вреда по неосторожности должно быть особо доказано отсутствие субъективных обстоятельств, препятствующих лицу выполнить ожидаемую от него предусмотрительность и заботливость? Нет, не означает. В подавляющем большинстве случаев вместе с доказательством того, что лицо должно было предвидеть и предотвратить наступление вредного результата, устанавливается и субъективная возможность сделать это. Такое совпадение объясняется тем, что требования правопорядка, обращенные к определенной категории лиц относительно проявления предусмотрительности и заботливости, устанавливаются из расчета, что они могут быть выполнены указанными лицами. И только в исключительных случаях, когда существуют извинительные обстоятельства, лишившие обвиняемого возможности проявить должную предусмотрительность, этот момент делается предметом самостоятельного рассмотрения суда.

Точно так же, как вопрос о виновности обвиняемого исследуется не при рассмотрении каждого преступления, а лишь тогда, когда возникает разумное сомнение относительно полноценности психики данного субъекта, точно так же и вопрос о субъективной возможности осуществления обязанности быть предусмотрительным будет ставиться не всегда, а лишь в редких случаях, при возникновении обоснованных сомнений. Конечно, такое исследование в отдельных случаях может встретить известные трудности. Но ведь никто не предлагает отказаться от понятия виновности и презюмировать всех психически здоровыми и ответственными на том основании, что в отдельных случаях бывает трудно установить границы этого понятия.

Советская судебная практика в рассматриваемом вопросе стоит на правильном пути. Она принимает во внимание обоснованные ссылки обвиняемого на существование обстоятельств, свидетельствующих о его субъективной неспособности проявить ту предусмотрительность, которая требовалась от него в данном случае социалистическим

правопорядком. Верховный Суд СССР в ряде постановлений и определений не признавал вины и освобождал от уголовной ответственности лиц, которые не смогли проявить должную предусмотрительность вследствие особого физического или психического состояния в момент действия или вследствие присущих им вообще индивидуальных свойств.

Различные моменты, характеризующие психическое состояние лица, могут приниматься во внимание при решении вопроса, произошло ли причинение вреда по преступной небрежности или нет. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 7 июня 1939 г. по делу Ж. подчеркивается, что обвиняемый, по не зависящим от него обстоятельствам, находился в состоянии крайнего переутомления и усталости. «Суд, — говорится в этом постановлении, — не учел, что Ж. иногда дежурил целые сутки без смены и от переутомления во время ночного дежурства у него могли иметь место отдельные ошибки в работе»¹. Этот же момент учтен и в определении Военной водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР по делу К. В определении указано, что К. находился на вахте без смены в течение трех суток. Не имея отдыха, он от усталости на вахте около машин засыпал и потому допустил расплавление подшипника и выпадение ручки сектора. «При наличии этих обстоятельств, — говорится в определении, — суд вместо того чтобы выяснить виновников, которые допустили ненормальные условия работы К., неосновательно привлек его к уголовной ответственности...»²

В обоих приведенных случаях Верховный Суд СССР признал неправильным вменять в вину наступившие общественно-опасные последствия, которые лицо хотя и должно было предвидеть и предотвратить, но по личному состоянию не могло этого сделать.

К числу обстоятельств, характеризующих субъективные особенности лица, которые следует принимать во внимание при решении вопроса об ответственности за неосторож-

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР» (за 1938 год и первое полугодие 1939 года), Юриздат НКЮ СССР, М., 1940, стр. 68—69.

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР 1944 г.». Юриздат, 1948, стр. 154.

ность, относятся отдельные физические недостатки (близорукость, глухота и т. п.) и общее болезненное состояние субъекта. Так, приговором линейного суда машинист М. был признан виновным в том, что, ведя пассажирский поезд, он проехал закрытый семафор станции Глубокая. Материалами дела устанавливалось, что М. в то время по состоянию здоровья не был пригоден к должности машиниста, но несмотря на это администрация оставила его на указанной работе, и что проезд закрытого семафора явился результатом его болезненного состояния. Учитывая это, Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 8 июня 1939 г. приговор линейного суда по данному делу отменил и машиниста М. от уголовной ответственности освободил¹.

Лицо может не проявить должную предусмотрительность и заботливость при исполнении служебных и общественных обязанностей вследствие низкого уровня развития и малограмотности. На этом основании Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 19 января 1944 г. прекратила производством дело в отношении буфетчицы столовой С., обвинявшейся в халатном отношении к исполнению своих служебных обязанностей, указав, что С. вследствие своей малограмотности не подходила для занятия должности материально-ответственного лица и что наступившие последствия не могут рассматриваться как результат ее вины, хотя бы и неосторожной. «В данном же случае, — говорится в определении, — по делу не доказано, что С. — малограмотный человек, незнакомый со всеми требованиями отчетности, ставшая жертвой преступных действий З., признанного виновным в незаконном получении из столовой хлеба, предвидела или могла предвидеть последствия своих действий»².

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР» (1938 год и первое полугодие 1939 года), Юриздат, 1940, стр. 69.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1944 г.», вып. IV, стр. 12.

Аналогичной точки зрения придерживается Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР по делу М. Освобождая М. от уголовной ответственности за халатное отношение к возложенным на него обязанностям, Коллегия обращает внимание суда первой инстанции, что инкриминируемые М. упущения были вызваны его «несознательностью» («Судебная практика Верховного Суда СССР 1945 г.», вып. VIII, Юриздат, 1947, стр. 8).

В судебной практике имеют место случаи освобождения от уголовной ответственности лиц, которые не проявили должной предусмотрительности вследствие недостатка требуемых знаний или отсутствия надлежащего опыта. Было бы, конечно, неправильно думать, что во всех случаях, когда в силу отсутствия соответствующих знаний и опыта лицо не проявляет требуемую предусмотрительность, оно должно быть освобождено от ответственности. Освобождение от ответственности может иметь место тогда, когда недостаток требуемых знаний и опыта нельзя поставить лицу в упрек, когда оно является добросовестным работником и не сумело приобрести надлежащие знания и опыт по независящим от него обстоятельствам.

Так, в определении Военной водно-транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 22 февраля 1944 г. сказано, что приговор в отношении Н., который допустил смещение кольца и расплавление подшипника и разбил чугунную планшайбу, должен быть отменен, так как из материалов дела и, в частности, из заключения экспертизы видно, что Н. был добросовестным, но явно неопытным работником и только по своей неопытности допустил наступление указанных последствий¹.

Аналогичные соображения приводятся и в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 22 декабря 1954 г. по делу Г. Отменяя приговор и прекращая производством дело в отношении Г., причинившей ущерб, Коллегия мотивирует свое определение тем, что Г. до поступления на работу в качестве буфетчицы работала слесарем и, не имея опыта в торговле, исполняла обязанности буфетчицы менее двух месяцев².

Ясным примером освобождения от ответственности за наступивший вред ввиду отсутствия у обвиняемых, по вине других лиц, соответствующих знаний, является постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 ноября 1939 г.

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 г.», Юриздат, 1948, стр. 144.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г.» № 2, стр. 19—20.

См. также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 6 января 1943 г. по делу П. («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 74—75).

по делу Е. и Д. Бригадир пути Е. и путевой обходчик Д. были признаны виновными в том, что вследствие халатного отношения к своим обязанностям они не обнаружили дефектного рельса, в результате чего произошел излом этого рельса под движущимся составом поезда. Пленум не согласился с приговором линейного суда. В своем постановлении Пленум указывает, что внутреннюю трещину рельса могли обнаружить только лица, прошедшие специальную подготовку. Между тем из дела видно, что ни начальник дистанции пути, ни дорожный мастер никакого инструктирования бригадиров пути и путевых обходчиков о порядке и методах обнаружения подобного рода дефектов в рельсах не производили, специальной инструкции НКПС по этому вопросу с бригадирами и путевыми обходчиками не проработали. При этих условиях, по мнению Пленума, бригадир Д. и обходчик Е. не могут считаться виновными в том, что они не обнаружили дефектного рельса¹.

Иначе следует решать те случаи, когда лицо принимается за какое-либо дело без достаточных знаний и опыта. Сознывая свои недостатки, оно может представлять, что благодаря им могут наступить общественно-опасные последствия. В этих случаях лицо в свое оправдание не вправе ссылаться на существование обстоятельств, препятствующих проявлению требуемой предусмотрительности. Лицо осуждается за то, что берется за дело, с которым заведомо для себя не может справиться. Оно должно нести ответственность за все общественно-опасные последствия, связанные с данной деятельностью, которые могут предвидеться.

Это положение относится в первую голову к лицам, возглавляющим учреждения, предприятия и организации или руководящим большими участками работы, которые по беспечности или равнодушию к исполнению своих обязанностей не позаботились приобрести необходимые знания и нанесли серьезный ущерб порученному им делу.

Вина обоснована, независимо от служебного или общественного положения, занимаемого лицом, и характера наступивших последствий, в тех случаях, если в процессе

¹ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР» (второе полугодие 1939 года), Юриздат, 1941, стр. 29—30.

производимой работы лицо могло приобрести необходимые знания и опыт и не сделало это лишь благодаря недопустимому равнодушию и беспечности к своим служебным или другим обязанностям. При этих условиях ссылка обвиняемого на то, что он не проявил требуемой предусмотрительности и заботливости, ввиду отсутствия соответствующего знания и опыта, не может приниматься во внимание.

* * *

Рассмотрение материалов судебной практики дало возможность выяснить, какое значение для уголовной ответственности за неосторожность имеют, с одной стороны, объективные общенормативные требования социалистического правопорядка относительно предусмотрительности и заботливости, а с другой стороны, субъективная способность данного конкретного лица выполнить указанные требования правопорядка.

Мы пришли к заключению, что оба эти момента имеют равноценное значение и нельзя односторонне пользоваться объективным или субъективным масштабом. Каждый из этих моментов необходим при обсуждении неосторожного поступка, а потому они не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Объективные требования правопорядка ясно определяют содержание и объем обязанности быть предусмотрительным и тем самым намечают предел, дальше которого не может идти уголовная ответственность за неумышленное причинение вреда. С помощью субъективного критерия устанавливаются те конкретные элементы в личном состоянии лица, которые свидетельствуют о его возможности предвидеть и предотвратить наступление определенных последствий и которые дают основания для осуждения и порицания лица с точки зрения социалистического права и коммунистической нравственности.

Таким образом, мы приходим к следующему окончательному выводу: при установлении уголовной ответственности за неосторожность следует одновременно руководствоваться и объективным, и субъективным критериями, которые отражают тесно связанные, но различные моменты, обосновывающие ответственность — объективную общественную опасность, противоправность деяния и вину лица в совершенном запрещенном деянии.

Глава четвертая

СОДЕРЖАНИЕ ПСИХИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ ЛИЦА К ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОМУ ДЕЯНИЮ ПРИ НЕОСТОРОЖНОЙ ВИНЕ

§ 1. Возможность предвидения фактической стороны деяния

Психическое отношение лица к общественно-опасному деянию, как мы видели, характеризует и неосторожную вину. Однако следует уточнить, какие именно моменты преступного деяния должны быть предметом возможного предвидения субъекта при неосторожности. В этом отношении неосторожная вина не отличается от умышленной. Те же обстоятельства, которые охватываются предвидением лица при умысле, составляют предмет возможного предвидения при неосторожности. Этими моментами являются: 1) фактическая сторона предусмотренного законом деяния и 2) общественная значимость совершенного деяния.

К фактической стороне деяния относятся само действие или бездействие, последствие, причинная связь между ними, а также другие признаки, относящиеся к объективной стороне состава преступления.

Определяя понятие неосторожной вины, советское уголовное законодательство указывает, что неосторожно действует тот, кто не предвидит последствий своих поступков, хотя и должен был предвидеть их или легкомысленно надеялся предотвратить такие последствия

(ст. 10 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик).

В каком же смысле следует понимать понятие последствия преступного деяния?

Некоторые советские криминалисты понимают понятие последствия в уголовном праве слишком узко, а именно, в смысле материального вреда, причиненного объекту посягательства. В соответствии с этим принято делить преступления на материальные и формальные: «Те преступления, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава преступления самый факт совершения человеком действия или бездействия, независимо от дальнейших последствий, вызванных им во внешнем мире, принято называть формальными преступлениями... Те преступления, в которых уголовный закон для наличия объективной стороны состава преступления требует наступления в результате действия или бездействия определенных вредных последствий, принято называть материальными преступлениями...»¹.

Такое узкое понимание последствия, как правильно отметил проф. А. Н. Трайнин, не может быть согласовано с определением форм вины, даваемым в уголовных кодексах союзных республик. Определяя формы вины и указывая, что при умысле имеется предвидение общественно-опасных последствий своих действий, а при неосторожности — возможность предвидения таких последствий, закон не может понимать понятие последствия в узком смысле как причинение материального вреда объекту посягательства. В противном случае пришлось бы признать, что вина может существовать лишь при так называемых материальных деликтах². Причиной утверждения, что последнее означает лишь нанесение материального вреда объектам, является то, что наличие ущерба правовому благу легко уловимо в тех случаях, когда оно имеет материальный характер. В тех же случаях, когда оно не имеет материального характера (например, в преступлениях против чести, против авторитета власти и т. п.), последствие выступает не так отчетливо, хотя и тут оно с необходимостью предполагается. Проф. А. Н. Трайнин обосновал недостаточ-

¹ «Советское уголовное право». Общая часть, Госюриздат, М., 1952, стр. 184—185.

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1951, стр. 197.

ность такого узкого понимания последствия и указал на наличие последствия в широком смысле слова при всех преступных деяниях. Он не без основания считает, что «последствиями должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но и факты, относящиеся к сфере политической, психической, моральной»¹. Такое широкое понимание последствия проф. А. Н. Трайнин связывает с пониманием объекта преступления как социалистического общественного отношения. Всякое преступление в советском государстве посягает на определенное социалистическое общественное отношение. Следовательно, осуществление любого состава преступления означает нанесение ущерба этому общественному отношению².

Такое же широкое понимание последствия обосновывается в трудах криминалистов Германской Демократической Республики. Так, по мнению И. Реннеберга, поскольку с преступным действием или бездействием с необходимостью связано расстройство, дезорганизация или уничтожение конкретных общественных отношений, постольку «общим для всех преступлений общественно-опасным последствием является нанесение вреда объекту преступления»³.

Отсюда последовательно вытекает, что в каждом отдельном случае совершения конкретного преступления обычно не требуется специального доказательства того, что преступление повлекло за собой последствие в широком смысле слова, то есть, что действительно имеет место нарушение какого-либо социалистического общественного отношения. Вместе с установлением того, что действие лица соответствует признакам состава преступления, описанного в законе, устанавливается и нанесение вреда определенному общественному отношению, защищаемому уголовным правом. Исходя из такого широкого понимания последствия Уголовный кодекс Народно-демократической республики Чехословакии постановляет: «Под последствием, предусмотренным законом, понимается совокуп-

¹ А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1951, стр. 194.

² Там же, стр. 189—195.

³ I. Renneberg, Die objective Seite des Verbrechens, Berlin, 1955, S. 21.

ность признаков преступного деяния, предусмотренных в Особенной части, за исключением вины» (§ 75 п. 3).

Однако наряду с таким широким пониманием последствия преступления в уголовном праве сохраняет свое значение и более узкое его понимание. Социалистические общественные отношения нередко находят свое воплощение в определенных материальных предметах, а посягательство на социалистические общественные отношения нередко осуществляется путем нанесения определенного вреда именно этому материальному предмету или личности как носителю этих общественных отношений. Поэтому установленный законом состав преступления нередко предусматривает в качестве самостоятельного признака состава нанесение определенного вреда предмету посягательства как особое последствие преступления. В этом случае последствие понимается в узком смысле слова.

В связи с существованием понятия последствия в узком смысле слова сохраняет свое значение деление преступлений на так называемые формальные и материальные или, как их иначе называют, на простые деликты содеяния и результативные деликты. Формальные деликты имеют место тогда, когда состав преступления не предусматривает особо последствия деяния, а указывает лишь само действие или бездействие. «Результативными деликтами, — отмечает И. Реннеберг, — являются преступления, при которых объекту наносится вред путем осуществления совершенно определенного повреждения предмета преступления, и это общественно-опасное последствие обозначено в законе как особый признак преступления»¹. Само собой понятно, что при результативных преступлениях наличие последствия надо устанавливать в каждом отдельном случае, так же, как и причинную связь между действием (бездействием) и наступившим последствием.

Вследствие того, что в уголовном праве существует как широкое понимание последствия, так и узкое, возникает вопрос: что подразумевает закон под последствиями, когда он говорит о возможности предвидеть последствие при неосторожности — последствие в широком смысле слова или последствие в узком смысле?

Решение этого вопроса должно быть различным в отношении преступной самонадеянности и в отношении пре-

¹ J. Renneberg, Die objective Seite des Verbrechens, Berlin 1955, S. 29.

ступной небрежности. Преступная самонадеянность по самой своей сущности возможна лишь при таких преступных деяниях, в которых имеется последствие в узком смысле слова, так как при этой форме вины лицо, предвидя возможность наступления вреда, рассчитывает отклонить этот вред¹. Что же касается преступной небрежности, то хотя по общему правилу она наказывается в тех случаях, когда состав преступления предусматривает последствие в узком смысле, но не исключена возможность ее наказуемости и в тех случаях, когда законом в качестве последствия предусматривается не действительное причинение вреда, а лишь создание опасности для правоохраненного блага. Такова, например, ч. 1 ст. 108¹ УК РСФСР, предусматривающая «нарушение технического режима, производственно-технической дисциплины или условий работы, обеспечивающих безопасность производства, а также курение, появление в пьяном виде или сон на производстве во взрывоопасных цехах». Это преступление может быть совершено и без сознания лицом того обстоятельства, что им нарушаются нормы технического режима, производственно-технической дисциплины и других предписаний, обеспечивающих безопасность производства. Лицо будет наказано, если оно могло и должно было сознавать, что своим действием нарушает указанные меры безопасности.

При так называемых «материальных» преступлениях для неосторожности необходимо, чтобы лицо имело возможность предвидеть причинную связь между своим поступком (действием или бездействием) и наступившим преступным последствием. При этом не требуется, чтобы лицо могло предвидеть все, без исключения, конкретные звенья развития причинной цепи, а достаточно, если оно могло предвидеть ее развитие в общих, основных чертах.

¹ На это обстоятельство было обращено внимание составителями проекта Уголовного Уложения 1903 г., которые писали: «Комиссия полагает, что этот вид неосторожности (имеется в виду *luxuria*. — В. М.), как и не прямой умысел, может иметь значение только при тех содеяниях или бездействии, для преступности коих требуется наличие известного последствия; там же, где воспрещается самое содеяние или бездействие, по мнению Комиссии, практически возможны только или прямое желание их учинения, или же непредвидение их наступления». (Уголовное Уложение. Проект Редакционной Комиссии и объяснения к нему, т. I, С.-Петербург, 1897, стр. 406); также Н. С. Таганцев, Русское уголовное право. Лекции, С.-Петербург, 1902, стр. 624.

При отсутствии такой возможности предвидения действия лица не имеет виновного характера, а является «случаем», не влекущим за собой уголовной ответственности. Это положение твердо усвоено нашей судебной практикой.

В этом отношении представляет интерес дело Л. Как было установлено материалами по делу, в ночь с 7 на 8 июня 1953 г. начальник отдела по надзору за органами милиции прокуратуры Сумской области Л., проходя по улице имени Ленина г. Сумы, встретил гр. С. с группой его товарищей. Все они были в нетрезвом состоянии, приставали к прохожим, нанося им оскорбления и побои. Л. потребовал от них, чтобы они прекратили хулиганство. В ответ на это С. нанес Л. несколько ударов пряжкой ремня. В целях прекращения хулиганства и задержания хулиганов Л. и находившийся на улице гр. С-к разыскали постового милиционера Ш. и вместе с ним на дежурной автомашине милиции «ГАЗ-АА» выехали к месту нахождения группы хулиганов. При этом Л. стоял на правом крыле автомашины. Подъезжая к месту происшествия, Л. на ходу привел в боевую готовность свой пистолет и крикнул убегающим хулиганам: «Стойте!» Шофер Ф., полагая, что этот окрик относится к нему, резко затормозил автомашину. Вследствие этого Л., потеряв равновесие, упал с крыла автомашины и при падении непроизвольно нажал на спусковой крючок пистолета. Произошел выстрел, которым был тяжело ранен С.¹

Развитие причинной связи в данном случае носило такой необычный характер, что о возможности предвидения общественно-опасного последствия не может быть речи. Л. не мог предвидеть ни того, что его окрик «Стойте», обычный при таких обстоятельствах, шофер отнесет к себе и резко затормозит машину, ни того, что он упадет и вследствие этого непроизвольно нажмет курок пистолета, от которого произойдет выстрел и последует тяжелое ранение С. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 августа 1954 г. правильно указала, что «в действиях Л. нет состава преступления, а имеет место случай»².

Аналогичная точка зрения проводится Верховным Судом СССР и по делу Р. Обстоятельства этого дела заключаются в следующем. Во время охоты на диких кабанов, когда часть охотников выгнала кабанов на охраняемую Р. тропу, Р. выстрелил в бежавшего на него подсынка, но пуля ударилась о землю, рикошетировала и ранила в живот Я., который появился неожиданно для Р. При этом, по показанию свидетелей, пуля от выстрела Р. попала рикошетом в патронташ Я., и последний был ранен пулей, взорвавшейся в его патронташе¹.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 11 июня 1952 г. сформулировала по этому делу положение, имеющее большое принципиальное значение. «Если признать, — говорится в этом определении, — что показания свидетелей, потерпевшего Я. и осужденного Р. соответствуют фактическим обстоятельствам ранения Я., то тогда в действиях Р. отсутствует преступная небрежность или преступная самонадеянность, так как Р. не предвидел и по обстоятельствам дела не мог предвидеть, что Я. неожиданно появится там, где он не должен был быть, и что пуля, ударившись о землю, рикошетом попадет в Я.»².

Действие, находящееся в причинной связи с наступившим преступным последствием, не может быть вменено и в тех случаях, когда наступление общественно-опасного последствия было обусловлено особыми свойствами потерпевшего, предвидеть которые обвиняемый не мог.

В этом отношении поучительно дело П. Последний был признан виновным в том, что он 1 мая 1950 г., проезжая на подводе по одной из улиц г. Акмолинска, сделал крутой поворот и наехал на игравшую на дороге девочку К., которая при этом получила повреждения в область головы. К. была доставлена в больницу, где 18 мая 1950 г. скончалась³. Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что «смерть К. наступила от гнойного воспаления мягкой мозговой оболочки, что организм девочки находился в выраженной степени истощения, вызванного только что перенесенной болезнью, что это, безусловно,

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1955 г.» № 1, стр. 7—8.

² Там же, стр. 8.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 9, стр. 14—16.

² Там же, стр. 15.

³ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 1, стр. 27—28.

снижало сопротивляемость организма к инфекционному процессу. В результате этого незначительные повреждения мягких тканей лица от столкновения с подводой явились источником заражения всего организма. Вышеуказанные телесные повреждения при отсутствии инфекции повлекли бы легкие телесные повреждения без расстройства здоровья»¹. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 27 июня 1951 г. указала, что в действиях П. не содержатся признаки ст. 139 (неосторожное убийство), а лишь признаки ч. 2 ст. 143 УК РСФСР (легкое телесное повреждение без расстройства здоровья). Такое определение Коллегии мотивировано тем, что «поскольку неосторожными действиями П. потерпевшей К. нанесены легкие телесные повреждения, а смерть девочки наступила от инфекционного процесса, вспыхнувшего в связи с ранее перенесенной ею болезнью, то причинная связь между действиями осужденного и наступившими последствиями — смерть К. — отсутствует»².

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР в резолютивной части, безусловно, правильно. Однако вряд ли можно согласиться с мнением Коллегии, что причинная связь между неосторожным действием П. и смертью К. отсутствует.

Анализируя этот случай, В. Н. Кудрявцев справедливо указывает, что «именно наезд на девочку и нанесение ей телесных повреждений вызвали инфекцию, которая привела к гибели ребенка»³. То обстоятельство, что развитие причинной связи приняло своеобразный характер вследствие общей слабости организма ребенка, не может служить основанием к отрицанию причинной связи между

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1952 г.» № 1, стр. 28.

² Там же.

³ В. Н. Кудрявцев, Ответственность за причинение вредных последствий по советскому уголовному праву. М., 1953, стр. 43. К такому выводу должны прийти даже представители теории «необходимого причинения», по мнению которых уголовная ответственность может быть связана лишь с необходимыми последствиями действий лица. Так, один из главных представителей этой теории проф. А. А. Пионтковский пишет: «Наступивший результат является необходимым последствием совершенного действия..., когда смерть потерпевшего наступила от сравнительно легкого удара, вследствие перенесенной им недавно мозговой болезни» (см. Уголовное право. Часть общая, ВИЮН, Юриздат, 1948, стр. 304).

ударом в голову и наступившей смертью. Тем не менее наступивший общественно-опасный результат не может быть вменен в вину П., который не знал об особенностях организма потерпевшей, не предвидел и не мог предвидеть наступления смерти. Таким образом, основание невменения П. смерти потерпевшей К., как правильно замечает В. Н. Кудрявцев, «заключается не в отсутствии причинной связи, а в отсутствии вины»¹.

Напротив, если наступлению общественно-опасного последствия способствовали такие свойства организма потерпевшего, о существовании которых обвиняемому было известно, то последствие может быть вменено как причиненное по неосторожности.

Так, по известному делу Е., которая ударила пятилетнего Женю С. рукой по голове, в результате чего ребенок умер от перелома обеих теменных костей с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку и сотрясения мозга, Пленум Верховного Суда СССР в хорошо мотивированном постановлении от 10 января 1947 г. указал: «Однако если Е. в действительности и не предвидела возможности причинения ею тяжкого телесного повреждения, то тем не менее по всем обстоятельствам дела (возраст ребенка, известное ей его слабое физическое здоровье) она обязана была с большей осмотрительностью относиться к возможному последствию своего поведения. Если она не предвидела последствий своих действий, то все же должна была предвидеть, что нанесение ребенку удара по голове может иметь для него серьезные последствия»². Признав, что Е. должна была сознавать возможность наступления смерти ребенка от удара, Пленум квалифицировал ее действия как неосторожное лишение жизни.

На тех же основаниях следует решать и те случаи, когда наступлению общественно-опасного последствия содействовала присоединяющаяся волевая деятельность потерпевшего или третьих лиц.

Буржуазные криминалисты решают этот вопрос неред-

¹ В. Н. Кудрявцев, цитированное сочинение, стр. 43.

² М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР, М., 1947, стр. 22—23.

ко с точки зрения так называемого перерыва причинной связи. При этом перерыв причинной связи обосновывается или с точки зрения особого характера причинной связи (теория «наиболее действительного условия» Биркмейера или теория «учитываемой причинной связи» М. Липмана и т. п.), или с точки зрения постулата свободной воли, всегда открывающей собой новую цепь причинности.

В последнее время на место «перерыва причинной связи» выдвигается учение о так называемом «запрете регресса». Сущность этого учения, по мнению Листа — Шмидта, выражается в том, что «законодатель желает ограничить оценку действия с точки зрения уголовно-правового состава и в соответствии с этим выставляет запрет регресса в том смысле, что определенные причины не рассматриваются как имеющие уголовно-правовое значение»¹.

Исходя из понятия перерыва причинной связи или из понятия «запрета регресса», буржуазные криминалисты приходят к выводу, что когда к деятельности первоначально действующего присоединяется волевая деятельность (умышленная или неосторожная) потерпевшего или третьих лиц, наступивший окончательно результат не может быть вменен первоначально действующему лицу. Конкурирующая причинность потерпевшего или третьих лиц поглощает причинность первого лица. При конкурирующей неосторожной деятельности нескольких лиц происходит зачет или компенсация вины первого неосторожно действующего. Так, например, известно одно определение Швейцарского высшего суда, вполне соответствующее «правовому чувству» буржуазных криминалистов: на фабрике, вследствие плохой организации, имелись повреждения; когда один рабочий пытался их устранить, он нанес себе телесное увечье. На вопрос о том, должен ли отвечать фабрикант за телесное увечье рабочего, наступившее в результате неправильной организации работы, Швейцарский высший суд дал следующий ответ: «Если даже допустить, что фабричные установки не были безупречны, то все же между постоянным недостатком фабричных приборов и несчастным случаем нет связи, так как

она прервана собственным, самостоятельно вступившим... действием жалобщика»¹.

Из этого примера ясно видно, что учение о «перерыве причинной связи» используется буржуазными судами против рабочих, получающих увечья вследствие несоблюдения мер предосторожности на капиталистических фабриках и заводах. Под прикрытием теоретической концепции «перерыва причинной связи», «запрета регресса», «зачета вины» и т. п. собственники этих предприятий получают легальную возможность безнаказанного повреждения здоровья или даже причинения смерти занятым на производстве рабочим.

В советской науке уголовного права понятие «перерыва причинной связи» подвергалось вполне справедливой критике со стороны проф. М. Д. Шаргородского, который указывал, что ни о каком перерыве причинной связи не может быть речи, так как «диалектически развиваясь, действие раз возникшей причины не прекращается и не прерывается»².

И в самом деле, с точки зрения положений диалектического материализма, понятие «перерыва причинной связи» следует признать внутренне противоречивым и лишенным всякого смысла. Термин «перерыв» создает такое представление, что причинная связь уже начала существовать, что между действием и последствием уже была протянута цепь и затем где-то в каком-то месте эта цепь была прервана. Между тем, если причинная связь между действием субъекта преступления и наступившим общественно-опасным последствием уже существовала, то никакая привступающая деятельность потерпевшего или третьих лиц не может сделать ее несуществующей³.

В советском уголовном праве не может быть также речи ни о каком «зачете вины» потерпевшего, то есть об освобождении от уголовной ответственности виновного причинителя вреда на том основании, что наступлению общественно-опасного последствия содействовала и вина

¹ Guldemann, Zur Lehre von der strafrechtlich bedeutsamen Kausalität, "Schweizerische Zeitschrift für Strafrecht", 1945, H. I, S. 133.

² М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве, «Ученые труды ВЮОН», вып. X, 1947, стр. 199.

³ См. Т. В. Церетели, Причинная связь в уголовном праве, Издательство Тбилисского государственного университета, Тбилиси, 1957, стр. 147—159.

¹ Liszt-Schmidt, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts, Berlin und Leipzig, 1927, S. 160.

самого потерпевшего¹. Лицо отвечает за свое неосторожное деяние в пределах своей вины, независимо от участия в причинении потерпевшего.

Можно привести по этому вопросу глубоко-принципальные и хорошо обоснованные решения советских высших судебных органов.

Ш. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 59^{3а} УК РСФСР за то, что он, будучи дежурным на станции Хролово Московско-Рязанской железной дороги, 6 октября 1943 г., находясь на дежурстве, не осуществил наблюдения за выгрузкой дров. В результате дрова были сложены на станционных путях с нарушением габарита. Принимая пассажирский поезд, Ш. не проверил состояния пути, вследствие чего 6 человек пассажиров, ехавшие на подножках поезда, были сбиты и получили повреждения. Военный трибунал в подготовительном заседании дело производством прекратил, указав, что хотя габарит и был нарушен, но это не создавало опасности прохода поездов, а пассажирам езда на подножках запрещена. Военная железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 9 ноября 1943 г. указала, что поскольку нарушение габарита по укладке дров привело к несчастному случаю с людьми, у суда не было оснований для прекращения дела. Это определение опубликовано с таким заголовком: «Неосторожность потерпевшего не освобождает обвиняемого от ответственности за нарушение, повлекшее, хотя и по неосторожности потерпевшего, тяжелые для него последствия, возможность которых была бы исключена в случае недопущения инкриминированного нарушения»².

¹ Необходимо отметить, что зачет вины (умысла или грубой неосторожности) потерпевшего известен в советском гражданском праве (ст. ст. 403, 404 ГК РСФСР). Однако советская теория и судебная практика не понимает принципа зачета вины формально. Как правильно отмечает О. С. Иоффе, «...в зависимости от конкретных обстоятельств каждого данного дела, суд может при грубой неосторожности потерпевшего, учитывая характер и степень виновности причинителя, либо применить правило о смешанной вине, либо взыскать в пользу потерпевшего полное возмещение, либо, наконец, полностью освободить причинителя от обязанности возмещения» (О. С. Иоффе, Ответственность по советскому гражданскому праву, Издательство Ленинградского университета, 1955, стр. 173).

² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 75.

Аналогичное решение было вынесено по делу К.¹

Вина потерпевшего в указанных случаях, не освобождая от ответственности обвиняемого, в то же время должна быть принята во внимание судом при выборе конкретной меры наказания. Это положение было высказано в определении Судебной коллегии Верховного Суда СССР по делу К. «Однако при определении меры наказания суд не учел, что вина К. смягчается тем обстоятельством, что самим колхозом не было принято элементарных противопожарных мер: на ферме отсутствовали кадки с водой и не было других нужных приспособлений, при наличии которых пожар мог бы быть легко ликвидирован»².

Напротив, вина исключается, если неосторожность потерпевшего носит такой характер, что делает невозможным предвидение причинной связи между поступком лица и наступившим общественно-опасным последствием. Обычно это имеет место в случае грубой неосторожности потерпевшего. Это положение неоднократно находило подтверждение в решениях наших судебных органов.

Так, по делу Б. было установлено, что во время производства осушки стен при помощи жаровен, Ч. было предложено оставить помещение и она действительно ушла, но затем, несмотря на сделанное ей предупреждение, вернулась в помещение, где производилась осушка, и погибла от угара. Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 28 марта 1939 г. указала, что Б., производивший сушку не может нести уголовной ответственности за смерть Ч., погибшей по собственной неосторожности, так как в его действиях нет состава преступления³. Коллегия, очевидно, исходила из того, что обвиняемый Б. не мог предвидеть грубую неосторожность Ч., которая вернулась в помещение, где просушивались стены при помощи жаровни, несмотря на предупреждение об опасности.

Аналогичное решение было вынесено Уголовно-судебной коллегией Верховного Суда СССР по делу И. Последний был признан виновным в том, что он, работая начальником смены бензолно-ректификационного отделения коксового цеха Кузнецкого металлургического комбината,

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1944 год», Юриздат, 1948, стр. 193.

² Там же, стр. 193.

³ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» (1938 год и первое полугодие 1939 года) Юриздат, 1940, стр. 103.

допустил без необходимой аппаратуры и газоспасателя к работе по отсифониванию воды из цистерны, вышедшей из-под припарки, наливщика Г., в результате чего Г. отравился газами. Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР определением от 28 декабря 1939 г. дело в отношении И. производством прекратила, указав, что «отравление Г. газами явилось следствием недисциплинированности последнего, который, хорошо зная правила работы в цистерне, грубо нарушил их и опустился в цистерну без аппарата, не предупредив об этом И., несмотря на то, что последний сообщил Г. место, где он будет находиться, и номер телефона»¹. Ясно, что в таких условиях И. не имел возможности предвидеть отравления Г. и оказать ему помощь.

Такой же характер носят многочисленные определения наших судебных органов, в которых водители автомашин освобождаются от ответственности за причинение вреда, наступившее в результате неосторожных действий потерпевшего, предвидеть которые обвиняемый был не в состоянии².

Теми же принципами руководствуется советское уголовное право и в тех случаях, когда общественно-опасный результат причинен совместной неосторожной деятельностью нескольких лиц. Последующая неосторожная деятельность третьего лица, хотя бы эта неосторожность носила грубый характер, не освобождает от ответственности первоначально действующего, если последний мог предвидеть наступление вредного последствия.

Так, П. был признан виновным в том, что, будучи капитаном парохода и находясь 15 октября 1942 г. на вахте, не имея бортовых огней и видя идущий навстречу пароход, дал согласие на расхождение в то время, как сам не принял мер к беспрепятственному пропуску встречного парохода, что и привело к столкновению судов. П. просил в

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР» за второе полугодие 1939 г.), Юриздат, 1941, стр. 89; см. аналогичное определение судебной коллегии Верховного Суда СССР от 28 октября 1939 г. по делу Л., там же, стр. 88.

² См., например, дело Л. («Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР за второе полугодие 1939 года», Юриздат 1941, стр. 88); дело Г., там же, стр. 106; дело А., «Судебная практика Верховного Суда СССР 1944 г.», вып. VII, стр. 19.

отношении него дело прекратить, ссылаясь на вину капитана парохода. Военная водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 13 марта 1943 г. дала указание, имеющее принципиальное значение. «Эта ссылка П., — говорится в определении, — неосновательна, ибо если и имеется виновность капитана встречного парохода Ш., то это не снимет вины с П., которым грубо нарушены правила плавания...»¹

Аналогичная точка зрения проводится в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 декабря 1949 г. по делу Ц. Последнему инкриминировалось, что он, будучи шофером грузовой автомашины, посадил в нее в качестве пассажиров 22 человека; пересекая ночью железнодорожный путь, Ц. проехал неосвещенный открытый шлагбаум, не убедившись предварительно в безопасности движения. В результате этого на автомашину наехал проходивший мимо резервный паровоз и несколько пассажиров было убито и ранено. По этому делу был осужден и сторож переезда Д., который не обеспечил безопасности движения на переезде, оставив открытым и неосвещенным шлагбаум переезда. Железнодорожная коллегия Верховного Суда СССР приговор в отношении Ц. отменила, мотивируя свое определение тем, что вина в катастрофе ложится на Д., который при приближении автомашины не осветил переезда и не закрыл шлагбаума. Пленум не согласился с этим определением, указав, что Ц. нарушил правила ведения автомашины при переезде полотно железной дороги, в результате чего и произошел несчастный случай. Вместе с тем Пленум указал, что вина Ц. не исключает неосторожность Д.² Пленум, очевидно, исходил из тех соображений, что, оставив шлагбаум открытым и неосвещенным, Д. мог предвидеть возможность наступления общественно-опасного последствия, которое является типичным в случаях подобных нарушений. Таким образом, Пленум признал вину Д., несмотря на последующую грубую неосторожность Ц.

Учитывая особенно строгие требования, которые устанавливаются в отношении обращения с огнестрельным

¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1943 г.», Юриздат, 1948, стр. 75. М., 1948, стр. 75.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1950 г.» № 2, стр. 12—13.

оружием и легкую возможность предвидения общественно-опасных последствий от неосторожного обращения с ним, наша судебная практика не освобождает лицо, виновное в неосторожном обращении с огнестрельным оружием, если эта неосторожность обусловила последующее неосторожное поведение, приведшее к несчастному исходу.

Б., будучи ответственным лицом за исправное состояние огнестрельного оружия, отдал красноармейцам приказ о чистке револьверов, не осмотрев предварительно означенного оружия, вопреки существующему правилу. В момент чистки револьвера красноармеец Ш., в результате небрежного обращения с оружием, по неосторожности убил красноармейца К. Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда РСФСР определением от 22 апреля 1925 г. признала виновным по этому делу не только Ш., но и Б., который своим действием обусловил последующую неосторожность Ш., имея возможность предвидеть общественно-опасное последствие¹.

Особенно интересным в этом отношении является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 19 ноября 1947 г. Коллегия признала виновным в убийстве студентки П. не только М., действия которого были непосредственной причиной ее смерти, но и Ч., который «организовал стрельбу в цель и тем самым объективно создал реальную возможность гибели проходивших мимо будки людей. Он не предвидел этих последствий своих действий, но... должен был предвидеть их наступление»².

Напротив, когда присоединяющая деятельность третьих лиц делает непредвидимым наступление последствия, советские судебные органы отрицают возможность вменения этого последствия в неосторожную вину.

Д. был признан виновным в том, что он, работая агентом орсa трамвайного депо, халатно относился к своим обязанностям, в результате чего у него были похищены полученные из холодильника мясopодукты. На суде было установлено, что Д., получив продукты и погрузив их на подводу, ушел в контору холодильника для оформления документов. Возчик Б. и работница магазина К., не подо-

¹ См. «Сборник определений Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР 1925 г.», вып. I, стр. 149.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1948 г.», вып. II, стр. 15.

ждав Д. и не поставив его в известность, поехали с продуктами в магазин. В пути следования подвода, на которой везли мясopодукты, столкнулась с автомашиной, в результате чего груз, лежавший на подводе, рассыпался и, часть продуктов растащили неизвестные люди, пользуясь темнотой. Д., выйдя из магазина, принял меры, чтобы догнать подводу, но возчик поехал другой дорогой. и он не мог их догнать. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 31 марта 1945 г. не признала халатности в действиях Д., исходя из того, что предвидеть случившуюся катастрофу, а также умышленную преступную деятельность лиц, похитивших продукты, было невозможно. «Д. не мог предвидеть, — говорится в определении, — что Б. и К. поедут другой дорогой, что произойдет наезд автомашины и неизвестные лица растащат часть мясных продуктов»¹.

Однако не только умысел, но и неосторожность третьего лица может исключить ответственность за общественно-опасное последствие, если обвиняемый не мог его предвидеть и предотвратить.

Шофер С., управляя автомашиной, в пути следования вышел из машины и зашел в магазин, чтобы купить себе продукты. Оставшийся в машине экскаваторщик Ш. угнал автомашину и совершил аварию, связанную с повреждением машины, следовательно, совершил самоуправство и неосторожное повреждение машины (ст. 108¹ УК Азербайджанской ССР). Само собой разумеется, предвидеть эту грубую неосторожность Ш. не было для С. возможности. Поэтому Уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР не признала в действиях С. состава преступления и определением от 11 июля 1951 г. дело в отношении него производством прекратила².

Лицо не несет ответственности даже в тех случаях, когда нарушило правило предосторожности и это нарушение стоит в причинной связи с наступившим последствием, если только это лицо не могло предвидеть последующей неосторожности другого лица, обоснованно рассчитывая, что последний проявит должную предусмотрительность, которая предотвратит наступление вредного последствия.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1945 г.», вып. V, стр. 17.

² См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1951 г.» № 10, стр. 10—11.

Харьковским линейным транспортным судом проводницы вагонов У. и О. были осуждены за то, что при исполнении своих обязанностей пользовались в служебном купе парафиновой свечей, поставленной прямо на тумбочку без фонаря, в результате чего в вагоне возник пожар, причинивший ущерб государству.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 10 марта 1956 г. проводницу У. от ответственности освободила, признав виновной в происшедшем пожаре только проводницу О. При этом Коллегия указала, что хотя У. и допустила нарушение, ставив зажженную свечу не в фонаре, однако между ее действием и возникновением пожара нет причинной связи: после ее ухода из вагона в купе оставалась проводница О., которая через некоторое время тоже вышла из вагона, оставив горящую свечу не в фонаре, а на тумбочке, что и вызвало, по мнению Коллегии, пожар¹.

С мнением Коллегии, что между действием У. и возникшим пожаром не существует причинной связи, мы не можем согласиться. Пожар возник в результате поведения обеих проводниц. Однако У. должна быть освобождена от ответственности по другим основаниям. Она не могла предвидеть, что проводница О., вопреки своему служебному долгу, проявит такую непредусмотрительность: оставит вагон, не потушив зажженную свечу или не поставит ее в фонарь.

* * *

Неосторожность может иметь место не только в тех случаях, когда лицо не предвидит обстоятельств, относящихся к составу преступления, но и тогда, когда оно ошибочно предполагает существование обстоятельств, исключающих общественную опасность действия. Таковы случаи, например, так называемой мнимой обороны, когда лицо причиняет вред, считая, что находится в состоянии правомерной необходимой обороны, между тем, как отсутствуют условия для обороны. Указанные случаи следует решать в соответствии с общими правилами о влиянии

ошибки в факте на вину. В частности, при мнимой обороне ошибка лица исключает умысел. При этом, если сама ошибка носит неизвинительный характер, то есть если лицо могло и должно было знать, что в отношении него не предпринимается противоправное нападение, то оно отвечает за неосторожное причинение вреда, если только данное деяние может быть совершено и по неосторожности. Если же лицо не могло и не должно было предполагать, что оно не подвергается нападению, то тут имеет место невинный случай, за который никто не может быть подвергнут уголовной ответственности. Такое решение вопроса вполне согласовано с теорией советского уголовного права о влиянии ошибки в факте на вину¹.

Аналогично решается указанный вопрос и по законодательству стран народной демократии, уголовные кодексы которых регулируют вопрос об ошибке.

В нашей судебной практике были случаи мнимой обороны, которые исключали ответственность за умышленное преступление. В этом отношении интересным является определение Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР от 14 октября 1925 г. Обстоятельства дела заключались в следующем: К. в два часа ночи сидел с товарищем Д. перед своим домом. В это время к его квартире стали подходить агенты уголовного розыска, которые хотели арестовать его в связи с обвинением в убийстве гражданина А. Агенты скомандовали «руки вверх». К. принял их за бандитов и вбежал в комнату. По предложению агентов угрозыска милиционер выстрелил в воздух, а К., еще больше укрепившись в своем предположении, в ответ на это, в свою очередь, выстрелил и ранил в ногу милиционера З. После этого агенты угрозыска ушли, а явившимся затем милиционерам К. без сопротивления сдался. К. был оправдан в убийстве А., но осужден судом за сопротивление власти. Уголовно-кассационная коллегия Верховного суда РСФСР отменила приговор суда первой инстанции, указав на извинительный характер ошибки К. «К., — говорится в определении, — не чувствуя за собой никакой вины и не ожидая ареста при приближении к нему в 2 часа ночи неизвестных ему людей с криками: «стой — ни с места» и «руки вверх», вполне

¹ См. «Советское уголовное право». Часть общая, ВИЮН, М., 1952. стр. 254.

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1956 г.» № 3, стр. 12.

добросовестно принял их за бандитов и, вбежав к себе в квартиру, предложил хозяину прятать вещи, так как нападают бандиты и когда снаружи раздались выстрелы, он дал из окна ответный выстрел в целях своей защиты»¹. Таким образом Коллегия Верховного суда РСФСР не признала в действиях К. состава преступления, так как К. не только не сознавал, но и не мог сознавать, что на него не нападают бандиты. В этом случае ошибка К. исключает вину и является основанием для освобождения от ответственности.

Но может быть и такой случай, когда лицо хотя и не сознавало, но могло и должно было сознавать, что противоправное нападение против него не имеет места. Такая ошибка освобождает от ответственности за умышленную вину, но является основанием для привлечения к ответственности за неосторожное совершение преступления.

В судебной практике имел место следующий случай. Пьяные хулиганы проникли в квартиру Л. через окно, сторвав доску, которой окно было забито. Когда Л. пришел к себе домой, они набросились на него с ножами, и он вынужден был сопротивляться. После того, как ударом топора он убил одного из хулиганов и ранил другого, остальные хулиганы стали разбегаться. Л. ударил топором еще одного хулигана, которого сумел догнать. Возвратясь затем в квартиру, в которой уже никого не было, и увидев, что с улицы какой-то гражданин заглянул к нему в окно, Л. решил, что это один из хулиганов, который вернулся обратно в целях напасть на него, и ударил его топором по голове, причинив ему тяжкое телесное повреждение. Впоследствии оказалось, что заглянувший в комнату гражданин А. не имел никакого отношения к хулиганам, он случайно проходил по улице и, услышав крики, хотел узнать, что происходит. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 15 января 1952 г. дело в отношении Л. было прекращено за отсутствием состава преступления. В протесте Генерального Прокурора по данному делу правильно указывалось, что если в отношении двух первых хулиганов Л. находился в состоянии необходимой обороны, то нельзя сказать того же в отношении третьего хулигана, который

¹ «Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного суда РСФСР за 1925 год», вып. II (июль—декабрь), М., 1926, стр. 38.

был ранен в тот момент, когда нападение уже кончилось, и в отношении гражданина, случайно заглянувшего в комнату. Далее, в протесте указывается, что в отношении последних потерпевших имеется превышение пределов необходимой обороны¹.

По нашему мнению, в отношении А. со стороны Л. имеется мнимая необходимая оборона, вызванная ошибочным предположением, что А. один из хулиганов, который собирается с ним расправиться. Поскольку Л. ошибочно полагает, что все еще существуют обстоятельства, дающие ему право на оборону, постольку умышленное телесное повреждение исключено. Но эта ошибка не освобождает его от ответственности за неосторожное телесное повреждение: Л. должен был и мог предположить, что в окно может заглянуть не только нападающий, но и не причастное к нападению лицо, и не должен был так необдуманно нападать на человека, который своим поведением не внушал опасения. Поэтому, по нашему мнению, в действиях Л. по отношению к А. следовало признать не превышение пределов необходимой обороны, а неосторожное телесное повреждение.

§ 2. Возможность сознания общественно-опасного характера деяния

Выше нами было отмечено, что признание вины в действиях лица не означает только голое установление определенного комплекса психологических фактов. Вместе с тем вина содержит момент неодобрения лица, упрек, который вытекает из этого установления. Поскольку вина означает порицаемое и осуждаемое психическое состояние, постольку это психическое состояние должно свидетельствовать о наличии враждебного или небрежного отношения лица к требованиям социалистического правопорядка. Такое отношение может иметь место лишь в том случае, если у лица имеется психическое отношение к общественной значимости своего поступка. Что этот момент является необходимым составным элементом вины, в настоящее время почти общепризнано в советской уголовно-правовой литературе².

¹ См. «Социалистическая законность» 1953 г. № 1, стр. 89.

² См. «Уголовное право». Общая часть. ВИЮН, Юридизд, 1948, стр. 341—342; В. Г. Макашвили, Вина и сознание проти-

Опасение, что такая точка зрения может создать привилегию безнаказанности для лиц, не пожелавших ознакомиться с велениями и запретами правопорядка, с правилами социалистического общежития, что она может поколебать твердость защиты существенных интересов, нельзя считать обоснованным. Во всяком случае это опасение лишено значения в социалистическом государстве. Граждане социалистического государства, где отсутствует коллизия между правосознанием народных масс и требованиями социалистического правопорядка, где полностью осуществилось морально-политическое единство всего народа, глубоко сознают те принципы, на которых строится социалистическое общество. Советские граждане ясно представляют себе, какие поступки являются общественно-опасными и запрещенными с точки зрения социалистического правопорядка. Поэтому в подавляющем большинстве случаев вместе с представлением о фактических признаках совершаемого деяния у лица имеется и сознание общественно-опасного характера своего поведения. Ссылка обвиняемого на отсутствие такого сознания не может быть принята судом во внимание и легко будет опровергнута при существующей системе свободной оценки доказательств.

Но, с другой стороны, в вопросе об уголовной ответственности нельзя создавать неопровержимых презумпций. В отдельных случаях, под влиянием особо сложившихся обстоятельств лицо может извинительно заблуждаться относительно общественной значимости совершенного им деяния. Игнорирование этого момента может привести к подрыву принципа виновной ответственности. Советский суд не может порицать и осуждать лицо, которое в данных конкретных условиях не могло представлять противоправного или общественно-опасного характера своего деяния.

Это положение подтверждается материалами судебной практики. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определением от 31 января 1945 г.

воправности, Методические материалы ВЮЗИ, М., 1948; Б. С. М а н ь к о в с к и й, Проблема ответственности в советском уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 107—111; Б. С. У т е в с к и й, Вина в советском уголовном праве, Госюриздат, 1950, стр. 211—234; А. Н. Т р а й н и н, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1951, стр. 126—128; В. Ф. К и р и ч е н к о, Значение ошибки по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, М., 1952, стр. 19—38 и др.

признала невиновной гр. Б., которая с разрешения ответственного дежурного отделения милиции выкопала картофель, посаженный гр. Ш. на спорном участке земли. Отмечая незаконный характер разрешения, данного представителем милиции, Судебная коллегия, однако, признала, что «при таких условиях в действиях Б., которая едва ли могла разобраться в полномочиях должностного лица, к которому она обращалась, нет состава преступления»¹.

Признание необходимости психического отношения к общественной значимости деяния требует уточнения вопроса о том, что должно быть непосредственным предметом этого отношения?

Если лицо сознает или имеет возможность сознавать противоречие деяния нормам социалистического уголовного права, то ответственность обоснована. Такое лицо вполне заслуживает как правового, так и нравственного осуждения, так как оно открыто восстало против велений и запретов советского правопорядка или проявило к ним небрежное отношение. В этих случаях лицо всегда сознает или имеет возможность сознавать и общественно-опасный характер своего поведения. Каждый гражданин советского государства ясно понимает, что нормы социалистического уголовного права служат осуществлению задач коммунистического строительства, а противоречие этим нормам может нанести ущерб такому строительству.

Но как быть в тех случаях, когда лицо не знает о запрещенности своего поступка уголовным законом, но сознает (или имеет возможность сознавать), что такое деяние противоречит правилам социалистического общежития, что оно является общественно-опасным.

Освобождение таких лиц от уголовной ответственности, по нашему мнению, привело бы к ничем не обоснованному сужению уголовной ответственности. Оно послужило бы основанием для недобросовестных утверждений о незнании законов и невозможности поэтому осознать противоречие деяния нормам права. Наконец, такое требование несовместимо с ответственностью по аналогии, когда сознание противоправности логически и не может иметь места, так как деяние, за которое лицо привлекается к уголовной ответственности, прямо не предусмотрено уголовным законом.

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1945 г.», Юриздат, 1946, вып. II, стр. 8.

Таким образом, по нашему мнению, для существования вины достаточно, если лицо сознавало или имело возможность сознавать общественно-опасный характер своего поступка.

Было бы целесообразно в законодательном порядке закрепить указанное положение примерно в следующей формулировке: «Лицо освобождается от уголовной ответственности, если оно по исключительным обстоятельствам дела не могло сознавать общественно-опасного характера совершенного деяния».

Таким образом, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности даже в том случае, когда оно представляет результат своего поведения, а также причинную связь своего действия или бездействия с наступившим последствием, но не имеет возможности представить общественно-опасный характер своего поведения. Здесь будет иметь место «случай», то есть невиновное причинение общественно-опасного последствия.

Если применить установленные нами положения к вопросу о неосторожной вине, то мы получим следующие выводы:

Преступная небрежность будет иметь место тогда, когда лицо имеет возможность предвидеть причиняющий характер своего поступка по отношению к последствию и в то же время имеет возможность осознать общественно-опасный характер своего поведения. Как правильно замечает В. Ф. Кириченко, при преступной небрежности «порицание основывается на том, что лицо и могло воз-можность сознать общественную опасность совершаемого»¹. Если же лицо, имея возможность представить фактический процесс своей деятельности, не имеет возможности осознать ее общественную опасность, то здесь будет иметь место «случай» (casus). Наконец, если лицо не предвидит и не может предвидеть фактической стороны своего поступка, исключается самая постановка вопроса о предвидении общественной опасности: ибо тот, кто не может представить фактической связи между поступком и вредным последствием, тем самым не может осознать его общественной опасности.

Вопрос о психическом отношении лица к общественной

¹ В. Ф. Кириченко, Значение ошибки по советскому уголовному праву, Издательство Академии наук СССР, М., 1952, стр. 28.

значимости деяния стоит и при преступной самонадеянности. Но здесь этот момент получает своеобразное выражение. При преступной самонадеянности лицо сознает, что действует вопреки требованиям правил предосторожности, но в то же время оно уверено, что в данном случае это нарушение не создает конкретной опасности для пра-воохраненного интереса. Лицо определенно рассчитывает избежать нарушения норм уголовного права. Таким образом, при преступной самонадеянности, в конечном счете, речь идет не о сознательном причинении общественно-опасного последствия, а о возможности предвидеть такое причинение в данных конкретных условиях.

В советской юридической литературе спорными являются те случаи, когда лицо правильно представляет все фактические обстоятельства своего поступка и хотя не осознает общественной опасности этого поступка, но при проявлении должной внимательности и заботливости могло бы ее осознать. Остается ли в этом случае поступок субъекта умышленным или же он превращается в неосторожное преступное деяние? От того или иного решения этого вопроса зависит установление границы, которая отделяет область умышленной вины от неумышленной.

Часть авторов полагает, что для умысла необходимо сознание лицом общественной опасности своего поступка. Поэтому в тех случаях, когда лицо, сознавая фактическую сторону своего поступка, не сознает, а лишь имеет возможность сознавать его общественную опасность, по мнению этих авторов, умысел исключается, и может иметь место лишь ответственность за неосторожность (если наказывается и неосторожное совершение данного деяния). Таким образом, эти авторы, наряду с так называемой «фактической» неосторожностью признают «правовую неосторожность»¹.

В советской уголовно-правовой литературе сторонниками «правовой неосторожности» являются В. Ф. Кири-

¹ Термином «правовая неосторожность» мы пользуемся условно для краткого обозначения рассматриваемой группы случаев, в отличие от остальных, хотя и считаем, что не всегда психическое отношение к общественной значимости деяния совпадает с психическим отношением к правовым свойствам деяния, поскольку понятие общественной опасности и противоправности не тождественные понятия.

ченко, В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская¹. Однако это понятие с логической последовательностью должны признать и те криминалисты, которые необходимым признаком умысла считают сознание лицом общественной опасности своего поступка и не довольствуются признанием возможности сознания общественной опасности элементом умысла².

Понятие «правовой неосторожности», мало обещающее в теоретическом отношении, противоречит и простому здравому смыслу. Представим себе, что лицо из сострадания к безнадежно больному по его просьбе дает ему смертельную дозу морфия, ошибочно полагая, что его поступок является дозволенным. В этом случае, по мнению сторонников «правовой неосторожности», должно быть признано неосторожное убийство. «То обстоятельство, — говорит В. Ф. Кириченко, — что лицо намеренно причиняет смерть, — еще не превращает это причинение в умышленное... Намерение при умысле должно быть направлено не на причинение результата вообще, а на причинение результата, общественная опасность которого очевидна для лица, совершившего деяние»³. С таким мнением вряд ли можно согласиться. Если лицо правильно представляет себе причиняющее значение своего поступка и желает наступления общественно-опасного последствия, то считать такое поведение неосторожным причинением смерти значило бы вкладывать в понятие неосторожности содержание, которое противоречит его сущности. Понятие «правовой неосторожности» является искусственным понятием, способным внести только неясность и путаницу в отправление уголовного правосудия. Так, например, пришлось бы считать действующим по неосторожности лицо, причинившее смерть другому в результате явного превышения пределов необходимой обороны, даже в тех случаях, когда оно представляет возможность причинения смерти и желает этого, если лицо заблуждается относительно

¹ См. В. Ф. Кириченко, цитированное сочинение, стр. 29—31; В. Д. Меньшагин и З. А. Вышинская, Советское уголовное право, Госюриздат, 1950, стр. 118.

² См. А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть общая, Издательство ВЮА, М., 1948, стр. 333, 337, 341; Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949, стр. 110—111, 117—122.

³ В. Ф. Кириченко, цитированное сочинение, стр. 31.

общественно-опасного характера деяния, считая, что против незаконного нападения дозволено любое средство защиты.

Кроме того, разбираемый взгляд влечет полную безнаказанность тех деяний, которые не могут быть совершены по неосторожности. Предположим, кто-либо преподносит должностному лицу ценный «подарок» за совершение в своих интересах законного действия по службе, не представляя запрещенного или общественно-опасного характера своего поступка. Если считать, что для умысла требуется сознание общественной опасности (или противоправности), то такое лицо пришлось бы вовсе освободить от уголовной ответственности. Между тем для всех очевидно, что каждый советский гражданин располагает полной возможностью осознать предосудительный и общественно-опасный характер такого поведения; неприменение наказания в указанных случаях противоречило бы карательной политике советского государства, проводимой в целях борьбы со взяточничеством.

Преимущество предлагаемой точки зрения заключается не только в том, что она не оставляет безнаказанными лиц, у которых вследствие равнодушия или легкомыслия отсутствует знание требований социалистического правопорядка, но и в том, что она дает возможность избежать практических трудностей, неизбежно связанных с обязательностью установления для умысла сознания общественной опасности характера деяния. Так, теряет значение вопрос, следует ли требовать для умысла, чтобы лицо со всей определенностью представляло себе общественную опасность своего поступка или достаточно менее ясное осознание общественной значимости своего поступка. Устраняются также сомнения, которые могут возникнуть при преступлениях, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, когда лицо хотя вообще и сознает преступность такого поведения, но под влиянием охватившего его аффекта в момент совершения деяния забывает об этом. Во всех указанных случаях умысел обоснован, если установлено, что лицо могло и должно было сознать общественно-опасный характер причиняемых последствий. Напротив, от уголовной ответственности освобождается тот, кто под влиянием внешних обстоятельств или личных условий не мог сознавать, что поступает вопреки велениям или запретам правопорядка.

Наконец, не лишено оснований и соображение, приводимое проф. Э. Я. Немировским против понятия «правовой неосторожности»: «На практике, однако, из того, что субъект мог знать, будет сделан вывод, что его ссылка на неведение простая отговорка, и будет признан умысел; возможность знания приобретает значение действительного знания, которое, за редкими исключениями, не может быть прямо установлено, как и констатирование ошибки в праве сведется к доказательству невозможности приобрести знание запрещенности: отвергнув невозможность, придется отвергнуть и все возражения обвиняемого»¹.

Поэтому следует признать правильным взгляд, что умысел обоснован и тогда, когда фактические признаки деяния охватываются представлением и волей лица и когда, кроме того, у него имеется возможность сознания общественно-опасного характера причиняемых последствий. Такое психическое отношение к общественной значимости деяния достаточно для того, чтобы придать умыслу характер порицаемого отношения. Наличие же сознания общественной опасности или его отсутствие при возможности такого сознания может быть учтено судом в рамках наказания, предусмотренного за умышленное совершение данного преступления. В частности, отсутствие сознания общественной опасности при возможности такого сознания может быть учтено судом как смягчающее вину и ответственность обстоятельство.

Таким образом, защищаемый взгляд, отклоняясь от крайностей, связанных с отрицанием для понятия вины значения психического отношения к оценочному моменту, с одной стороны, и с требованием для умысла сознания общественно-опасного (или противоправного) характера деяния, с другой стороны, намечает путь, по которому должно пойти решение одного из сложных вопросов, относящихся к области учения о вине.

В советской юридической литературе приведенная точка зрения начинает приобретать сторонников. Разделяют ее авторы Учебника уголовного права (1952 г.). Учебник относит к умыслу не только те случаи, когда лицо сознает общественную опасность своего поведения, но и те, когда обвиняемый, предвидя последствия своего

поступка, не сознает, хотя может и должен сознавать такой характер своего поведения. «Было бы политически неправильным, — говорится в Учебнике, — освобождать таких лиц от уголовной ответственности за умышленное совершение общественно-опасного деяния, запрещенность которого они могли и должны были сознавать»¹.

¹ «Советское уголовное право». Часть общая, ВИЮН, Госюр-издат, 1952, стр. 230. В первых трех изданиях учебник ВИЮН защищал иной взгляд. Исходя из того, что «нельзя отговариваться незнанием общественно-опасного характера совершенного деяния», учебник отрицал необходимость психического отношения к общественной значимости деяния. — Уголовное право. Часть общая, ВИЮН, Юриздат 1943, стр. 149. В четвертом издании 1948 года учебник не придерживался до конца единой точки зрения. На стр. 341 выставлено положение: «Наличие вины умышленной предполагает не только сознание лица о фактических обстоятельствах, образующих состав преступления, но и сознание общественной опасности совершаемого деяния». А на стр. 353 указано другое: «Юридическая ошибка, заключающаяся в ошибочном представлении лица о неприступности совершаемых действий, в то время как в действительности они являются общественно-опасными, не устраняет виновности лица и не влияет на форму его виновности».

¹ Э. Я. Немировский, Основные начала уголовного права, Одесса, 1917, стр. 331.

Глава пятая

ПОСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НЕОСТОРОЖНОСТИ

§ 1. Определение понятия неосторожности в уголовном законодательстве

Раскрытие содержания умысла и неосторожности имеет большое значение для установления уголовной ответственности. При помощи этих понятий не только намечается граница, отделяющая область виновного поведения от невиновного, но и уточняются признаки, характеризующие психическую сферу индивида, с которыми связывается определенная степень общественной опасности лица. Если не существует большей или меньшей причинной связи, большей или меньшей противоправности (в отношении них может быть поставлен лишь вопрос о том, существуют они или нет), то вина может иметь самые различные степени и оттенки. Это бесконечное многообразие возможных субъективных отношений лица к совершенному им общественно-опасному деянию необходимо свести к некоторым определенным формам отношений, имеющим общие, типические черты. Указанную задачу должен выполнить закон путем определения содержания отдельных видов вины.

Целесообразность определения в самом законе понятий умысла и неосторожности не признается некоторыми буржуазными уголовными кодексами. Например, Французский Уголовный кодекс 1810 года и Германское Уголовное Уложение 1871 года не дают определения умысла и неосторожности и предоставляют решение этого вопроса науке уголовного права и судебной практике.

Позиция, занятая некоторыми буржуазными уголов-

ными кодексами, не считающими нужным давать определения отдельных видов вины, объясняется желанием законодателя предоставить судам свободу в решении вопросов вины, не стесняя их какими-либо постановлениями. Судебным органам предлагается самостоятельно ориентироваться в таких сложных вопросах, действует ли субъект виновно или невиновно, совершено ли деяние умышленно или по неосторожности. Насаждаемое в таком виде свободное усмотрение суда неизбежно ведет к подрыву законности, который характерен для буржуазного уголовного права. Отказ от законодательного регулирования основных понятий не может быть оправдан и по другим соображениям. Законодатель должен ясно представлять себе, с какими моментами он связывает уголовную ответственность и, в частности, что следует понимать под субъективной стороной преступления. Опираясь понятиями умысла и неосторожности и связывая с ними различную уголовную ответственность, законодатель не должен скрывать оснований, вследствие которых умышленное совершение преступления он карает более суровым наказанием, чем его неосторожное совершение. Эти основания могут быть раскрыты лишь в том случае, если в самом законе будет указано, какое содержание вкладывается в понятие умысла и неосторожности.

Конечно, четкая и ясная в законе формулировка понятий умысла и неосторожности не является простым и легким делом. Однако чем сложнее вопрос, тем настоятельнее потребность его законодательного регулирования. И потому, какие бы трудности ни лежали на пути нахождения четких формулировок, отражающих сущность этих понятий, законодатель не должен освобождать себя от решения данного вопроса и переносить всю тяжесть на плечи науки уголовного права и судебной практики. Лишь в этом случае будет устранена возможность искусственных и произвольных теоретических построений указанных понятий и ликвидирован разнобой в судебной практике.

В первом советском законодательном акте, сформулировавшем общие принципы уголовной ответственности — «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР» 1919 года — не содержится постановлений, определяющих отдельные виды вины. Однако в нем уже проводится различие между деянием, совершенным умышленно, и дея-

нием, совершенным по неосторожности. Так, в п. «в» ст. 12 «Руководящих начал» предлагалось учитывать, «совершенно ли деяние в сознании причиненного вреда или по неведению и несознательности». Точно так же в пункте «з» указанной статьи подчеркивалось, что следует различать, «обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость, или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности».

Начиная с Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, в советском уголовном законодательстве провозглашается принцип, что наказание может быть назначено лишь в том случае, если лицо совершило общественно-опасное деяние умышленно или по неосторожности. При этом в кодексе дается развернутое определение этих понятий.

В соответствии со ст. 11 Кодекса, «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно... или б) действовали неосторожно, то есть легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть».

Аналогичное определение неосторожности дается в ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Ст. 6 «Основных начал» признает неосторожно действующими тех, которые «не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия». Это определение почти дословно повторяется в уголовных кодексах союзных республик.

Мы рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся законодательного определения понятия неосторожности.

Прежде всего необходимо выяснить, следует ли ограничиться в законе общей характеристикой понятия неосторожной вины или же необходимо дать определение отдельных видов неосторожной вины — преступной самонадеянности и преступной небрежности.

Уголовные кодексы некоторых стран дают лишь общую формулировку неосторожной вины, не раскрывая сущности ее отдельных видов. Так поступает Швейцарский Уголовный кодекс 1937 года, который в ст. 18 ограничивается общей характеристикой неосторожной вины, не проводя различия между ее видами.

Такую законодательную конструкцию нельзя признать правильной. Как мы уже отмечали, преступная самона-

деянность и преступная небрежность имеют самостоятельные границы, отделяющие их от «случая».

Если лицо, совершая действие, не опрометчиво, а обоснованно рассчитывает избежать общественно-опасного последствия, то его наступление не может быть вменено в вину деятелю, так как это относится к области «случая». В то же время к «случаям» относится и причинение такого непредвиденного последствия, которое не должно было или не могло предвидеться лицом. Таким образом, для того чтобы ясно наметить границу, отделяющую виновную область от невиновной, необходимо обрисовать в законе оба вида неосторожной вины.

Вместе с тем для установления границы, отделяющей неосторожность от умысла, важно охарактеризовать в законе преступную самонадеянность, которая непосредственно примыкает к косвенному умыслу.

Наконец, следует учитывать, что хотя небрежность и самонадеянность относятся к области неосторожной вины, но между ними существует различие, которое суд должен учитывать при выборе конкретной меры наказания. При прочих равных условиях лицо, действующее с преступной самонадеянностью, заслуживает большего упрека, чем лицо, действующее с преступной небрежностью. В первом случае лицо предвидит отвлеченную возможность наступления общественно-опасного последствия, осознает, что нарушает норму предосторожности, и это не оказывает на него воздействия в смысле более вдумчивого и осознанного отношения к сложившейся обстановке. Требования норм предосторожности лицо противопоставляет субъективное убеждение, что последствие в данном случае будет отклонено.

Приведенные соображения убеждают, что законодательная формулировка неосторожной вины должна содержать определение обоих видов этой вины. Действующее советское уголовное законодательство так и поступает. По тому же пути идут, например, Уголовный кодекс Чехословацкой Республики (п. (2) § 3), Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии (ч. 3 ст. 4), Уголовный кодекс Народной Республики Албании (п. 6 ст. 5).

Далее необходимо уточнить определение преступной самонадеянности. Давая определение преступной самонадеянности, ст. 10 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик

говорят о лицах, которые «легкомысленно надеялись предотвратить» наступление общественно-опасных последствий. Но легкомысленно надеются избежать общественно-опасного последствия и те лица, которые верят в свою «счастливую звезду» или действуют «на авось» или «на удачу» и т. п., без всякого основания предполагая, что все обойдется благополучно. Между тем в советской уголовно-правовой литературе¹ и в судебной практике таких лиц рассматривают как действующих с косвенным умыслом². В случаях преступной самонадеянности у лица существует субъективная уверенность в ненаступлении последствия, которая основана на опрометчивом расчете, что определенные обстоятельства предотвратят его наступление. Последний момент ясно оттеняет Уголовный кодекс Чехословацкой Республики, п. (2) § 3 которого определяет: «Последствия, предусмотренные законом, считаются причиненными по неосторожности, если лицо, совершившее преступление: а) сознавало, что может причинить эти последствия, но без достаточных оснований надеялось, что они не наступят...» Подчеркнутые слова ясно раскрывают один из существенных признаков преступной самонадеянности: а именно то, что при ней лицо, рассчитывая избежать общественно-опасные последствия, опирается на какие-либо основания, хотя и недостаточные для их предотвращения.

В будущем советском уголовном законодательстве было бы желательно учесть приведенные соображения и уточнить формулировку преступной самонадеянности, указав, при этом виде неосторожной вины лицо «необоснованно» (или «без достаточных оснований») рассчитывает предотвратить наступление общественно-опасных последствий».

Более спорным и сложным является определение в законе второго вида неосторожной вины — преступной небрежности.

Буржуазные уголовные кодексы содержат неодинако-

¹ См., например, Советское уголовное право. Часть общая, ВИЮН, Госюриздат, 1952, стр. 235.

² Эта точка зрения получила отражение в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте». См. анализ этого постановления на стр. 40—41 настоящей работы.

вое определение этого вида вины. В основании законодательных формулировок преступной небрежности лежат различные точки зрения, касающиеся сути неосторожной вины. Тот круг идей, который возник в буржуазном уголовном праве в связи с учением о критериях неосторожности, получил отражение и в законодательстве.

Некоторые буржуазные кодексы и проекты придерживаются чисто объективной конструкции преступной небрежности. В качестве примера приведем проект Германского Уголовного Уложения, составленный в 1911 году немецкими криминалистами Калем, Листом, Лилиенталем и Гольдшмидтом. Параграф 22 этого проекта гласит: «Неосторожно действует тот, кто действовал хотя и без умысла, но при условиях, когда у него должно было бы явиться указанное в § 20 ч. I представление¹, и последнее должно было бы удержать его от учинения деяния».

Таким образом, приведенный параграф проекта ничего не говорит о субъективной возможности лица предвидеть причиненные им последствия, по-видимому, считая, что ответственность обоснована и тогда, когда такая возможность отсутствовала, если только на лице лежала обязанность предвидеть последствие.

Своеобразную попытку учесть индивидуальные свойства действующего лица при формулировке небрежности предприняли авторы русского Уголовного Уложения 1903 года. В ст. 48 этого Уложения определяется: «Преступное деяние почитается неосторожным..., когда виновный его (то есть запрещенного последствия. — В.М.) не предвидел, хотя мог или должен был оно предвидеть...»². Предлагаемую формулу — «мог или должен был предвидеть» — нельзя признать удачной; она, правда, содержит указание на субъективную возможность лица, но использует этот момент лишь для расширения ответственности за неосторожность. По этой конструкции ответственность за наступившее последствие обоснована и в тех

¹ То есть «представление об относящихся к законному составу наказуемого деяния фактических обстоятельствах» — В. М.

² Аналогичную формулировку преступной небрежности содержит § 2 ст. 14 Уголовного кодекса Польши 1932 года. Это определение сейчас не удовлетворяет польских криминалистов, которые предлагают изменить формулировку преступной небрежности в будущем УК народно-демократической Польши (см. В. А. Станик, Уголовное право Польской Народной Республики, Госюриздат, 1955, стр. 158).

случаях, когда лицо, благодаря исключительным личным свойствам, могло предвидеть наступление преступного результата и избежать его, хотя бы им не была нарушена общеобязательная предусмотрительность. Будучи убежденным сторонником объективного масштаба, дореволюционный криминалист Г. Колоколов с особенной силой обрушивался на этот вывод, вытекающий из редакции ст. 48 Уголовного Уложения 1903 года. «Такое постановление, — писал Колоколов при обсуждении проекта Уложения, — является неудачным уже потому, что, в силу его буквального смысла, для принятия данного вида неосторожной вины отнюдь не требуется необходимо, чтобы субъект должен был предусматривать последствия (между словами «мог» и «должен» в проекте поставлен союз разделительный). Оказывается, таким образом, что субъект может быть наказан, между прочим, и в таких случаях, где он не нарушил со своей стороны никакой обязанности, но такое положение нельзя не признать абсурдом. Если субъект не только не предвидел последствия, но и не обязан был его предвидеть, то за что же, спрашивается, мы будем его наказывать? Ясно поэтому, что *negligentia* только тогда и может быть принята, когда суд признает, что преступник должен был предусматривать противозаконный результат; в противном случае последний должен быть рассматриваем, как *casus*»¹.

Формула неосторожной вины, данная в ст. 48 Уголовного Уложения 1903 года, расширяет ответственность и в другом направлении. Она допускает ответственность во всех случаях, когда субъект должен был предвидеть преступный результат, независимо от того, была ли у данного лица, в соответствии с его личными свойствами и состоянием, субъективная возможность предвидения.

Таким образом, альтернативная формула «мог или должен» был предвидеть соединяет отрицательные стороны объективной и субъективной точек зрения и ведет к необоснованному усилению ответственности за неосторожность.

Более прогрессивный характер носят те определения неосторожности в буржуазных уголовных кодексах, которые предлагают принять во внимание и требования буржуазного правопорядка относительно предусмотритель-

ности, и субъективную возможность данного лица выполнить эти требования, и которые считают, что каждый из указанных моментов, взятый в отдельности, недостаточен для обоснования ответственности. Эта конструкция намечается в ст. 18 Швейцарского уголовного кодекса 1837 года, которая определяет: «Неосмотрительность является виновной, когда виновник деяния не принял мер предосторожности, диктуемых обстоятельствами и его личными условиями». В этой недостаточно четкой формулировке Швейцарский уголовный кодекс, с одной стороны, устанавливает объективные пределы ответственности за неосторожность, а с другой стороны, предписывает учитывать субъективные возможности данного лица.

Работа по созданию ныне действующего Швейцарского Уголовного кодекса была давно начата буржуазным криминалистом Карлом Штоссом, который еще в 1893 году составил предварительный проект, оказавший влияние на некоторые последующие проекты других стран. Так, § 60 проекта Германского Уголовного Уложения 1909 года содержит сходное со ст. 18 Швейцарского Уголовного кодекса постановление о неосторожности, причем законодательная мысль получила здесь более четкую формулировку. «Неосторожно действует тот, — гласит § 60 проекта, — кто совершает деяние, хотя и без умысла, но вследствие недостатка той внимательности, которую виновный, по обстоятельствам дела и по личным условиям, в коих он находится, обязан и в состоянии соблюсти». По этому же пути пошли проекты Германского Уголовного кодекса 1919 и 1925 годов, которые содержат аналогичные постановления о неосторожности.

Постановления приведенных проектов уголовного кодекса, которым так и не суждено было превратиться в действующее право, отражали буржуазно-демократические принципы, ставшие, по мере обострения противоречий капиталистического общества, помехой при осуществлении классового «правосудия». Указанные попытки ограничить, хотя бы формально, понятие неосторожности не соответствовали тенденциям карательной политики эпохи империализма. Все сильнее ощущается потребность в появлении нового буржуазного уголовного законодательства, которое открыто узаконяет отказ от принципа виновной ответственности. Проводником этой реакционной

¹ Уголовное Уложение. Проект редакционной комиссии и объяснения к нему, т. I, С.-Петербург, 1897, стр. 404, примечание 3.

точки зрения явился Итальянский Уголовный кодекс 1930 года. В ст. 43 он считает, что неосторожность имеет место в тех случаях: «когда результат, хотя бы и предвиденный, не был желаем действовавшим лицом и наступил вследствие небрежности, неблагоразумия, неопытности или несоблюдения законов, уставов, распоряжений или правил».

Такая формулировка неосторожности открыто относит к ней «случайные» последствия, которые не охватываются виной деятеля. Закон прямо предлагает не учитывать индивидуальных свойств лица, неумышленно причинившего вредный результат. Так, безусловно, вменяется в неосторожность результат, вызванный всякой «неопытностью», всяким «неблагоразумием». Закон лишает суд права войти в обсуждение вопроса о том, можно ли или нет упрекнуть лицо в отсутствии опыта и благоразумия; для ответственности достаточно лишь установить, что результат наступил вследствие указанных обстоятельств.

Статья 43 Итальянского Уголовного кодекса ничего не говорит об отношении лица к возникшему вреду. Если лицо не соблюдает законов, уставов, распоряжений или правил и в результате такого нарушения наступает запрещенное законом последствие, то его следует вменить в неосторожность. Суду не предлагается выяснить ни того, существовала ли у правонарушителя субъективная возможность предвидеть результат, ни даже того, была ли у него обязанность это сделать. Ответственность наступит и в случае необычного течения причинности, предвидеть которое не было возможности. Таким образом, в Итальянском Уголовном кодексе в неприкрытом виде воскрешается в области ответственности за неосторожность доктрина средневекового права *versanti in re illicita imputantur omnia quae sequuntur ex delicto* (тому, кто занимается незаконным делом, вменяется все, что происходит из деликта). Эта доктрина считала, что лицу вменяются все последствия, вытекающие из совершенного запрещенного действия, безотносительно к тому, охватываются ли они виной деятеля.

Каноническая доктрина *versanti in re illicita* находит применение в англо-американском праве. Так, например, смерть, наступившая вследствие совершения тяжелого преступления, вменяется лицу независимо от того, была ли у него какая-либо вина по отношению к лишению

жизни. Доктрины *versanti in re illicita* нередко придерживается общее право и еще чаще статутное право, которое в целом ряде случаев допускает ответственность за наступившее невиновно последствие, если только оно причинено в результате совершения запрещенного действия¹. Правда, в XVIII веке под влиянием прогрессивных буржуазно-демократических идей область применения доктрины *versanti in re illicita* в практике английских судов стала суживаться, но в период империализма, в связи с ломкой буржуазной законности, средневековые канонические воззрения на вину и на ответственность опять получили широкое распространение в англо-американском праве².

Действующее советское уголовное законодательство в постановлениях, посвященных преступной небрежности, стоит на совершенно других позициях. Советскому уголовному законодательству чужды всякого рода презумпции и схоластические конструкции, подрывающие демократический принцип индивидуальной ответственности. Уголовные кодексы союзных республик определяют, что ответственность за преступную небрежность обоснована в том случае, если лицо должно было предвидеть наступление общественно-опасных последствий³. Следовательно, вопрос о психическом отношении лица к последствию ставится по Уголовному кодексу и в отношении преступной небрежности.

Некоторые авторы, как мы уже отмечали, считают, что обязанность предвидения общественно-опасных последствий, о которой говорит закон, предполагает субъективную возможность лица сделать это. По их мнению, указанная обязанность не существует, если лицо по своим индивидуальным свойствам не могло предвидеть последствий своего поведения. Однако, по нашему мнению, оба момента — долженствование предвидеть и субъективная

¹ См. К. Кенни, Основы уголовного права, перевод с английского В. И. Каминской под ред. Б. С. Никифорова, Издательство иностранной литературы, 1949, стр. 41, 46, 47 и др.

² Анализ этого процесса см. во вступительной статье Б. С. Никифорова к указанной книге К. Кенни, Основы уголовного права, стр. XXXVIII—XLVII.

³ Аналогичное определение преступной небрежности содержится в Уголовном кодексе Народной Республики Албании, который в ст. 5 определяет, что лицо действует неосторожно, если оно «не предвидело этих (то есть общественно-опасных. — В. М.) последствий, хотя по обстоятельствам дела должно было их предвидеть». И здесь указывается лишь момент долженствования предвидеть.

возможность выполнить эту обязанность — имеют самостоятельное значение; они не могут охватывать или предполагать друг друга, и должны найти четкое выражение в определении преступной небрежности. Поэтому законодательная формулировка данного вида вины в Уголовном кодексе нуждается в уточнении.

Как мы видели, наша судебная практика принимает во внимание субъективную возможность лица предвидеть и отклонить наступление общественно-опасных последствий, исключая ответственность за неосторожность в тех случаях, когда лицо, благодаря своим личным свойствам и особому психическому состоянию в момент действия, не может этого сделать. Таким образом, судебная практика, в соответствии с основными принципами советского уголовного права, уточняет смысл законодательного определения преступной небрежности, данного в Уголовном кодексе. В решениях Верховного Суда СССР встречаются более полные и точные формулировки, касающиеся этого вида неосторожности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 23 июля 1947 г. по делу Г. прямо указывает: «Для осуждения по ст. 139 УК РСФСР требуется, чтобы виновный предвидел возможность последствий своих действий и надеялся легкомысленно их избежать (так называемая преступная самонадеянность) или, чтобы виновный не предвидел последствий своих действий, но мог и должен был их предвидеть (так называемая преступная небрежность)»¹.

Оба момента — и долженствование предвидеть общественно-опасные последствия, и субъективная возможность выполнить эту обязанность — отражаются и в других определениях Судебной коллегии Верховного Суда СССР. Так, в определении от 26 января 1946 г., отвергая квалификацию деяния З. по ч. 1 ст. 141 УК РСФСР, Коллегия отмечает: «Нет основания считать, что З. мог и должен был предвидеть возможность наступления такого последствия»².

Точная формулировка преступной небрежности содержится в Уголовном кодексе Народной Республики Болга-

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1947 г.», вып. VIII, 1948, стр. 22.

² «Судебная практика Верховного Суда СССР 1946 г.», вып. III, 1947, стр. 13.

рии, абз. III ст. 4 которого гласит: «Деяние считается совершенным по неосторожности, если лицо не предвидело наступления общественно-опасных последствий, но должно было и могло их предвидеть...». Оттеняет указанные моменты, хотя и не в такой четкой форме, и Уголовный кодекс Чехословацкой Республики, который дает следующее определение преступной небрежности: «Последствия, предусмотренные законом, считаются причиненными по неосторожности, если лицо, совершившее преступление: ... б) не сознавало, что может их причинить, хотя, если принять во внимание обстоятельства дела и личные свойства виновного, могло это сознавать» (§ 3 п. (2)).

В настоящее время стоит задача дать в законе полное определение преступной небрежности, намечающее признаки, необходимые для установления ответственности за нее. Как правильно замечает Т. Л. Сергеева, «определение преступной небрежности в законе более четко выражало бы то понятие этой формы вины, из которого... исходит советская судебная практика, если бы в текст этого определения было включено указание на возможность предвидения»¹.

Однако некоторые проекты Уголовного кодекса при определении преступной небрежности придерживаются в основном той формулировки этого вида неосторожности, которая содержится в уголовных кодексах союзных республик.

По нашему мнению, законодательная формула преступной небрежности должна сочетать объективный и субъективный критерии, которые отражают различные принципы, лежащие в основании уголовной ответственности. Только при условии правильного сочетания этих моментов будут достигнуты полная ясность и определенность при установлении уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные по неосторожности.

Можно предложить следующее определение преступной небрежности: «Преступление признается совершенным по неосторожности и тогда, когда лицо не предвидело общественно-опасных последствий своего поступка, хотя по обстоятельствам дела должно было и по личному состоянию могло предвидеть их наступление».

¹ Т. Л. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право» 1947 г. № 4, стр. 25.

§ 2. Законодательная система ответственности за неосторожность

По неосторожности может быть совершено не всякое преступление. Целый ряд составов преступлений для своего осуществления предполагает умышленную вину. С другой стороны, встречаются и такие составы, субъективная сторона которых исключает умысел и выражается лишь в неосторожной вине. Наконец многие преступления могут быть совершены и умышленно и по неосторожности. Поэтому вопрос о том, каким образом должны разграничиваться в законодательстве области умышленной и неосторожной вины, имеет существенное значение.

Круг преступлений, которые влекут уголовную ответственность при совершении их по неосторожности, определяется неодинаково в отдельных уголовных уложениях. Существуют две противоположные законодательные системы, в основании которых лежат различные принципы. По одной системе ответственность за неосторожность требует прямого и точного указания в законе случаев уголовно-наказуемой неосторожности. Ответственность за неосторожность не может иметь места, если в Особенной части уголовного кодекса не содержится специальной оговорки, что данное деяние карается при совершении его по неосторожности. По другой законодательной системе такого указания не требуется. Ответственность за неосторожность принципиально допустима без специального упоминания об этом, за исключением тех случаев, когда данный состав преступления по тем или иным обстоятельствам исключает возможность его осуществления при наличии неосторожной вины.

Первый взгляд получил законодательное выражение в ряде буржуазных уголовных кодексов. Например, русское дореволюционное Уголовное Уложение 1903 года в абз. IV ст. 48 определяло: «Преступления наказываются при наличии вины умышленной, при наличии же вины неосторожной — только в случаях, особо законом указанных». В несколько иной редакции то же положение выражено в одном из наиболее поздних буржуазно-демократических уголовных кодексов — в Швейцарском Уголовном кодексе 1937 года. Статья 18 этого кодекса гласит: «Если в законе не содержится иных точных постановлений, то наказуем только тот, кто совершает преступление

или проступок умышленно». К аналогичной формулировке прибегает и Датский уголовный кодекс 1930 года в ст. 19.

Изложенной системы ответственности придерживаются отдельные уголовные кодексы стран народной демократии. Четкое постановление по этому поводу содержится в Уголовном кодексе Народной Республики Болгарии: «Деяние, совершенное по неосторожности, наказывается только в случаях, предусмотренных настоящим кодексом» (ч. 4 ст. 4). Та же мысль выражена в пункте первом § 4 Уголовного кодекса Чехословацкой Республики: «Если закон специально не предусматривает ответственности за преступные деяния, совершенные по неосторожности, то наказуются лишь деяния, совершенные умышленно».

В соответствии с изложенной законодательной конструкцией в Особенной части приведенных кодексов дается исчерпывающий перечень составов, специально предусматривающих ответственность за то или иное преступное деяние, совершенное по неосторожности. Так, например, диспозиция § 113 Чехословацкого кодекса гласит: «Кто по неосторожности допускает, что хозяйственная или служебная тайна становится известной за границей...» Также сформулированы и другие параграфы указанного кодекса. Например, § 172: «Кто по неосторожности сделает возможным или облегчит побег другого лица из-под стражи или из заключения», или § 271: «Кто по неосторожности в результате употребления алкогольных напитков приведет себя в такое состояние, что будет неспособен явиться на службу или ее исполнять» и т. д.

По другому пути идут авторы тех уголовных кодексов, которые считают, что ответственность за совершение преступления по неосторожности принципиально допустима в отношении всякого запрещенного уголовным законом деяния и без специального законодательного постановления об этом, если только сам закон или свойства данного состава преступления не исключают возможности установления ответственности за неосторожность. По этой системе лицо, виновное в неосторожном причинении вреда, привлекается к ответственности по той же статье Уголовного кодекса, по которой привлекаются лица, виновные в умышленном причинении вреда и — при этом — наказываются в рамках санкции, предусмотренной данной статьей. Исключение составляют те случаи, когда сам закон создает отдельные составы умышленного и неос-

торожного совершения преступления, связывая с ними различные наказания.

Какова позиция действующего советского уголовного законодательства в рассматриваемом вопросе?

Уголовные кодексы всех союзных республик выдвигают принцип виновной ответственности, устанавливая, что уголовно-наказуемыми общественно-опасные деяния являются в тех случаях, когда они совершены или умышленно или по неосторожности. В то же время уголовные кодексы союзных республик ничего не говорят о том, как должны разграничиваться области этих форм вины. О позиции уголовных кодексов союзных республик в данном вопросе можно судить на основании отсутствия указания, что неосторожность преследуется в уголовном порядке лишь в специально обозначенных в Особенной части Уголовного кодекса.

Отсутствие в Общей части Уголовного кодекса каких-либо оговорок относительно границ ответственности за неосторожность дает возможность квалифицировать неосторожное деяние и по статьям, в диспозиции которых не содержится упоминания о неосторожной вине. Не говоря уже о мелких деликтах, которые допускают их совершение не только при наличии умысла, но и по неосторожности, можно привести и более тяжелые преступления, не исключющие обеих форм вины. Так, например, ст. 141 УК РСФСР, которая предусматривает доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него, не уточняет, какую форму вины требует осуществление данного состава преступления. Судебная практика и теория советского уголовного права считают, что это преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР, отменяя обвинительный приговор народного суда Кинель-Черкасского района Куйбышевской области в отношении Ч., осужденного за склонение к самоубийству Н., указала, что «...у Ч. не было не только умысла довести Н. до самоубийства, но и неосторожности, так как он не мог и не должен был предвидеть таких совершенно исключительных последствий своих вполне законных действий»¹.

¹ «Социалистическая законность» 1948 г. № 10, стр. 61.

Однако ближайшее изучение отдельных составов преступлений убеждает, что большинство преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, исключает неосторожную вину и требует умысла. Принимая во внимание прямые указания закона, конструкцию отдельных составов или самую природу отдельных преступных деяний, следует прийти к заключению, что по действующему советскому уголовному законодательству сфера уголовно-наказуемого умысла значительно шире, чем сфера уголовно-наказуемой неосторожности.

Безусловно, исключается возможность совершения преступления по неосторожности, если законодатель намеренно ограничивает пределы ответственности путем отнесения умысла к числу необходимых признаков состава преступления. Так, ст. 175 УК РСФСР, предусматривая «умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам», тем самым не допускает привлечения к уголовной ответственности за неосторожное истребление или повреждение имущества.

Намерение законодателя исключить неосторожную вину и наказывать лишь за умышленное совершение данного преступного деяния можно обнаружить и путем толкования признаков, относящихся к характеристике субъективной стороны преступления. Например, введение в состав признака «заведомости» при ложном доносе и при даче ложного показания (ст. 95 УК РСФСР) исключает возможность совершения этих преступлений по неосторожности. Такое же значение имеют признаки — «самовольность» (ст. ст. 77, 90 УК РСФСР), «злонамеренность» (ст. 134 УК РСФСР), «злость» (ст. 158 УК РСФСР) и т. п., которые свидетельствуют о сознательном и волевым характере деяния.

Преступление не может быть совершено по неосторожности и в тех случаях, когда для существования данного состава преступления требуется, чтобы деяние было предпринято с определенной целью или по определенным мотивам. Например, не наказывается подмена чужого ребенка по неосторожности, так как состав ст. 149 УК РСФСР предусматривает наказуемость такого действия лишь в том случае, если лицо совершает его с корыстной целью, из мести или иных личных видов.

Иногда объективная сторона преступления, в частности обозначенная в законе действие, носит такой характер, что исключает неосторожность и непременно предполагает умысел. Сюда относятся подделка металлической монеты (ст. 59⁸ УК РСФСР), побег арестованного из-под стражи или из места заключения (ст. 82 УК РСФСР), изнасилование и т. п.

Исходя из характера преступного действия, судебная практика нередко уточняет субъективный элемент того или иного состава, при описании которого закон умалчивает о требуемой форме вины. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР не сочла возможным усмотреть в действиях М. признака ст. 128-в УК РСФСР, карающей обвешивание и обмеривание покупателей, — поскольку М. не сознавала, что ее безмен не показывает точного веса и она своими действиями наносит ущерб покупателям. В определении Коллегии от 24 марта 1943 г. по делу М. прямо указано: «Действия М. не могли быть квалифицированы по ст. 128-в УК РСФСР, предусматривающей умышленное пользование неверными весами и другими измерительными приборами с целью обвешивания потребителей»¹.

Наконец, существуют преступления, которые, независимо от текста закона, по своей природе требуют умысла. Так, нельзя нанести оскорбления по неосторожности, поскольку сущность этого преступления состоит в намерении унизить честь или достоинство другого человека; точно также невозможно без умысла получить или дать взятку. Между тем при определении законом приведенных преступлений об их субъективной стороне ничего не говорится. Такова субъективная сторона и состав похищения имущества. «Можно, — замечает А. Н. Трайнин, — по неосторожности унести чужую вещь, но похитить чужое имущество по неосторожности нельзя»².

Несовместима с неосторожной виной по своей сущности вся область предварительной преступной деятельности. Одним из оснований ответственности за покушение и за приготовительные к преступлению действия является то, что воля лица направлена на достижение преступного

результата. Поэтому неоконченное преступление, безусловно, предполагает умышленную деятельность. Это положение отражается в законодательных постановлениях о предварительной преступной деятельности. Статья 11 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» 1924 года среди обстоятельств, которые должен принять во внимание суд при выборе меры наказания за неоконченное преступление, указывает «степень осуществления преступного намерения». Точно также при определении понятия добровольного отказа от совершения преступления ст. 19 УК РСФСР говорит о преступлении, которое не было совершено по добровольному отказу лица, «намереваясь его совершить. И в самом деле, нельзя готовиться к причинению того результата, которого лицо не предвидит или которое оно решительно отклоняет, точно так же, как нельзя намеренно направить свое действие на осуществление такого результата. Как правильно замечает Н. Ф. Кузнецова, «покушение и приготовление не есть логические понятия «начала» преступной деятельности»¹. Они являются действиями, субъективно направленными на осуществление преступной цели.

Умышленный характер предварительной преступной деятельности подчеркивается в уголовных кодексах стран народной демократии. Так, Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии в ст. 15 определяет приготовление к преступлению как «приготовление средств, подыскание соучастников и вообще создание условий для совершения умышленного преступления...» В ст. 16 того же кодекса покушение на преступление определяется как «деяние, которым начато исполнение умышленного преступления, но результат которого не наступил...»

Умышленный характер предварительной преступной деятельности подчеркивается также в § 5 Уголовного кодекса Чехословацкой республики, который определяет покушение как общественно-опасное деяние, совершенное «с целью причинить предусмотренное законом последствие».

¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР 1943 г.», вып. V.
² А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, М., 1951, стр. 226.

¹ Н. Ф. Кузнецова, Некоторые вопросы ответственности за приготовление и покушение по советскому уголовному праву, «Советское государство и право» 1955 г. № 5, стр. 119.

Советское уголовное право не считает возможным и неосторожное соучастие.

Иного взгляда придерживались некоторые русские до-революционные криминалисты, например, Г. Е. Колоколов, Н. Д. Сергеевский, П. П. Пусторослев и С. В. Познышев, которые признавали возможность неосторожного соучастия, хотя и в различных пределах. Наиболее широко допускали неосторожное соучастие Г. Колоколов и П. П. Пусторослев.

По мнению Г. Колоколова, «соучастие есть такое отношение нескольких лиц к единичному результату, при котором каждое из них виновным образом обуславливает этот результат посредством известного положительного действия»¹.

Подобно Г. Е. Колоколову, и проф. П. П. Пусторослев признавал соучастие во всех случаях, когда «по меньшей мере, двое поступили виновно и притом умышленно, или неосторожно, или один умышленно, а другой неосторожно»².

Таким образом, указанные авторы признают возможность соучастия и тогда, когда все соучастники действовали неосторожно, а исполнитель умышленно, и тогда, когда соучастники действовали умышленно, а исполнитель неосторожно.

Во всех этих случаях допускает возможность соучастия и проф. С. В. Познышев, с тем, однако, ограничением, что соучастники, действующие неосторожно, должны сознавать, что присоединяют свою деятельность к деятельности другого лица, хотя бы они не сознавали преступных последствий этой деятельности³.

В советской уголовно-правовой литературе возможность неосторожного соучастия, хотя и в значительно более ограниченном виде, допускают проф. А. Н. Трайнин и проф. М. Д. Шаргородский. По их мнению, соучастие не может иметь места в тех случаях, когда один из уча-

стников преступления действует умышленно, а другой неосторожно, но соучастие может иметь место тогда, когда все лица, принимающие участие в совершении преступления, действуют неосторожно¹.

Однако согласно господствующему в советской науке уголовного права взгляду о неосторожном соучастии ни при каких обстоятельствах не может быть речи. Соучастие представляет собой участие нескольких лиц в совершении одного единого преступления. Это единство преступления, совершаемого соучастниками, выражается, во-первых, в том, что действия всех соучастников стоят в причинной связи с общественно-опасным результатом, который наступает в результате их совокупных действий. Это единство выражается, во-вторых, в том, что все соучастники сознательно направляют свою деятельность к достижению одного и того же преступного результата.

Но можно ли говорить об одном едином преступном деянии там, где одни лица действуют умышленно, а другие по неосторожности? — Конечно, нет! Совпадение таких различных форм вины, какими являются умысел и неосторожность, не может дать единства преступного деяния. Неосторожность более легкая форма вины и по существу своему отличается от умысла.

Не может быть соучастия и в тех случаях, когда все участники совершенного преступления действуют по неосторожности. Единство преступления при соучастии создается сознательным направлением воли всех совместно действующих лиц на выполнение одного деяния, а этого сознательного направления воли к одному единому преступному последствию нет в тех случаях, когда все участники деяния действуют по неосторожности.

Понятно поэтому, что некоторые советские криминалисты предлагают определить соучастие в будущем уголовном законодательстве как «умышленное совместное совершение преступления двумя и более лицами»².

Судебная практика в этом вопросе занимает правильную позицию.

¹ Г. Колоколов, О соучастии в преступлении, М., 1881, стр. 51.

² П. П. Пусторослев, Русское уголовное право, Общая часть, вып. I, Юрьев, 1912, стр. 428—429.

³ См. С. В. Познышев, Основные начала науки уголовного права, М., 1912, стр. 377—378.

¹ См. А. Н. Трайнин, Учение о соучастии, Юриздат, 1941, стр. 111—118. М. Д. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права, Издательство Ленинградского университета, Л., 1955, стр. 139—143.

² См. «Советское государство и право» 1954 г. № 4, стр. 66.

В тех случаях, когда общественно-опасное последствие вызвано неосторожными действиями двух или нескольких лиц, все они самостоятельно привлекаются к ответственности за причинение последствия по неосторожности, а не как соучастники совершенного преступления. Так например, шофер Ч. обвиняется в том, что он зашел в будку дежурного нарядчика гаража, расположенную недалеко от пешеходной дорожки и предложил находившемуся там шоферу М. испробовать имевшиеся у них pistols. Ч. произвел два выстрела по шапке М., повешенной на гвоздь, вбитый в бревенчатую стенку будки. При этом одна пуля застряла в бревне, а другая прошла навывлет. М. сделал один выстрел в повешенную на тот же гвоздь шапку Ч. Пуля попала в паз бревенчатой стены, прошла навывлет и ранила в область грудной клетки проходившую на расстоянии 30 метров от будки гр. П., которая от полученного ранения скончалась.

Судебная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 19 ноября 1947 г. признала, что действие Ч., который организовал стрельбу в цель, предложив М. испробовать pistols, находится в причинной связи с наступившей смертью гр. П. Но руководствуясь тем, что Ч. действовал без умысла, то есть не предвидел возможности наступления указанного последствия, хотя должен был это сделать, Коллегия квалифицировала его действие не как подстрекательство со ссылкой на ст. 17, а непосредственно по ст. 139 УК РСФСР, предусматривающей неосторожное лишение жизни. По этой же статье Коллегия квалифицировала и действие М., от неосторожного выстрела которого погибла гр. П.¹

Уголовное законодательство стран народной демократии содержит прямые указания о том, что соучастие может иметь место лишь при умышленном преступлении. Так, например, ст. 12 Уголовного кодекса Народной Республики Албании гласит: «Соучастием является умышленное совместное совершение преступления несколькими лицами, или создание с этой целью преступной организации». Об умышленном характере действий соучастников говорят ст. 18. Уголовного кодекса Болгарской Народной Республики и § 7 Уголовного кодекса Чехословацкой Республики.

Таким образом, область неосторожной вины значительно уже области умышленной вины. Большинство преступлений не может быть осуществлено по неосторожности и требует обязательно умысла.

Однако не исключена возможность существования и таких преступных деяний, которые по своей природе не могут быть совершены умышленно и предполагают лишь неосторожную вину. Таковы, например, халатное отношение к служебным обязанностям (ст. 111 УК РСФСР), беспхозяйственность (ст. 128 УК РСФСР). Виновная связь с последствиями, наступление которых требуется этими составами, выражается всегда в форме неосторожности. Если только последствия охватываются умыслом лица, деяние меняет свою уголовно-правовую природу и перерастает в другой вид преступления: злоупотребление властью или контрреволюционный саботаж и т. п. Составы преступлений, предусмотренных в ст. ст. 4 и 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну», предполагают тоже лишь неосторожную вину. Ясно, что потерять документ, содержащий государственную тайну, нельзя умышленно, это можно сделать только по неосторожности.

Все приведенные положения носят примерный и ориентировочный характер и отнюдь не претендуют дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, где проходит граница, отделяющая друг от друга области умышленной и неосторожной вины. В отношении некоторых составов, когда нет прямых или косвенных свидетельств, ясно обнаруживающих мысль закона, могут возникать серьезные сомнения в том, какую форму вины требует данное деяние, в частности, возможно ли его совершение по неосторожности. При выяснении этого вопроса бывают случаи разногласия среди теоретиков уголовного права, иногда и судебная практика проявляет колебания.

Например, судебная практика не всегда вкладывает одинаковое содержание в признак «злостности». Если в отношении неплатежа алиментов на содержание детей указание закона, что данный поступок должен носить «злостный» характер, единодушно толкуется в том смысле, что этот состав предполагает обязательно умышленную вину, то тот же признак в составе преступления, преду-

¹ См. «Судебная практика Верховного Суда СССР 1948 г.», вып. II, стр. 15—16.

смотренного в ч. 2 ст. 59^{3а} УК РСФСР (злостное нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины), не исключает неосторожной вины.

Необходимо отметить, что практика Верховного Суда СССР не сразу пришла к этой точке зрения. Судебная практика довоенного периода склонялась к тому взгляду, что злостное нарушение трудовой дисциплины на транспорте предполагает обязательно умышленную вину. Напротив, «судебная практика военного времени показывает, что суды в понятие «явной злостности» вкладывали более широкое понимание, подводя под ч. 2 ст. 59^{3а} УК РСФСР и случаи халатного, небрежного отношения виновного к своим обязанностям, при условии, что наступили тяжелые последствия, которых виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предвидеть»¹. Этому взгляду продолжает придерживаться судебная практика по настоящее время. Он встречает поддержку и со стороны теоретиков уголовного права².

Но дело не только в том, возможно ли совершение тех или иных деяний, предусмотренных Уголовным кодексом, по неосторожности. В ряде случаев возникает вопрос: целесообразно ли и справедливо ли установление уголовной ответственности за некоторые деяния, которые по их природе могут быть совершены как умышленно, так и неосторожно, или же иногда достаточно предусмотреть в отношении этих деяний в случаях неосторожной вины дисциплинарную, административную или гражданско-правовую ответственность?

Как уже было указано, в соответствии с принятой в действующем советском уголовном законодательстве системой, уголовные кодексы не перечисляют в Особенной части всех случаев неосторожного совершения преступления. Только в отношении некоторых преступлений, наряду с составом умышленного их совершения, Уголовный кодекс особо предусматривает ответственность и за неосторожное их совершение. Так, наряду со статьями, посвященными умышленному убийству, в ст. 139 УК РСФСР говорится о неосторожном убийстве. Точно

¹ Советское право в период Великой Отечественной войны, Юридат, 1948, стр. 30. (автор этой части М. М. Исаев).

² См. А. Н. Трайнин, Состав преступления по советскому уголовному праву, Госюриздат, 1951, стр. 226.

так же выделяется в особый состав преступления неосторожное телесное повреждение (ст. 145). Иногда вместе с общим составом, охватывающим в родовых чертах умышленное совершение данного преступления, имеются самостоятельные составы, которые предусматривают совершение отдельных видов этого преступления по неосторожности. Статья 79 УК РСФСР говорит об умышленном истреблении или повреждении социалистического имущества. Статьи же 79², 79⁴, 80 УК РСФСР предусматривают отдельные виды такого повреждения, причиненного по неосторожности.

Во всех приведенных случаях законодатель ясно очерчивает область уголовно-наказуемой неосторожности, устанавливает, в каких случаях с неосторожным совершением данного деяния связывается уголовная ответственность и какой размер наказания за нее следует. Такой метод регулирования ответственности за неосторожность исключает всякие сомнения о допустимости и целесообразности привлечения к уголовной ответственности лица, неумышленно совершившего данное преступление. Закон сам устанавливает и размер наказания, которое следует за данное неосторожное деяние, и тем самым освобождает суд от трудной задачи выбора конкретной меры наказания в пределах одной и той же санкции, предназначенной и за умышленное, и за неосторожное причинение последствия.

Все чаще и настойчивей раздаются голоса в пользу изменения законодательной системы, которой придерживаются действующие уголовные кодексы союзных республик при установлении ответственности за неосторожность. Выдвигается положение, что уголовная ответственность за неосторожное совершение общественно-опасного деяния должна наступать лишь в случаях, специально указанных в Особенной части Уголовного кодекса¹. Такое предложение, по нашему мнению, заслуживает одобрения. Осуществление его должно внести большую ясность и определенность в ответственность за неосторожность. Этим будет положен конец возможным субъективным толкованиям закона, приводящим к необоснованному распространению статей Уголовного кодекса на деяния,

¹ См. «Социалистическая законность» 1954 г. № 1, стр. 33; «Советское государство и право» 1954 г. № 4, стр. 66.

с которыми не следует бороться посредством мер уголовного наказания.

Выдвигая указанное предложение, А. А. Пионтковский справедливо считает, что таким путем будет устранена возможность ответственности в уголовном порядке за неосторожные действия, которые либо вообще не должны влечь ответственности, либо должны влечь за собой ответственность в дисциплинарном, административном или гражданском порядке¹.

Кроме того, следует учитывать, что психическое состояние лица, действующего по неосторожности, не вызывает такого резкого морально-политического осуждения, как психическое состояние субъекта, совершившего преступление умышленно. При прочих равных условиях, виновный в неосторожном причинении вреда заслуживает меньшего наказания, чем виновный в умышленном причинении того же вреда. Решение сложного и важного вопроса о соотношении меры наказания за умышленно и неосторожно совершенные деяния нельзя предоставлять на усмотрение суда. Иначе в судебной практике может иметь место разноречивость, который в отдельных случаях выразится или в несправедливой переоценке или, наоборот, в недооценке значения неосторожных преступлений, и приведет к выбору наказания, не соответствующего тяжести совершенного лицом преступного деяния.

В соответствии с высказанными соображениями мы считаем, что в Общей части Уголовного кодекса необходимо предусмотреть, что уголовная ответственность за деяние, совершенное по неосторожности, может иметь место только в случаях, специально указанных законом.

В Особой части Уголовного кодекса следует прямо предусмотреть, какие составы преступлений допускают неосторожную вину.

Для того чтобы внести полную определенность в ответственность за неосторожность, в законе должна быть установлена и та мера наказания, которая связывается с деянием, совершенным по неосторожности. Поэтому нельзя одобрить точку зрения, которая считает допустимым ограничиваться лишь указанием на то, что «действия, предусмотренные настоящей статьей, караются в случае совершения их по неосторожности», без определения

конкретной меры наказания. Такой метод регулирования ответственности, по нашему мнению, допустим лишь в отношении менее значительных преступлений, с которыми связывается уголовная ответственность и в случае совершения их по неосторожности (см. например, § 210 Уголовного кодекса Чехословацкой Республики, который гласит, что подлежит наказанию и тот, «кто не исполняет, хотя бы и по неосторожности, предусмотренной законом обязанности содержать или обеспечивать другое лицо»).

Несомненно, что четкие постановления закона, касающиеся вопросов ответственности за неосторожное совершение преступления, будут содействовать дальнейшему укреплению социалистической законности, внесут единообразие в борьбу с неосторожными посягательствами и гарантируют советских граждан от возможных необоснованных вторжений в область их законных прав и интересов.

¹ См. А. А. Пионтковский, цитированное сочинение, стр. 33.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Постановления уголовного законодательства о неосторожности

§ 1. Определение понятия неосторожности в уголовном законодательстве	184
§ 2. Законодательная система ответственности за неосторожность	196

ВВЕДЕНИЕ	Стр. 3
--------------------	-----------

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Преступная самонадеянность

§ 1. Понятие преступной самонадеянности	18
§ 2. Отграничение преступной самонадеянности от косвенного (эвентуального) умысла	26

ГЛАВА ВТОРАЯ

Преступная небрежность

§ 1. Буржуазные теории уголовного права о природе преступной небрежности и их критика	43
§ 2. Материалистическое понимание уголовного вменения как предпосылка решения проблемы преступной небрежности	67
§ 3. Вопрос о природе преступной небрежности в советской юридической литературе	78
§ 4. Вина при преступной небрежности	90

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Критерии неосторожной вины

§ 1. Вопрос об объективном и субъективном критериях неосторожности	96
§ 2. Нарушение общеобязательной предусмотрительности как необходимое условие ответственности за неосторожность	119
§ 3. Значение субъективной возможности предвидения общественно-опасных последствий	141

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Содержание психического отношения лица

к общественно-опасному деянию при неосторожной вине.

§ 1. Возможность предвидения фактической стороны деяния	155
§ 2. Возможность сознания общественно-опасного характера деяния	175

Макашвили Владимир Георгиевич

«Уголовная ответственность за неосторожность»

Редактор *О. И. Гаццо*
Художник-оформитель *В. И. Бельский*
Технический редактор *Н. Л. Щедрина*
Корректор *В. Д. Рыбакова.*

Сдано в набор 28/XII 1956 г. Подписано к печати 21/III 1957 г. Формат бумаги 84×1081/32. Объем: физ. печ. л. 6,63; условн. печ. л. 10,87; учетно-пзд. л. 11,53. Тираж 10 000.

А 00092. Цена 5 р. 75 к. Зак. 4.

Госюриздат — Москва, Ж—4, Товарищеский пер., 19.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа, Красная, 23.